
Содержание номера

Неизбежность, польза и вред конкуренции <i>Б.Габараев, К.Денишева, В.Ериов</i>	6
Политика России в сфере нераспространения ОМУ и средств его доставки <i>Ю.Забалуев</i>	15
Политика России в отношении Русского мира <i>З.Омарова</i>	25
Особенности партийной стратегии в предвыборной кампании <i>О.Мушиук</i>	34
Геополитический "треугольник" Россия -- Китай -- США в Евразии <i>Н.Гейдаров</i>	42
Перспективы эволюции ОДКБ и ШОС в сфере безопасности <i>Ю.Никитина</i>	54
НАТО в миротворческом процессе <i>В.Штоль</i>	63
Проблема ограничения вооружений в XXI веке <i>Н.Извеков</i>	74
История Службы военных сообщений <i>И.Мартыненко, А.Кириченко</i>	82
Цена политических иллюзий И.Максимычев	93
"Демократическое мессианство" США на Ближнем Востоке А.Вавилов	110
Национально-государственные модели психологического управления конфликтами <i>А.Манойло</i>	118
Рецензия	
Китайская дипломатия: стратегия или тактика? <i>А.Задохин</i>	124

Неизбежность, польза и вред конкуренции

Борис Габараев,
Карина Денишева,
Владимир Ершов

Конкуренция – при одном упоминании этого слова авторам, да простит их поченный Читатель за невольное кощунство, приходит на ум классическое “как много в этом слове …”, причем, “много” для представителя практически любой нации современной цивилизации. Мы обитаем в живом мире, повсеместно пронизанном не только гравитацией, но и не менее вездесущей конкуренцией. В той или иной форме ее действие проявляется в животном и растительном мире, но особенно ярко в жизни человечества, причем на всех уровнях, а именно, локальном, региональном и глобальном.

Наряду с медициной и футболом конкуренция относится к одной из тех немногих областей человеческого бытия, в которых прекрасно разбираются не только специалисты, но и любые дилетанты. По крайней мере, многие миллионы последних в этом свято уверены. Авторы, тоже будучи классическими дилетантами, исключения в этом отношении не составляют, поэтому позволили себе порассуждать вслух не только об общепризнанной пользе конкуренции, но и об обратной стороне этой медали, то есть не столь очевидном, но имеющем место вреде конкуренции. Возможно, Читателю, как, скорее всего, тоже дилетанту в вопросах конкуренции, будет интересно взглянуть на это явление глазами еще трех случайных дилетантов.

О конкуренции в широком смысле

В русском языке слово “конкуренция” позаимствовано, возможно, из французского, на котором “*concours*” означает состязание. Однако не исключено и заимствование позднелатинского “*concurrentia*” – соперничество в достижении сходных целей, лучших результатов в определенной общественной сфере; существенная черта различных интересов, в которых происходит столкновение интересов.

Как мы видим, помимо элементов состязательности уже просматривается и столкновение интересов.

Такая же картина и в английском языке, претендующем на роль ведущего мирового языка современности. Достаточно вспомнить, что “*competition*” переводится как “конкуренция, соревнование, состязание”, но для понятия “конкурент” в английском языке наряду с вполне мирным “*competitor*”, то

есть “соперник”, уже используется куда более воинственное “*rival*”, означающее “конкурент, противник (военн.)”.

Уже из этого небольшого экскурса в самые доступные словари нетрудно видеть, что возможна конкуренция различного типа: от мирного до агрессивного, причем, в самых разных областях.

Наиболее простые формы конкуренции наблюдаются в живой природе, где они проявляются исключительно в форме столкновения интересов, а именно борьбы за жизненные ресурсы.

Достаточно вспомнить противостояние сорняков и культурных растений на полях и огородных грядках.

В качестве другого примера можно было бы привести городских голубей и ворон, фактически обреченных существовать на одной и той же кормовой базе.

Эти примеры иллюстрируют только межвидовую конкуренцию. Между тем, как отмечает великий естествоиспытатель Чарльз Дарвин (учение которого в последнее время часто подвергается сомнениям и даже гонениям), куда более жестокий характер носит конкуренция внутривидовая. Это вполне понятно, так как в случае межвидовой конкуренции жизненно необходимые ниши разных видов пересекаются только частично, а для особей одного и того же вида необходимы идентичные, то есть полностью совпадающие жизненные ниши.

Вот почему медведи оставляют на коре деревьев следы могучих когтей, отмечая таким образом свою территорию.

Даже вполне уже мирные одомашненные “барбосики” и “васьки”, движимые своим природным инстинктом, продолжают обозначать пространство, на которое претендуют, как жизненно необходимое.

Седует отметить, что в животном мире внутривидовая конкуренция может носить как индивидуальный, так и групповой, либо стадный характер.

В этом смысле медведь является классическим “индивидуалистом”, тогда как львы объединяются в прайды, а слоны ведут стадный образ жизни.

Человеческий мир устроен с точки зрения конкуренции куда сложнее мира растительного или животного, хотя некоторые общие черты в конкуренции просматриваются достаточно легко. В частности, для защиты или захвата жизненно важных ресурсов люди используют такой мощный групповой механизм, как государство.

Наглядным примером является противостояние между нефте- и газоизбыточными государствами, с одной стороны, и нефте- и газодефицитными государствами, с другой.

Противостояние варьируется в широком диапазоне от более или менее энергичной политики России в отношении государств-потребителей российского газа до открытой войны США и их союзников с Ираком, занимающим второе место в мире по запасам нефти.

Между тем, это только начало, а впереди человечество ожидает истощение мировых запасов нефти и газа на фоне непрерывно возрастающего темпа потребления этих углеводородов. Недаром цена одного барреля нефти на мировых биржах стала своего рода “температуру”, характеризующей “здоровье” глобальной экономики.

На днях цена нефти превысила психологический барьер в 100 долл. США за баррель, вызвав сильнейшую тревогу многих аналитиков.

Помимо нефти и газа в разряд дефицитных ресурсов необратимо “вползают” пресная вода, лес, плодородная земля и т.п.

“Обделенные” дефицитными ресурсами государства (США, Западная Европа, Япония, Китай и т.п.) все настойчивее сетуют на эту несправедливость судьбы. Наиболее воинственные их ру-

ководители, особенно почему-то представительницы слабого пола типа Маргарэт Тэтчер и Кондолизы Райс, призывают чуть ли не к силовому восстановлению "справедливости", объявляя общемировыми ценностями сибирскую тайгу, амазонские джунгли, озеро Байкал и т.п.

Есть над чем призадуматься России, Бразилии, Ирану и другим государствам, которых судьба щедро одарила необходимыми всем жизненными ресурсами, но не удосужилась включить в пресловутый "золотой миллиард", претендующий на безусловное и первоочередное удовлетворение своих безмерно растущих потребностей.

Таким образом, в смысле конкуренции, как соперничества или борьбы за жизненно важные ресурсы, человеческий мир мало чем отличается от мира животного или растительного, разве

что использует более изощренные методы и средства.

Почему же тогда понятие конкуренции почти всегда невольно ассоциируется с рынком и капитализмом?

Строго говоря, дело не столько в капитализме, сколько в появлении рынка, то есть возникновении ситуации, когда человек часть необходимых ему продуктов уже изготавливает не сам, а приобретает у другого человека. Первый становится покупателем, второй – продавцом. Когда продавцов не один, а несколько, то между ними начинается борьба за покупателя. Наиболее сложные формы эта борьба за покупателя приобретает именно при капитализме.

В настоящее время именно она и подразумевается, в первую очередь, под конкуренцией, хотя в более общем понимании конкуренция, отнюдь не порождение капитализма или рынка.

О конкуренции как борьбе за покупателя

Уже из определений понятия конкуренции на различных языках вытекает неоднозначность характера этого явления. В первом приближении, можно было бы условно выделить три типа конкуренции:

- состязательную;
- пассивно-выжидающую;
- агрессивно-вытеснительную.

Состязательная конкуренция наиболее близка к идеальной, ей подходит по-зделатинское определение "соперничество в достижении лучших результатов в определенной общей сфере".

Ее оружием является действительное совершенствование потребительских качеств предлагаемого товара или услуги на фоне ценообразования, приемлемого для покупателя. В качестве примера можно привести рынок мобильных телефонов, цифровых фотоаппаратов и т.п.

Пассивно-выжидающая конкуренция характерна тем, что продавец не

тратит особых усилий на совершенствование своего товара или услуги, либо на привлекательное для покупателя ценообразование. Вместо этого, он делает ставку на истощение или подорожание ресурсов своего соперника.

Такой подход, например, разделяют некоторые представители ядерной и угольной электроэнергетики, которые полагают, что можно спокойно дожидаться своего часа, когда неизбежное подорожание природного газа сделает выгодные сегодня парогазовые электростанции неконкурентоспособными.

Возможно, рациональное зерно в этом выжидании имеется, однако, состязательная конкуренция представляется куда более привлекательной и гуманистической.

Агрессивно-вытеснительная конкуренция лучше всего характеризуется английским определением "*rival*", то есть "противник (военн.)".

Для нее характерно, как минимум, подчеркивание и даже преувеличение недостатков своих конкурентов. Иногда не брезгуют и тем, чтобы приписать конкуренту несуществующие недостатки.

В области электроэнергетики от агрессивно-вытеснительной конкуренции своих соперников (газовиков, углящиков и т.д.) больше всего страдает ядерная энергетика. Помимо пока еще не до конца решенных проблем безопасности и радиоактивных отходов, "неядерные" конкуренты атомных электростанций (АЭС) самым нещадным образом эксплуатируют радиофобию населения, хотя хорошо известно, что нормально работающая АЭС выбрасывает в окружающую среду намного меньше радиоактивности, чем любая угольная электростанция.

Здесь уместно вспомнить о многочисленных "зеленых" движениях международного, национального и регионального масштаба, истинные источники финансирования которых легко угадываются по общезвестному принципу "кому это выгодно"!?

Любая конкуренция редко обходится без таких атрибутов как реклама и лоббирование. Недаром говорят, что реклама – двигатель торговли, то есть способ убедить покупателя купить именно этот товар или услугу.

Реклама тоже может быть разного типа – ненавязчивой и корректной, либо назойливой и не совсем корректной, а возможно даже агрессивной и лживой. Во многих странах рекламу с тем или иным успехом пытаются ввести в законодательное русло, по крайней мере, грозят наказанием за ох�ивание, то есть антирекламу продукции своих конкурентов.

Лоббирование как еще один атрибут конкуренции тоже является двигателем торговли, однако, если реклама предназначена для прямого воздей-

ствия на покупателя, то лоббирование чаще обращено на тех, кому предстоит принимать решение о размещении крупного заказа, принятии законодательного разрешения или запрета и т.п.

Многие страны отдают себе отчет в неизбежности лоббирования, поэтому стараются, как и в случае рекламы, прибегнуть к его законодательному регламентированию.

Государственное, а иногда и международное регламентирование рекламы и лоббирования направлено на обеспечение добросовестной конкуренции, давно уже объявленной одним из основополагающих принципов экономики развитых стран.

Однако как тут не вспомнить нехитрую студенческую прибаутку, что "если есть домашние хозяйки, то где-то должны быть и дикие хозяйки".

Иными словами, если декларируется добросовестная конкуренция, то подразумевается также возможность недобросовестной конкуренции. Последняя, как нетрудно понять, опирается на некорректную или заведомо лживую рекламу, либо на неправедное лоббирование.

Примеров некорректной или лживой рекламы не счесть, а в качестве иллюстрации несправедливого лоббирования авторы хотели бы обратиться к судьбе Игналинской АЭС, которая до недавнего времени вырабатывала более 85% электроэнергии Литвы, выводя ее по этому показателю на первое место в мире, оставив позади даже Францию.

На этой АЭС более чем по 20 лет безупречно отработали два советских энергоблока с самыми мощными в мире реакторами РБМК-1500.

Так вот, главным условием приема Литвы в состав Евросоюза было поставлено досрочное закрытие Игналинской АЭС. Первый реактор уже остановлен, а второй будет остановлен, несмотря на все просьбы руководства Литвы, в 2009 г.

Страна, основным источником валютной выручки которой был экспорт электроэнергии Игналинской АЭС, превращается в импортера электричества.

Ларчик открывается более чем просто. Дело в том, что Литва уже получает наперебой предложения ведущих компаний Евросоюза о строительстве новой АЭС рядом с закрывающейся Игналинской АЭС, но уже с энергоблоками европейского проекта.

Вот, как говорится, пример некорректного лоббирования даже не на уровне государства, а выше.

Уже затронув тему недобросовестной конкуренции, авторы не хотели бы пройти мимо явления, которое можно назвать *лжеконкуренцией*.

Речь идет о весьма активно дискутируемой проблеме глобального потепления земной атмосферы.

Как известно, бывший вице-президент США Альберт Гор даже получил с командой экспертов Нобелевскую премию мира 2008 г. за большой вклад в исследование возможных последствий необратимого глобального потепления, связываемого с выбросом парниковых газов в результате деятельности человека (тепловая энергетика, транспорт и т.п.).

По мнению сторонников этой гипотезы, практически единственным крупномасштабным источником энергии, не приводящим к дальнейшему нарастанию парникового эффекта земной атмосферы, является ядерная энергетика, если принимать во внимание, что большие гидроэлектростанции (ГЭС) приводят к огромному экологическому ущербу и, к тому же, для ГЭС остались только площадки, весьма удаленные от потребителя электроэнергии.

Противники этой антропогенной гипотезы глобального потепления уверяют мировую общественность, что наблюдаемое в настоящее время увеличение концентрации парниковых газов и, в первую очередь, углекислого газа в

земной атмосфере никоим образом не связано с деятельностью человека, а является результатом циклических длительных процессов, происходящих в земной природе. Они обвиняют сторонников антропогенной гипотезы в нарочитом нагнетании страхов, направленном на лоббирование ядерной энергетики, причем приводят массу убедительных и не очень убедительных фактов в подтверждение своей правоты, хотя 100%-ной гарантии, естественно, дать не могут.

Авторы хотели бы обратить внимание на следующее обстоятельство.

Положим, человечество вняло верным на 99% доводам противников антропогенной гипотезы глобального потепления и не стало принимать меры по сокращению выброса парниковых газов, поскольку все страхи якобы надуманы лоббистами ядерной энергетики.

Теперь представим, что оставшийся 1% неопределенности, в конечном счете, подтвердил правоту сторонников этой тревожной гипотезы.

Не окажется ли так, что человечество успокоенное "лжеконкуренцией" ядерной энергетики, пройдет "точку невозврата" и уже не успеет предпринять необходимых шагов для предотвращения общемировой катастрофы.

На взгляд авторов, цена вопроса настолько велика, что нельзя рисковать даже если вероятность правоты сторонников сокращения выброса парниковых газов составляет не то что 1%, а хоть сколько-нибудь значимую величину.

Предшествующие рассуждения авторов касались либо конкуренции, как таковой вообще, либо ее различных проявлений в странах с современной развитой капиталистической экономикой.

Интересно было бы посмотреть, наблюдаются ли какие-либо специфические отличия в явлениях конкуренции в

нашей России, экономику которой условно можно было бы назвать пере-

ходной, например, от социализма к государственному капитализму.

Возможные “подводные камни” конкуренции в условиях современной России

При анализе особенностей конкуренции в условиях современной России следует принимать во внимание, что, во-первых, Россия переходит не просто к капитализму, а именно к капитализму государственному, во-вторых, Россия остается сверхдержавой, по крайней мере, в области энергоресурсов, ядерного оружия и обычных вооружений (танки, корабли, истребители, зенитные ракетные комплексы и т.п.).

Уже из первого фактора следует, что государство отнюдь не собирается совсем уходить из экономики, несмотря на большое число охотников подталкивать его на этот путь. Напротив, началось ускоренное формирование государственных корпораций, призванных консолидировать ключевые отрасли российской экономики – авиастроения, судостроения, ядерного оружейно-энергетического комплекса, машиностроения, высоких технологий и т.д.

Следует отметить, что даже в США государство сохраняет значительное влияние в важнейших областях экономики.

Достаточно упомянуть целый ряд протекционистских законов США, принятых для стимулирования бизнеса по сооружению новых атомных электростанций в самих США и за рубежом.

Совершенно очевидно, что и в России государство должно всячески стимулировать развитие ключевых отраслей своей экономики. На международном уровне государство должно лоббировать экспорт российской продукции, особенно ее наиболее наукоемких и высокотехнологичных видов. Отрадно отметить, что в смысле такого лоббиро-

вания российское государство действует весьма эффективно.

Вполне логично задаться вопросом о допустимости государственного лоббирования внутри самой страны.

Может лучше было бы передоверить все так называемой “свободной” конкуренции, к чему Россию недрко призывают зарубежные эксперты и т.п.?

Для ответа на поставленный вопрос будет не лишним обратиться к классике многими сегодня ругаемого марксизма-ленинизма, а именно к ее тезису *“свобода есть осознанная необходимость”*.

Государство должно осознавать, что свободный рынок как конечная цель и автоматический регулятор российской экономики должен плавно “прорастать” из сложившихся экономических реалий, его не построишь на руинах советской экономики, тут-то авторы “Интернационала” были совсем не правы, призывая разрушать старый мир до основания, чтобы построить новый.

Именно, исходя из осознанной необходимости, следует вывод о том, что государственное лоббирование российской экономики внутри самой страны является не только допустимым, но и необходимым атрибутом конкуренции.

Государственное лоббирование может проявиться при:

- выборе направлений прорыва российской экономики;
- размещении государственного заказа;
- формировании налоговой политики;
- принятии решений о соответствующих льготах и т.д.

По-видимому, обязанностью государства также является борьба с псевдоконкуренцией, которую весьма успешно применили на так называемых конкурсных аукционах многие из современных российских олигархов, в том числе и ныне беглые. Отрадно видеть, что государство, судя по ряду громких судебных процессов последних лет, уже обратилось к решению этой проблемы.

Можно сделать вывод, что в России с таким атрибутом конкуренции, как государственное лоббирование, дело обстоит более или менее благополучно. К сожалению, не всегда это можно сказать о негосударственном лоббировании, какого бы уровня оно ни было. Лоббирование межотраслевого, внутриотраслевого, корпоративного, группового или персонального уровня представляется неизбежным явлением практически в любой стране, в том числе и России. Оно отнюдь не всегда является злом, зачастую это весьма положительный фактор.

В ряде стран с развитой экономикой, признавая важную роль лоббирования и в тоже время стремясь ограничить его негативную составляющую, законодатели приняли соответствующие законы о лоббировании.

У российских законодателей до этого вопроса руки еще не дошли. Они уже много лет не могут принять даже закон о коррупции, чего уж там говорить о регламентировании лоббирования.

Между тем в условиях отсутствия законодательных рамок мы можем столкнуться не только с “диким” капитализмом так называемого периода первоначального накопления капитала, но и с не менее “диким” лоббированием, когда лоббистские интересы могут войти в противоречие с интересами российского общества.

В сложившейся ситуации очень важно, чтобы в России конкуренция научных идей и технических решений не трансформировалась в конкуренцию лоббистских возможностей сторонников соперничающих направлений, проектов и т.п. Подобная трансформация особенно чревата негативными последствиями в тех случаях, когда она будет происходить в областях экономики, обеспечивающих национальную безопасность России. В первую очередь, к таким областям отечественной экономики можно отнести военно-промышленный комплекс (ВПК) и топливно-энергетический комплекс (ТЭК).

Иногда лоббисты могут вполне искренне заблуждаться, полагая, например, что закрытие конкурирующего предприятия или проекта позволит сэкономить средства из бюджета государства, сконцентрировать ресурсы на направлении главного удара и т.п. Между тем, делать ставку только на одно направление не всегда оправдано, ведь недаром благоразумные англичане не советуют складывать все яйца в одну корзину, дабы не разбить их единым махом. Даже в пределах одного и того же направления желательно иметь, как минимум, два конкурирующих предприятия, чтобы избежать монополизма, который неминуемо приведет к завышенной самооценке, расслаблению, вырождению и застою.

Особую тревогу вызывают входящие в состав ВПК предприятия двойного военно-гражданского предназначения, если их военная продукция на экспорт не поставляется по соображениям нераспространения или из-за неконкурентоспособности с продукцией зарубежных экспортеров, а гражданская продукция вполне востребована. На таких предприятиях конкуренция военного и гражданского направлений может кончиться тем, что из чисто эко-

номических соображений все большее предпочтение будет отдаваться более прибыльному и менее требовательному гражданскому направлению.

Такая ситуация чревата в конечном счете, потерей тех или иных “нерыночных” направлений деятельности ВПК, что недопустимо в условиях растущего недовольства зарубежья как возрождением могущества России, так и “неправедливым” распределением природных ресурсов в пользу России.

Отчасти эти опасения развеиваются последними решительными шагами нашего государства, выразившимися в создании ряда государственных корпораций.

Есть основания надеяться, что консолидация огромных средств в распоряжении государственных корпораций, позволит их руководителям сохранять и развивать столь необходимые России “нерыночные” направления деятельности ВПК и ТЭК.

Вместо заключения

И так, конкуренция вездесуща и монополика. Она проявляется как в живой природе, так и во всех сферах человеческой деятельности, особенно в экономике.

Конкуренция в экономике может проявлять самый разный характер от почти рыцарского состязательного до менее симпатичного пассивно-выжидающего и даже совсем не симпатично-агgressивно-вытеснительного.

К основным атрибутам и механизмам конкуренции относятся реклама и лоббирование.

Конкуренцию следует рассматривать как явление не только неизбежное, но и необходимое для экономического прогресса, если, конечно, речь идет о добросовестной конкуренции с корректным лоббированием и правдивой рекламой.

К сожалению, возможна недобросовестная конкуренция и в таком случае государству следует вмешаться, несмотря на западный миф о свободе конкуренции.

Даже в странах с развитой экономической государству сохраняет в ключевых отраслях значительное влияние, открыто лоббируя свои компании на международном рынке, а при необходимости прибегает к лоббированию и внутри своей страны.

Примером может служить политика США в области ядерной энергетики, направленная как на захват зарубежных рынков, так и на ускоренное соружение новых АЭС у себя в стране.

В смысле государственного лоббирования на международных рынках в России дела обстоят благополучно. Государство умело использует политические и экономические рычаги, успешно используя “пакетный” подход, когда приобретение того или иного российского продукта обуславливается обязательной покупкой другого российского товара или услуги. В необходимых случаях государство предлагает потенциальному покупателю привлекательную кредитную схему.

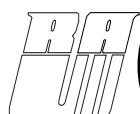
Несколько хуже обстоит дело с конкуренцией внутри России, поскольку полагаться только на опыт стран с развитой экономикой не приходится. Действительно, Россия является страной с переходной экономикой, причем переход осуществляется к капитализму государственному, чего нет в США, Японии, Франции и т.п. Россия сохраняет, к тому же, позицию сверхдержавы в области ядерного оружия и энергетических ресурсов. Поэтому в России государственную политику в отношении конкуренции следует проводить с учетом этих особенностей.

Одной из первоначальных задач представляется принятие российского законодательства о лоббировании самого разного уровня: межотраслевого, внутриотраслевого, корпоративного, группового и персонального.

В условиях отсутствия такого законодательства не исключаются проявления некорректного лоббирования, которые даже без злого умысла могут нанести ущерб российской экономике.

Последствия таких проявлений могут оказаться наиболее ощутимыми применительно к ВПК и ТЭК.

Однако создание государственных корпораций отчасти вселяет надежду, что упомянутой опасности удастся избежать, так как консолидация огромных ресурсов в этих корпорациях, позволит их руководителям успешно осуществлять политику сохранения и развития “нерыночных”, но очень нужных России направлений деятельности ВПК и ТЭК.

БОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su> OBSERVER E-mail:observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2008 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2008 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Политика России в сфере нераспространения ОМУ и средств его доставки

Юрий Забалуев

Противодействие распространению оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки занимает одно из важных мест в государственной политике многих государств мира. Это обусловлено, прежде всего, угрозой, реальной или потенциальной, исходящей от ОМУ, которое находится на вооружении или разрабатывается другими странами, особенно от ядерного оружия, обладающего большим поражающим действием и способностью вызывать, в случае его применения, очень серьезные разрушительные последствия.

Особую опасность может представлять ОМУ, если оно попадет в руки террористов и террористических организаций. Что касается появления новых государств, обладающих ОМУ, прежде всего ядерным оружием, то это, безусловно, отрицательно сказывается на всей системе международной безопасности и может вызывать длительные процессы “уравновешивания” сил и новые всплески ядерного соперничества как на региональном, так и глобальном уровнях.

Проблема усугубляется еще тем, что в действиях мирового сообщества на данном направлении нет единства. Более того, отдельные государства используют проблему нераспространения в качестве предлога для оказания давления на неугодные им страны для достижения односторонних политических, экономических и военно-стратегических выгод и преимуществ. В этом отношении наибольшую озабоченность вызывает внешняя политика Вашингтона, которая служит прикрытием для его экспансионистских устремлений.

Политика США в этой сфере концептуально закреплена в “Стратегии национальной безопасности США”, “Национальной стратегии по борьбе с ОМУ”, “Национальной военной стратегии по борьбе с ОМУ” и ряде других аналогичных документов, принятых в течение 2002–2006 гг.

Следует подчеркнуть, что в стратегии борьбы с ОМУ с недавнего времени появился, помимо “нераспространения”, такой новый элемент, как “контрраспространение”, предполагающий использование против “пролифераторов” широкого спектра мер принуждения, включая нанесение превентивных ударов высокоточным и ядерным оружием.

Анализ американских программ в сфере “контрраспространения” свидетельствует о том, что силы и средства, постоянно наращиваемые Вашингтоном, якобы, для борьбы с терроризмом и ОМУ, для противодействия этим угрозам явно избыточны и, судя по всему, предназначены для их использования не столько против отдельных террористов и их организаций или режимов “государств-изгоев”, сколько для утверждения своего лидерства среди стран, которые могут составить, в настоящем и будущем, конкуренцию США в борьбе за абсолютное мировое господство.

Интересно мнение одного из старых “ястребов” внешней политики Вашингтона З.Бжезинского, который, свято веря в то, что Соединенные Штаты остались “единственным суверенным государством в мире”, имеющим право на ущемление суверенитета остальных государств, тем не менее в своей статье “Суверен на распутье” пишет: “Борьба с терроризмом стала для Буша наиболее привлекательной формулой для осуществления полномасштабного утверждения своих интересов по всему миру”.

Данное высказывание вполне справедливо и по отношению к политике США по борьбе с ОМУ.

На этом фоне особый интерес представляет политика России в области противодействия распространению ОМУ и средств его доставки как в плане ее реального наполнения, так и с учетом ее возможного вклада в усилия, предпринимаемые мировым сообществом на этом направлении, и нейтрализацию проявляющихся негативных тенденций в данной сфере.

Уместно отметить, что при кажущейся схожести в целом политика России в данной области принципиально отличается от политики США по борьбе с ОМУ.

Характерной ее чертой является то, что, как и во времена СССР, международная деятельность России в области нераспространения и предпринимаемые ею меры на национальном уровне всегда совпадали с общей направленностью деятельности международных режимов нераспространения и, как представляется, в целом были адекватны степени угроз, связанных с распространением ОМУ.

Для внешней политики России в данной сфере характерны:

- объективность в восприятии угроз распространения;

- учет интересов всех заинтересованных государств;
- последовательность в продвижении национальных интересов;
- поиск решений острых проблем в рамках многосторонней дипломатии и коллективных усилий.

Она направлена на противодействие распространению ОМУ во всех его аспектах, создание равных условий и возможностей для обеспечения национальной безопасности всех государств, поддержание международной безопасности и стратегической стабильности. Эта политика основывается на хорошей концептуально-политической, законодательной и нормативной правовой базе.

Необходимо отметить, что именно в последние годы в России проблеме нераспространения стало уделяться повышенное внимание. Об этом свидетельствуют, в частности, документы концептуального и законодательного характера, принятые высшими органами власти – Президентом РФ и Федеральным Собранием, а также повседневная работа федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих полномочия в этой непростой сфере деятельности.

Правовыми основами для формирования и осуществления Россией государственной политики в сфере нераспространения ОМУ и средств доставки являются ее международные обязательства в данной области и национальное законодательство.

В Конституции РФ ничего не говорится о проблеме нераспространения ОМУ, но в ней содержатся, по крайней мере, два принципиально важных положения:

1. О международных договорах и соглашениях как составной части правовой системы РФ;
2. О приоритете международного права над национальным законодательством.

Поэтому, в отличие, например, от законодательной системы США, в России требования международных договоров и соглашений в области нераспространения, участницей которых она является, обязательны для их исполнения.

К основополагающим международным договоренностям в данной области относятся прежде всего:

- Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО);
- договора и соглашения о создании зон, свободных от ядерного оружия;
- Конвенция о запрещении химического оружия (КХО);
- Конвенция о запрещении биологического и токсического оружия (КБТО),
- Женевский протокол 1925 г. о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых газов и бактериологических средств.

К таким договоренностям можно отнести также Устав МАГАТЭ, документы системы гарантов МАГАТЭ, Резолюцию Совета Безопасности ООН № 1540 по нераспространению (2005 г.), руководящие документы (контрольные списки и принципы передач продукции двойного назначения) многосторонних режимов экспортного контроля, в которых Россия участвует

(Группа ядерных поставщиков, Комитет Цангера, Режим контроля за ракетной технологией) либо требованиями которых она руководствуется (Австралийская группа).

К числу подобных режимов "клубного" типа прибавилась в последнее время и Инициатива по безопасности в области нераспространения (перехват ОМУ и связанных с ним компонентов и материалов в процессе их международной транспортировки), к которой Россия присоединилась в 2004 г.

Следует однако отметить, что в ракетной области нет международных договоренностей, подобных ДНЯО, КХО и КБТО, что, как представляется, существенно ослабляет режим нераспространения.

Международные нормы в области нераспространения ОМУ и средств его доставки могут быть эффективными только в том случае, если обеспечена их реализация на национальном уровне. Поэтому в России вопросы нераспространения занимают важное место не только в ее внешнеполитической стратегии, но и находят свое выражение в системе правового регулирования государства.

Так, в настоящее время на государственном уровне сложилась система концептуальных, руководящих, программных, законодательных и иных нормативных документов в области нераспространения ОМУ и средств его доставки, которые составляют правовую основу деятельности федеральных органов власти, а также российских физических и юридических лиц в этой сфере (рис. 1).

Соответствующие положения по данной проблеме содержатся в Концепции национальной безопасности РФ, Концепции внешней политики РФ и ряде других документов, введенных в действие указами Президента России. Вместе с тем, одним из важнейших кон-

Рис. 1. Нормативные правовые акты Президента России, Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти

цептуально-политических документов Российской Федерации в рассматриваемой области стали “Основы государственной политики Российской Федерации в области нераспространения ОМУ и средств его доставки”, одобренные Президентом нашей страны (февраль 2005 г.).

Важность этого документа состоит уже в том, что если ранее концептуальные подходы России в сфере нераспространения базировались лишь на отдельных положениях, содержащихся в Концепции национальной безопасности РФ, Концепции внешней политики РФ и т.п., то “Основы...” стали первым документом в стране концептуального плана, посвященным исключительно проблеме нераспространения, в котором сформулирован комплексный подход к ее решению на государственном уровне, определены полномочия всех органов власти в данной сфере, включая Президента и Правительство России.

Примечательно, что в указанном документе впервые в национальной практике страны приведено определение термина “нераспространение ОМУ и средств его доставки”.

Согласно этому определению, под “нераспространением ОМУ и средств его доставки” понимается комплекс мер политического, экономического, правового и административного характера, осуществляемых в интересах обеспечения международного мира и безопасности Российской Федерации и направленных на:

- недопущение или пресечение незаконного оборота ОМУ, средств его доставки и связанных с ними материалов, оборудования и технологий, а также несанкционированной деятельности, которая может способствовать их приобретению, разработке, производству иностранными государствами и негосударственными структурами, в том числе в террористических целях;

- выполнение международных обязательств и законодательства Российской Федерации в области нераспространения ОМУ и средств его доставки, включая контроль за его экспортом и импортом;

- защиту от несанкционированного доступа к ОМУ, средствам его доставки и связанным с ними материалам, оборудованию и технологиям, а также обеспечение их надежного учета, сохранности, транспортировки, эксплуатации и утилизации.

Несмотря на отдельные шероховатости, данное определение тем не менее дает достаточно полное и всеобъемлющее представление о том, что вкладывают официальные круги России в понятие “нераспространение ОМУ и средств его доставки”, а также о принятых в России подходах и путях противодействия распространению ОМУ и средств его доставки (рис. 2).

При этом “Основами...” определены следующие генеральные направления деятельности в данной области на внутригосударственном уровне:

- дальнейшее развитие и совершенствование законодательной и нормативной базы в области нераспространения ОМУ и средств его доставки;

- всемерное укрепление физической защиты, контроля, учета и сохранности ОМУ, его компонентов, материалов, оборудования и технологий, обеспечение безопасности и защиты при их использовании, хранении, транспортировке;

- планомерное, в рамках выполнения международных обязательств, сокращение ядерного и ликвидация химического оружия;

- обеспечение в необходимых объемах устойчивого финансирования мероприятий по ликвидации ОМУ, средств его доставки и бывших объектов по его производству, проводимых в рамках выполнения международных обязательств;

Государственная политика Российской Федерации в области нераспространения ОМУ и средств его доставки

Цели

- обеспечение национальной безопасности РФ
- обеспечение международной безопасности и поддержание стратегической стабильности

Задачи

- выполнение международных обязательств и законодательства РФ в области нераспространения ОМУ и средств его доставки
- координация для пресечения незаконного оборота ОМУ, СД и МОТ, а также несанкционированной деятельности по созданию ОМУ в СД и СД иностранными государствами и автосударственными структурами, в том числе в террористических целях.
- запрет на несанкционированное хранение в ОМУ, СД и МОТ
- обеспечение их налогового учета, сохранность, транспортировки, эксплуатации и утилизации

Содержание (направления деятельности)

по международному угрозам:

- участие в деятельности
 - международных форумов - ОВИ, КР, ОБСЕ и т.п. в части вопросов нераспространения ОМУ
 - международных организаций по контролю договоров в сфере нераспространения ОМУ – МАГАТЭ, ОХХО и т.п.
 - многосторонних реформах экспортного контроля (ГЭП, КЦ, РСРТ), в том числе ИЭБР
- международное сотрудничество в области нераспространения ОМУ и СД
- проведение переговоров и заключение международных договоров и соглашений в области нераспространения ОМУ и СД

по национальному угрозам:

- разработка и реализация государственной политики (ГП) в области нераспространения ОМУ,
в том числе:
- законодательная и план нормативная правовая деятельность по реализации ГП и выполнению международных обязательств в области нераспространения ОМУ
 - подготовка позиции РФ на введение переговоров и проектов международных договоров и соглашений в области нераспространения ОМУ и СД
 - соблюдение требований и норм законодательства в сфере нераспространение
 - осуществление экспортного контроля за передачами материалов, оборудования, технологий и услуг двойного назначения в процессы ВЭД и ИТС
 - ограничения и санкции в отношении российских и иностранных участников ВЭД
 - контроль за соблюдением законодательства
 - применение административных санкций или уголовных наказаний к нарушителям требований и норм законодательства в сфере нераспространения ОМУ и экспортного контроля

Рис. 2. Государственная политика Российской Федерации в области нераспространения ОМУ и средств его доставки

- совершенствование мер пограничного, таможенного и других форм государственного контроля в целях пресечения незаконного экспорта (импорта), реэкспорта, транзита и трансграничного перемещения “чувствительных” технологий и опасных материалов;
 - разработка и организация производства эффективных технических средств контроля за перемещением и распространением “чувствительных” компонентов ОМУ и средств его доставки, оснащение ими подразделений соответствующих специальных служб;
 - совершенствование административно-правовых и правоприменительных мер, направленных на профилактику, предотвращение, выявление, пресечение и привлечение к ответственности виновных в совершении правонарушений, связанных с возможным распространением ОМУ и средств его доставки, их компонентов и материалов и с нарушением правил экспортного контроля;
 - развитие системы подготовки и повышения квалификации специалистов в области нераспространения ОМУ и средств его доставки, а также экспортного контроля путем введения в учебные программы вузов, готовящих специалистов для оборонных отраслей промышленности, соответствующего курса лекций;
 - усиление координации государственного управления в области нераспространения ОМУ и средств его доставки, а также экспортного контроля;
 - развитие систем внутрифирменного экспортного контроля, обеспечивающих идентификацию поставляемых товаров и технологий и гарантирующих исключение возможности передачи “чувствительной” информации способами, которые не предусмотрены законодательной базой экспортного контроля;
- проведение активной разъяснительно-информационной работы среди населения с изложением политики Российской Федерации в области нераспространения ОМУ и средств его доставки;
 - создание, развитие и совершенствование государственной системы информационной безопасности в отношении ОМУ и средств его доставки;
 - принятие необходимых мер по защите населения от применения ОМУ и средств его доставки.

Необходимо отметить, что в развитие “Основ...” и для их реализации в 2005 г. Правительством страны была принята комплексная программа мер в данной области, предписанных для их выполнения на международном и национальном уровнях. Это свидетельствует как о последовательности нынешнего российского руководства в выполнении намеченных решений, так и об усилении внимания с его стороны к рассматриваемой проблеме.

Большое значение для реализации политики России в данной сфере имеют законодательные и иные нормативные правовые акты, регламентирующие выполнение норм нераспространения на внутригосударственном уровне. К их числу можно отнести законы:

- определяющие порядок и условия выполнения отдельных международных договоров в области нераспространения (*“Об уничтожении химического оружия”*, *“О ратификации ДВЗЯИ”* и т.п.);
- осуществляющие правовое регулирование в сферах деятельности, имеющих в той или иной степени отношение к проблеме нераспространения ОМУ и осуществления экспортного контроля (*“Об атомной энергии”*, *“Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности”*, *Таможенный кодекс РФ* и др.);

- устанавливающие ответственность за нарушения в области нераспространения и экспортного контроля – соответствующие статьи Уголовного кодекса РФ и Кодекса РФ “Об административных правонарушениях”;
- законодательство и другие нормативные правовые акты в области экспортного контроля.

Наиболее полно и гармонично представлена нормативная правовая база в такой эффективной сфере противодействия распространению на национальном уровне, как экспортный контроль.

В концептуальном плане экспортный контроль имеет те же названные выше основы, что и политика нераспространения в целом.

Законодательной базой данного направления деятельности служит закон *“Об экспортном контроле”*.

Этот закон был принят в 1999 г. и определяет цели, принципы, методы и основные положения по осуществлению экспортного контроля.

Предметом правового регулирования данного закона является внешнеэкономическая деятельность (ВЭД), связанная с международными передачами продукции двойного назначения – сырья, материалов, оборудования, научно-технической информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности, которые в силу своих особенностей и свойств, могут быть использованы при создании ОМУ, средств его доставки и иных видов вооружения и военной техники.

В 2007 г. в указанный закон внесены изменения, в соответствии с которыми экспортный контроль распространяется и на продукцию, которая может быть использована при подготовке и совершении террористических актов.

В соответствии с указанным законом, в осуществлении экспортного контроля задействованы все органы власти РФ, включая Президента и Правительство.

Так, Президент России определяет государственную политику в данной сфере.

Указами Президента РФ утверждаются списки контролируемой продукции двойного назначения, а также устанавливаются полномочия федеральных органов исполнительной власти в области экспортного контроля, состав и функции Комиссии по экспортному контролю РФ.

Правительство РФ организует реализацию политики в области экспортного контроля.

Постановлениями Правительства определяются порядок и правила осуществления экспортного контроля в отношении внешнеэкономической деятельности с продукцией двойного назначения.

Непосредственная работа в сфере экспортного контроля осуществляется федеральными органами исполнительной власти, на которые законодательством возложены соответствующие полномочия. Законом *“Об экспортном контроле”* предусмотрено назначение специально уполномоченного органа в данной сфере деятельности.

В настоящее время роль такого органа выполняет *Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России)*.

В ее функции входит, в частности:

- рассмотрение заявлений участников ВЭД о выдаче лицензий на осуществление внешнеэкономических операций с контролируемой продукцией двойного назначения;
- проведение государственной экспертизы внешнеэкономических сделок;
- выдача в необходимых случаях разрешений на безлицензионный вывоз указанной продукции;
- подготовка предложений о корректировке контрольных списков.

В этой работе, особенно в части госэкспертизы сделок, принимают участие такие министерства и ведомства (в соответствии со спецификой их деятельности), как Минобороны, Росатом, Роскосмос, Роспром, Минэкономразвития, Росимущество, ФСБ, СБР и др.

Кроме того, указанные министерства и ведомства, а также Федеральная таможенная служба, при необходимости, издают нормативные акты (приказы, инструкции, методические рекомендации, директивные письма и т.п.), направленные на разъяснение или более четкую регламентацию процедур осуществления экспортного контроля.

Ведущая роль в организации работ в сфере нераспространения ОМУ принадлежит *Комиссии по экспортному контролю РФ*.

Данная Комиссия является межведомственным координационным органом, уполномоченным принимать решения, которые обязательны для исполнения представленными в ней ведомствами. Не случайно также, что для руководства деятельностью этого органа, как правило, назначается один из заместителей Председателя Правительства РФ.

В настоящее время Комиссию возглавляет С.Б.Иванов.

В апреле 2005 г., в связи с административной реформой, указом Президента РФ состав Комиссии был обновлен.

Сейчас в ней представлены 21 министерство и ведомство, аппарат Правительства, Совет Безопасности, Российская академия наук.

Этим же указом значительно расширены полномочия Комиссии в области нераспространения. В настоящее время они (помимо вопросов экспортного контроля) заключаются в выполнении следующих функций:

- организация взаимодействия федеральных органов исполнительной власти по вопросам прогнозирования и выявления угроз безопасности РФ, связанных с распространением ОМУ и средств его доставки, а также по подготовке предложений, касающихся противодействия этим угрозам;

- координация работы этих органов при подготовке ежегодных докла-

дов Президенту страны по вопросам нераспространения ОМУ и средств его доставки;

- подготовка предложений по направлениям государственной политики в области экспортного контроля в целях нераспространения ОМУ и средств его доставки;

- анализ эффективности международного сотрудничества РФ в области нераспространения ОМУ и средств его доставки, подготовка соответствующих предложений.

Таким образом, просматривается целостностная законодательная, нормативно-правовая и организационная система обеспечения функционирования экспортного контроля России, играющего, безусловно, важную роль в реализации политики в сфере нераспространения.

Вместе с тем, судя по указанным направлениям деятельности Комиссии, они не охватывают всего комплекса мер, предусмотренных “Основами государственной политики Российской Федерации в области нераспространения ОМУ и средств его доставки”. В этой связи напрашивается целесообразность создания в России единого координирующего органа в данной области. Такой орган мог бы быть создан на базе одного из федеральных органов исполнительной власти (МИД, Минобороны или ФСТЭК России).

В США общую межведомственную координацию деятельности министерств и ведомств в данной области осуществляет Комитет по контролю над программами противодействия распространению (*Counter proliferation Program Review Committee*), учрежденный конгрессом в 1994 г.

В составе министерства внутренней безопасности США функционирует национальный центр по борьбе с распространением (*National Counter proliferation Center*), штатная численность которого составляет 75 сотрудников.

В подходах России на данном направлении деятельности есть своя логика и смысл, определяемые, прежде всего, интересами национальной безопасности государства, а также сложившимися традициями, моральными нормами и установками в сфере поддержания дружественных взаимоотношений с другими странами.

Поэтому при разрешении международных споров и озабоченностей относительно исправления ситуаций, связанных с нарушением норм нераспространения отдельными государствами, Россия, как показывает практика, склоняется, в первую очередь, к мерам политico-дипломатического характера, во вторую – к экономическим санкциям и только в крайнем случае, если предпринятые усилия не дали положительного результата и если ситуация действительно угрожает всеобщему миру и безопасности, к применению военной силы.

При этом она исходит из того, что и введение экономических санкций, и применение военных мер должно осуществляться в соответствии с международным правом и только при наличии резолюции Совета Безопасности ООН.

В этом – одно из главных, принципиальных отличий государственной политики Российской Федерации в области нераспространения ОМУ и средств его доставки и американской стратегии по борьбе с ОМУ.

Подписка на 2008 г.

**на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 – на 6 месяцев**

Политика России в отношении Русского мира

Зухра Омарова

Наличие этнокультурных миров со своеобразными центрами притяжения за пределами территориальных границ, на которых проживают представители этих социокультурных феноменов, давно являются частью современного мира.

В известном смысле этот феномен характеризуется панэтничностью, под которой подразумевается целостный массив этнической культуры, созданный и сохраняемый этносом и всеми его частями (в том числе и соотечественниками, проживающими за рубежом) на протяжении истории и существующий над административными и государственными границами.

Безусловно, к числу таких социокультурных феноменов современного мира относится и Русский мир*.

Рассматривая Россию и Русский мир сквозь призму онтологического подхода, становится очевидным, что у совокупного Русского мира есть мощный мобилизационный ресурс, предлагающий духовное присутствие, которое сложно поддается статистике, но, тем не менее, является реальным и ощущимым. Этот ресурс можно обозначить как идею, способную консолидировать Русский мир и даже расширять круг его носителей, в том числе и за счет поддержки Русского мира и всего русского на постсоветском пространстве со стороны государства.

Интересно, что на сегодняшний день практически отсутствуют современные исследования феномена русской цивилизации. Большим исключе-

нием из этого правила служит очень глубокий и сильный философским осмыслением русской истории и перспектив России в мире труд Н.А.Нарочницкой “Россия и русские в мировой истории”¹. Большинство же современных авторов, как правило, подходят к этому вопросу с позиций страноведения, либо узко отраслевых.

Что же есть русская цивилизация, в каком взаимодействии с другими социокультурными феноменами она состоит, каковы ее мировые перспективы?

Очевидно, что к феномену русской цивилизации, а, следовательно, и к Русскому миру нельзя подходить с позиций западного либерализма, когда в схему единственно верного либерального учения втискивается история *русской пра-*

* Русский мир – это сообщество соотечественников на постсоветском пространстве.

Сам термин и концепция Русского мира как социокультурного феномена постсоветского пространства были предложены отечественным геоэкономистом П.Щедровицким в 1993 г.

вославной цивилизации, вообще не принадлежащей просвещенческой философии “прогресса”, опрокинувшей христианскую эсхатологию и, пройдя через эпоху модерна, вступающей в постмодерн, порывая преемственность уже и с самим Просвещением¹.

Принцип историзма предполагает рассмотрение русской цивилизации и Русского мира только в критериях ее собственного философского целеполагания, то есть в христианско-православной системе ценностей и политических категорий. И тогда общепринятый вывод, сделанный системе либеральных критериев применительно к русской православной цивилизации, о бесперспективности консолидационных усилий России и Русского мира на традиционном религиозно-политическом (то есть православном) фундаменте неверен.

Таким образом, религиозно-философская парадигма рассмотрения истории сразу обращает внимание на своеобразие пути России и позволяет в полной мере оценить и ту роль, которую она, как гигантская евразийская держава с православным ядром и вселенской сутью национально-государственной идеи, играла в соотношении духовных сил, цивилизаций и государств.

В этом контексте воссоздание и сохранение России и Русского мира приобретает особый духовный и geopolитический смысл.

Инструменталистский подход предполагает не только поиск общей ценностной основы, способной объединить Русский мир, но и анализ существующих тактических шагов политики России в отношении Русского мира как сообщества соотечественников на постсоветском пространстве. Идея – основа стратегии, стратегия определяет тактику. В этой связи особый интерес представляет ответ на вопрос: Применим ли зарубежный опыт диаспоральной

политики к российским реалиям и “русскому бытию”?

Во взаимоотношениях современных государств со своими диаспорами можно выделить три основные модели: репатриационную, патерналистскую и pragmatическую.

Репатриационная модель: возникает как ответ государства происхождения (страна “исхода”) на ущемление в массовом порядке гражданских, политических, а также социокультурных и социально-экономических прав своих соотечественников в принимающем государстве.

Патерналистская модель предполагает защиту государством культурных, социально-экономических и политических прав своих соотечественников, проживающих за пределами его государственных границ.

Наконец, *прагматическая модель* подразумевает использование потенциала зарубежных соотечественников для защиты национальных интересов страны “исхода”, а также для выстраивания межгосударственных связей. На практике политика в отношении диаспор современных государств строится на сочетании, в той или иной пропорции, всех трех моделей.

На сегодняшний день многие страны мира, такие как Израиль, Германия, Франция, Китай, Армения, Казахстан, Азербайджан и др. имеют богатый опыт построения своей политики по отношению к соотечественникам, проживающим за рубежом. Прежде всего, обращает на себя внимание великое множество и разнообразие институциональных механизмов, занимающихся практической реализацией диаспоральной политики тех или иных государств.

В этой связи большинство российских исследователей, равно как и большинство российских политиков, зани-

мающихся проблемами соотечественников, прежде всего, делают упор на обмен опытом и внедрение в России зарубежных технологий диаспоральной политики. Но весь парадокс ситуации заключается в том, что на сегодняшний день в России уже существует механизм политики в отношении соотечественников с разветвленной институциональной структурой, но основные конституционные и законодательные нормы РФ в отношении соотечественников попросту не действуют, а пространные Программы в данной сфере так и остаются благими, но, увы, не реализованными намерениями.

И здесь мы подходим к мысли о том, что самая продуманная тактика (в нашем случае практическая российская политика по отношению к Русскому миру) – ничто без наличия целостной и осознанной стратегии (в нашем случае – это консолидирующая Россию и Русский мир идея).

Институциональный механизм политики, созданный по *принципу служения идеи* будет во много раз эффективнее механизма, собранного по коммерческому принципу (именно в рамках такого принципа любая политическая деятельность понимается не более чем “окно возможностей” для достижения личного блага отдельных чиновников-винтиков механизма).

Пока в государстве нет мировоззрения, из которого логически вытекает

АРМЕНИЯ. Анализ опыта армянской диаспоральной политики убедительно показывает наличие особой *национальной связи*, без которой невозможно проводить сколько-нибудь успешно консолидирующую нацию политику. Глубина и устойчивость самосознания армян, рассеянных по всему миру, нашла свое выражение в особой армянской идее, главные черты которой, ее ядро и сегодня составляют: преданность исторической памяти, национальным ценностям, армянской церкви и григорианской религии, вера в могучую творческую силу народного духа, в способность сохранить себя и возродиться после тяжких испытаний, собрать воедино рассеянных по всему миру скитальцев–армян, сохранить свою цивилизацию и место в мировой культуре и истории³.

необходимость заботиться о благе государства и общества, не может быть России и Русского мира.

В таком контексте современная российская политика в отношении Русского мира как сообщества соотечественников на постсоветском пространстве, безусловно, может извлечь из мирового опыта диаспоральной политики несколько важных для себя моментов.

Во-первых, несмотря на разницу идеологий и государственных систем, абсолютно все государства, проводящие успешную политику в отношении соотечественников за рубежом, исходят из главной установки: *защита “своих” – это моральный долг всякого уважающего себя государства*.

Здесь уместно вспомнить слова основоположника современной концепции Русского мира П.Щедровицкого о том, что любая страна, претендующая на статус мировой державы, должна стремиться не только к удовлетворению интересов своих граждан, но и к защите и выражению интересов соотечественников, проживающих в других государствах².

Во-вторых, с точки зрения практической реализации задачи структурирования Русского мира вокруг России наибольший интерес представляет опыт диаспоральной политики Армении и Израиля.

Армянскую идею очень символично выразил католикос всех армян Вазген I: он повелел отлить из чистого золота тридцать шесть букв армянского алфавита и хранить их как святая святых в Эчмиадзине.

Алфавит был создан в 405 г. великим армянским просветителем Месропом Маштоцом и когда в 428 г. вместе с последним представителем династии Аршакидов Арташесом пало Армянское царство, то письменность на родном языке, на своем самобытном алфавите, стало могучим средством самосохранения народа и его культуры.

Кроме национального языка и алфавита, совершенно особое место в истории Армении и сознании армянского народа занимает церковь и григорианская религия.

При царе Трдате III в 301 г. впервые в мире христианство, уже обладавшее в Армении сильными позициями в виде обширных общин, было объявлено государственной религией.

После падения в V веке армянского царства и окончательной утраты самостоятельной государственности с XI–XII вв. (после падения династии Багратуни, воссоздавших, правда ненадолго, армянскую государственность) именно армянская церковь становится опорой народа, его защитницей, хранилицей его культурных и нравственных ценностей.

Веками католикосы всех армян и другие церковные иерархи вели переговоры с внешним миром, занимались обустройством людей на родине и в диаспорах, организовывали школы и университеты, занимались издательской и воспитательной деятельностью.

М.Александрапулос прав, когда пишет, что если в наши дни в Армении порой оживает религиозное чувство, это объясняется, главным образом, – хотя возможно, есть масса других причин – отношением церкви к армянской истории, придающим ей яркий и исключительный характер. Можно сказать, армянин идет в церковь прежде всего, чтобы приобщиться к вере в армянство⁴.

Это действительно так: религиозные люди идут в церковь восславить не просто Бога, абстрактно, вообще, а Григора Просветителя, григорианство; масса людей идет в храмы, Эчмиадзин, чтобы приобщиться к культуре, архитектуре V–VII вв., отдать дань уважения и почета церкви в защите и сохранении национальных ценностей и нации. Поэтому в умах людей царит не гипертрофированная идея государственности, ее всесильности, а национально-религиозной самобытности, культурно-духовной творческой силы народа.

Метанадаран – хранилище древних рукописей, созданное в центре Еревана в советское время, привлекает простых людей и ученых всего мира больше, чем памятники Гарни и Гехарт. Именно здесь сосредоточено то бесценное культурное богатство, которое дает ключ к раскрытию тайны стойкости и долгоденствия народа и, как мудро определил Валерий Брюсов, является его “аттестатом благородства”.

Таким образом, история для армян не просто хроника их многострадального прошлого, тяжелой судьбы, но и живительный источник жизни, сокровищница их культурной и вообще созидательной жизни.

На армянских застольях поют песни не только Саята Новы и Комитаса, но и песни, написанные Маштоцом и Напетом Кучаком, начиная с V в.

Реальная история армян – это не просто легенды, сочиненные историками IV–V вв., ранее Геродотом или Фукидитом.

Армяне как сложившийся народ, живущий на своей этнической территории со своим государством, упомянуты во многих источниках VI–V вв. до н.э., в том числе в пространной надписи с клинописным текстом и рисунками на скале Бехистун, выбитой около 520 г. до н.э. по приказу персидского царя Дария.

Античные, средневековые и современные армяне – это единая этническая общность, народ с общими святынями, судьбой, будущим. Без истории и национальных святынь – нет армянского народа.

Культурные и нравственные сокровища, историческая память духовно и психологически связывает армян, живущих в Арагатской долине и в Москве, в горах Лори, Зангезура, Карабаха, в Лондоне, Париже и Венеции, в Калифорнии и Болгарии, в Бейруте, Каире и Калькутте.

Родной язык и алфавит, народные песни и танцы, григорианская церковь и другие национальные святыни – поддерживают их национальную идентичность во всех уголках земли.

10 тыс. армян Лондона не только не ассимилировались, исчезли, но и говорят на родном литературном языке, их дети посещают воскресные армянские школы.

Центром национальной жизни является церковь Святого Саркиса, ее душой – епископ Егише.

Хотя ассимиляция в условиях глобализации поглощает немало периферийных, маргинальных групп, семей, личностей, но серьезно расшатать основы самобытности национальной общности армян не может. Слишком богаты культурные формы и традиции, бесценны национальные святыни и шедевры, глубоки и крепки исторические корни и историческая память народа.

Таким образом, общие исторические ценности и святыни обеспечивают преемственность поколений и создают ту самую *национальную связь*, без которой немыслимо само существование как этнической общности, так и прочного сообщества соотечественников.

Следовательно структурируя политику России в отношении соотечественников за рубежом по отдельным направлениям (культурно-языковое, экономическое, правовое, политическое) в качестве приоритетного следует выделить именно культурно-языковое направление.

Без преемственности языка, традиций, истории Русский мир не сможет состояться.

Делая основной упор на экономическую составляющую своей политики в отношении соотечественников на постсоветском пространстве, Россия сможет стать “стратегическим партнером” в сфере торговли, развития отдельных

отраслей промышленности и наукоемких технологий, но не более.

Парадокс ситуации состоит в том, что это – всего лишь текущие задачи политики ближайшей перспективы, которые будут решаться весьма успешно в рамках гораздо большей стратегической цели, выходящей за рамки экономического партнерства.

Стратегическая цель России – стать системообразующим, стержневым государством Русского мира.

В рамках этой предельно большой цели автоматически решатся более мелкие задачи, такие как создание общеэкономического и общеполитического пространства.

Следовательно, сохранение общей культуры, нравственных ценностей, истории, языка, традиций, мировоззрения в долгосрочном плане будут работать на интересы России на про-

странстве Русского мира (то есть постсоветском пространстве) гораздо успешнее, чем партнерство в мире быстроменяющейся экономической конъюнктуры.

ИЗРАИЛЬ. Анализ опыта израильской диаспоральной политики также подтверждает ту мысль, что без наличия прочной национальной связи и консолидирующей всю нацию идеи, невозможно проводить сколь-нибудь успешную политику в отношении соотечественников.

История евреев до сих пор хранит много тайн и загадок, но можно и на них пролить некоторый свет, если ответить на фундаментальный вопрос: потеряв, казалось бы все – государственность, этническую территорию, язык, восприняв в массе своей иную культуру и духовность (еврейские про-зелиты – это феномен истории!), что же все таки очень бережно сохранили евреи? Что позволило им оставаться этнической общностью и возродиться в качестве высокоразвитой нации?

Еврейскому вопросу начали уделять особое внимание со второй половины XIX в. и марксизм, и либерализм. Еврейство даже становилось предметом психофизиологических исследований.

В начале XX в. начались теоретические попытки исследования мирового еврейства с идеологических позиций антисемитизма⁵.

Несмотря на существенные различия в теоретических и методологических подходах к рассмотрению еврейского вопроса, все исследователи единодушны в одном пункте: именно религия иудаизма, равно как и его этика сыграли основную роль в установлении особой спаянности еврейских общин и мирового еврейства.

В конечном счете, сакральную общину мирового еврейства создает культурно-психологическая общность этничности, спаянная религией одного народа, возникшей более трех тысяч лет назад и сохранившей не только целостность своей доктрины и ее оснований, но и ритуальную практику, обрядность.

Законы Моисея (правильнее: законы, продиктованные Богом Моисею) и сегодня соблюдаются правоверными детьми Израиля, и с такой же последовательностью и почтением, как и во времена Давида и Соломона.

Общность происхождения и общность судьбы в психологии еврея полностью ассоциируется с законами Моисея и иудаизмом, верой в свою богоизбранность. Он знает горькую историю своего народа, его потери, его притеснения, он плачет об этом у Стены, видя презрение и отчуждение окружающих его "хозяев", но он уверен, что это от зависти и алчности. В массе своей евреи верят в свой талант, в способность выделиться в создании духовных, научных, материальных ценностей.

Такие фигуры общемирового масштаба, как Моисей, Христос, Маркс, Фрейд, Эйнштейн, выросшие из недр одного, по численности весьма скромного народа, свидетельствуют об этом.

Иудаизм, его этика и историческая практика жизни евреев, рассеянных по всему миру, не только создали характер еврейского народа, сыграли ключевую роль в приобретении им характерных для него качеств. Эти каче-

ства евреев в различных странах столетиями создавали условия для их жизнестойкости и творческой деятельности.

В работе "Конституционно – правовая система государства Израиль" профессор В.П.Воробьев, ставя вопрос: чем объяснить жизнестойкость евреев как общности, хотя и рассеянной по всему миру, отмечает, что исторически в основном два фактора способствовали сохранению еврейского народа: библейское обещание земли и библейское право.

И библейский закон, и идея о возвращении на "Землю обетованную" сильно сказывались на жизни евреев в диаспоре и составляли суть консолидирующей "еврейской идеи": страстное желание обрести Родину и собрать всех евреев в Палестине⁶.

Таким образом, именно религия придавала и придает еврейским диаспорам по всему миру особую спаянность и солидарность.

Современная глобализация и создаваемая на ее основе потребительская цивилизация неумолимо стирает все традиционные различия между народами и их культурами. Но Израиль и еврейские общины по всему миру продолжают сохранять свою самобытность.

Эта уникальная система показала настоящие чудеса выживания: утратив все, народ не утратил себя. Граждане Израиля, рассеянные по всему миру, умудрились не утратить национальности и традиций, сохранить язык и религию. Выходит, глобализации Израиль "не по зубам".

Если предположить, что завтра весь мир окончательно превратится в хаос, подчиняясь униформатной логике англосаксонского мирового порядка, то проявятся тысячелетние чаяния Израиля, крайне жизнестойкой структуры: кругом безродная человеческая пыль, не помнящая своих корней и родства, с животными интересами, и только один Израиль – живая структура.

Вышеизложенное наводит на целую серию любопытных умозаключений.

Можно лишь констатировать тот факт, что упоминание об Израиле в любом контексте играет против России. Если контекст отрицательный, это позволяет говорить об антисемитизме и "топить" мысль в эмоциях. Если контекст положительный, это позволяет высказывать самые немыслимые предположения в отношении источника, озвучивающего подобные суждения.

Но во всех случаях нельзя отрицать очевидного: Израиль и Россия – это уникальные структуры:

– их исторические приоритеты никогда не замыкались на материальной сфере;

– они стоят особняком в мировой истории;

– они никогда не утрачивали своего нравственного, религиозного фундамента и никогда не сходили с мировой арены.

Без иудаизма – нет Израиля, без православия – нет России и, следовательно, нет Русского мира.

Д.Х.Биллингтон, обосновывая современные внешнеполитические стратегии США (англосаксонского мира) в отношении России и ортодокс-славянской (православной) цивилизации, положенные в основу прогностических политологических моделей С.Хантингтона, З.Бжезинского, Г.Кисингера и др. и активно пропагандируемые "демократической оппозицией" (включая ряд советских диссидентов и А.И.Солженицына, на которого возлагались большие, но "не оправдавшиеся надеж-

ды”, поскольку по известным причинам к его “пророческому голосу русских традиций, почти не прислушивались”), тщательно изучил историю русской православной церкви (при этом особый упор был сделан на церковном расколе XVII столетия и деятельности патриарха Никона I) и пришел к выводу: “дурное” православное наследие России провоцирует прикрывающийся гуманистическо-демократическими идеями “цивилизованный мир к борьбе с его причиной – оплотом зла – Православием, Православной Церковью и государствами Православной Эйкумены”⁷.

Скорее всего Д.Биллингтон и З.Бжезинский, утверждающие, что после коммунизма главным врагом западной цивилизации является православие, лукавят, скрывая истинные причины неприятия религиозно-философского фундамента русской цивилизации за ширмой либерально-гуманистических клише.

Англосаксонскому миру априори не нужна сильная Россия как стержневое государство Евразии и Русского мира. Православие – это исторический фунда-

Актуализация pragматического подхода просматривается в политике России в отношении соотечественников на постсоветском пространстве.

Тема установления экономических и политических связей с российскими соотечественниками, обладающими солидным потенциалом в постсоветских государствах, неоднократно звучала в выступлениях государственных и политических деятелей России и нашла свое отражение в Основных направлениях государственной политики РФ в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, а также в выступлении Президента В.В.Путина на Конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом (октябрь, 2001 г.).

В этом контексте российская политика в отношении Русского мира как сообщества соотечественников, думающих и говорящих на русском языке, связанных особой национальной связью, приобретает архиважное значение. Сообщество русскоязычных людей сможет обеспечить подключение России к основным сферам постсоветских государств: от политики до экономики.

В конечном итоге, следуя логике основоположника концепции Русского мира П.Щедровицкого, чем большее число проблем постсоветского пространства получит свое выражение, а возможно и решение в рамках русского языка, тем более востребованными будут культурные, человеческие, геоэкономические и geopolитические ресурсы Русского мира.

мент России. Опираясь на этот фундамент, можно полноценно возродить Россию как империю в лучшем, позитивном смысле этого слова.

Такая Россия автоматически станет центром притяжения разделенного после падения СССР Русского мира и мощной альтернативой униформатной глобализации. В этом контексте опыт успешной диаспоральной политики Израиля учит: историческая религия – это хребет, на котором держится и консолидируется любое традиционное общество.

B-третьих, любая страна, проводящая сегодня сколько-нибудь успешную диаспоральную политику, в итоге старается использовать политический, культурный и экономический потенциал своей диаспоры (то есть получить “партию влияния”) для защиты своих национальных интересов и развития межгосударственных связей. Иначе говоря, среди трех моделей диаспоральной политики (репатриационная, патерналистская, pragматическая), наиболее привлекательной выглядит последняя, то есть pragматическая модель.

Примечания

- ¹ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2005.
- ² Щедровицкий П. Интервью // Русский архипелаг. 2003. Июнь. С. 11.
- ³ Хоренаци М. История армян. Ереван, 1990.
- ⁴ Александропулос М. Армяне. Путешествие в их страну и историю. М., 1990. С. 36.
- ⁵ Форд Г. Международное еврейство. М., 1993; Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. М., 1993; Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994; Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. СПб., 1885; Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- ⁸ Вебер В.П. Конституционно-правовая система государства Израиль. М., 2002. С. 10.
- ⁹ Биллингтон Д.Х. Икона и топор. М., 2001. (NY., 1966).

Подписка на 2008 г.

**на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 – на 6 месяцев**

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, ЕРЕМЕНКО И.Н. – исполнительный директор, НОВИКОВ Ю.Д. – заместитель главного редактора, АБАШИДЗЕ А.Х., БЕРКОВ А.А., БОЙКО Ю.П., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗАДОХИН А.Г., ЗИМЕНКОВ А.Л., ИЗВЕКОВ Н.Н., КОМАРОВ И.К., КОТИЛЕВСКИЙ М.Д., КРУГЛОВ В.В., ЛЕБЕДЕВ Ю.В., ЛУНЬКОВ А.Г., ОРЛОВ А.А., РЕПКИН Ю.М.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
- БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве РФ, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
- ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП «Научно-исследовательский и конструкторский институт «Энерготехника» им. Н.А.Доллежаля», доктор технических наук
- ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ДЕЛЯГИН М.Г. – председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЕФИМОВ Б.Е. – народный художник СССР
- ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
- ЗОРИН В.С. – политический обозреватель государственной радиокомпании «Голос России», первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- ИВЛИЕВ Г.П. – начальник Правового управления аппарата Госдумы РФ
- КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Союза ветеранов военной разведки, генерал-полковник
- ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
- ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИИОН РАН, академик РАН
- ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
- СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
- ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО-Университет МИД РФ, председатель Российской ассоциации содействия ООН, член-корреспондент РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
- ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Особенности партийной стратегии в предвыборной кампании

Орест Муштук,
профессор
(Московская финансово-промышленная академия)

Выступая на собрании “Единой России” (ноябрь 2007 г.) главный редактор журнала “Эксперт” и глава либерального “Клуба 4 ноября” В.Фадеев сказал, что современная политическая партия “должна быть ориентирована на все общество, и только тогда она становится мощной политической силой”¹.

Если взглянуть на ситуацию в западных странах, то нельзя не признать, что время чисто классовых партий там действительно давно кануло в Лету, и любая серьезная партия заявляет о себе как о всенародной партии.

Под всенародностью здесь понимается объединение и представительство не всего народа, а только той части его образующих социальных слоев и классов, чьи “стратегические” интересы и ценности (несмотря на различие статусов, ролей и т.д.), если и не идентичны, то очень близки друг другу.

Отсюда у каждой всенародной партии свой всенародный (интерклассовый) партийный избирательный электорат – своя (интерклассовая) масса избирателей, которые голосуют за ее кандидатов на выборах.

Сказанное, однако, вряд ли применимо к России из-за того, что социальная структура западного и российского общества по такому признаку, как имущественная дифференциация, существенно разнятся между собой.

Что характерно для Запада? Речь идет об умеренной дифференциации, при которой различия в доходах не носят характера социальных разрывов. И, следовательно, не создают в обществе почвы “лобовой” конфронтации между различными социальными группами, вырастающей из непримиримости их жизненных позиций.

Преобладание в социальной структуре западных стран многочисленного среднего класса фактически сводит к минимуму саму возможность возникновения крупных очагов социальной напряженности и острых межклассовых конфликтов. Поэтому возникают внеклассовые партии, в которых объединение происходит не по имущественному статусу, а вокруг отличного от других видения существующих в обществе проблем и путей их решения.

В России имущественная дифференциация имеет ярко выраженный характер. В рамках этой дифференциации те, кому есть что терять, составляют ничтожное меньшинство по отношению к абсолютному большинству тех, кому терять нечего.

В этих условиях вряд ли могут рассчитывать на электоральный успех социально “вседенные” партии и избирательные блоки, то есть те, которые желают объединить под своими знаменами и “экспроприаторов”, и “экспроприируемых”.

Массовый исход из Союза правых сил (СПС) региональных лидеров и активистов накануне декабрьских (2007 г.) выборов депутатов Государственной Думы – на глядное тому подтверждение.

Разворот курса, при котором СПС, отбросив принципы правового движения, вдруг стал выступать с лозунгами, которые вполне могли бы озвучить и коммунисты (“Спасем пенсионеров, спасем всех!”), поставил в тупик многих членов партии, прежде всего из числа предпринимателей. Ибо когда их привлекали в ряды СПС, никто не говорил им, что это будет леворадикальная непримиримая оппозиция. И вместо того, чтобы работать на бизнес-общество и формирование благоприятной для предпринимательства политики-правовой среды, создание рабочих мест с достойной зарплатой (и соответственно затем и достойным пенсионным обеспечением), лидеры СПС будут заниматься не только беспричинным популизмом, но и грязными технологиями по продвижению себя “любимых” (и своих “чад”) в высшие эшелоны власти.

Что касается пенсионеров, то и они далеко не в восторге от проснувшийся у СПС заботы о них. Лозунги, с которыми активисты движения “Старшее поколение” пикетировали в ноябре 2007 г. центральный офис СПС в Москве (“Мы помним 91-й год! Вы предали нас всех!”), говорят, что у пожилых хорошая память – до полуничего существования их довели либеральные нововведения лидеров именно этой

партии. И именно устами одного из них в свое время был озвучен, круто замешанный на “социальном каннибализме”, тезис, что “рынок в России состоится только тогда, когда вымрут все взращенные социализмом поколения”.

Поэтому современная леворадикальная риторика руководства СПС воспринимается как сплошное лицемерие и чистой воды фарисейство.

Ориентация на “социальную всеядность” присуща не только СПС, но и другим партиям, в том числе “Единой России”. Далеко не случайно в своем выступлении на съезде этой партии в октябре 2007 г. Президент РФ высказался против включения в партийные списки олигархов, ясно отдавая себе отчет в том, что такой шаг не прибавит ей популярности в народе, который в основной своей массе резко отрицательно относится к этой страте и требует пересмотра итогов приватизации и денационализации “экспроприированного” олигархами общественного достояния, созданного трудом предыдущих социалистических поколений.

Совершенно несостоятельной представляется также стратегия, когда партия ориентируется только на “демежные мешки”. В силу чрезмерной узости социальной базы и традиционно негативного отношения на Руси к богатым сословиям такая стратегия заранее обречена на провал и равносильна стратегии по производству “сапог всемяtkу”. Не случайно все создававшиеся по чисто классовому принципу партии делового мира оказались несостоятельными и сошли с политической авансцены, так и не сумев “раскрутиться” и не оставив в политической истории страны сколько-нибудь заметного следа.

Сказанное в равной мере относится и к тем партиям и избирательным объединениям, которые претендуют исключительно на роль “партий бедно-

ты". И не только потому, что бедность, как и богатство, тоже дифференцированы. Здесь надо иметь ввиду, что бедность – категория не столько социально-экономическая, сколько психологическая. И далеко не всегда человек, будучи "статистически" бедным, ощущает себя таковым на самом деле. С точки зрения качества жизни (которое, как известно, не сводится только и исключительно к количеству потребляемых материальных благ), он вполне может чувствовать себя человеком не бедным.

Не случайно, что социологическое исследование общественного мнения москвичей, проведенное под руководством автора в конце 2003 г., показало, что их абсолютное большинство в 50,09% (методом самоидентификации) причислило себя не к бедным, а к средним слоям; 4,16% – к пограничным между высшими и средними; 39,79% – к пограничным между средними и низшими. В суммарном виде – это 94,04% от общего числа опрошенных.

Что касается полярных категорий, то их удельный вес ничтожный: "верхов" (богатых) – 0,85%, "низов" (бедных) – 3,69%. И это при том, что при выяснении вопроса о материальном благополучии удельный вес "статистически" бедных респондентов, то есть тех, в жизни которых в качестве постоянной присутствует проблема как свести концы с концами, оказался не 3,69%, а целых 14,93%. Еще у 12,00% та же проблема, хотя и крайне редко, но то же возникает².

Из сказанного следует, что в условиях современной России социальная база реально претендующего на власть избирательного блока или партии не может быть ни "чисто" классовой, ни "общенародной". Она должна быть только "межклассовой", то есть такой, которая включала бы широкий спектр социальных слоев и групп, близких или сходных между собой не столько по уровню материального достатка,

сколько, прежде всего, по базовым жизненным установкам и ценностям.

Таким образом для победы на выборах необходима тщательная "инвентаризация" всех социальных слоев и групп как в масштабе страны, так и по регионам. Следует учитывать, что все они (в силу органически присущего переходным обществам кризиса идентичности) пока являются по преимуществу лишь "классами в себе", а не "классами для себя", то есть далеки от того, чтобы осознать себя особыми социальными стратами с четко структурированными и агрегированными общими интересами. И, следовательно, всегда есть возможность помочь им в этом и сделять своими сторонниками.

Только на этой основе партия в состоянии грамотно определиться в одном из центральных вопросов избирательной кампании, а именно вопросе об адресных группах избирателей, то есть тех из них, к кому апеллирует и кого хочет привлечь на свою сторону в первую очередь. При этом не забывая о массе колеблющихся, а также о том, что из-за географически и исторически обусловленной многогранности российского социума, общая коммуникативная стратегия партии обязательно должна распадаться на целый ряд частных региональных стратегий, то есть модифицироваться с учетом специфики электората в отдельных субъектах РФ.

Успех или неуспех любой избирательной кампании находится в непосредственной зависимости от того, насколько тщательно и достоверно учтены массовые социальные ожидания и преференции адресных групп избирателей, а также весь спектр тех проблем, которые волнуют социум. Именно на этой основе следует разрабатывать мобилизационно – эффектные предвыборные лозунги и программы.

При этом речь не идет о том, чтобы во всем “потакать” массовому избирателю и идти у него на поводу. Из всего многообразия присутствующих в его среде интересов (экономических, социальных, этнических, религиозных и т.д.) необходимо выявить, обосновать и сформулировать ключевые общие интересы и четко пропагандировать их в электоральном процессе.

Чрезвычайно важными в этой связи являются не только специальные исследования предвыборной ситуации (опросы общественного мнения, мониторинги и т.д.), но и изучение итогов предыдущих выборов с помощью электронных карт, дающих картину электоральных предпочтений населения как через географическую призму, так и через призму социального статуса.

Следует также учитывать объективно существующее деление избирателей на две неравноценные друг другу группы: избирателей с меняющимися предпочтениями и избирателей – "консерваторов", то есть тех, кто голосует более предсказуемо и традиционно.

Первые относятся к разряду наиболее хорошо информированных, мобильных в социальном и политическом смысле граждан, которые способны сознательно выбирать (и действительно выбирают) между предвыборными программами ту, которая в наибольшей степени отвечает их экономическим и политическим интересам. Вторые – к политически и юридически мало просвещенным гражданам, которым трудно самостоятельно определиться с выбором и проголосовать нетрадиционно. Первые представлены жителями крупных городов, и прежде всего из числа тех, кого причисляют к среднему классу (интеллигенция, малый и средний бизнес и т.д.). Вторые – в основном сельскими жителями и жителями небольших городов и поселков.

Такой же водораздел по критерию мобильности в своих электоральных предпочтениях четко просматривается

в стране и между различными возрастными группами избирателей.

Среди партийного избирателя тех политических сил, которые представляют коммунистический спектр отечественной многопартийности, преобладают представители старшего поколения, тогда как среди избирателей, которые олицетворяют собой либерализм и национал-патриотическое движение, доминирует молодежь. Но если первые традиционно активны, то вторые, чаще всего на выборы не ходят.

Расхожий в молодежной среде миф о том, что можно прожить и без политики, обуславливает доминанту психологии политического конформизма и одновременно присутствие таких форм политического поведения как политическая индифферентность, пассивность, абсентеизм (неучастие в политических массовых мероприятиях и акциях), безразличное отношение к типу политической власти и облику тех сил, которые ее олицетворяют.

При организации предвыборной кампании необходимо учитывать и такую объективно существующую отечественную реальность, а именно – народ и власть в России взаимно отчуждены друг от друга. Каждая из этих двух “ипостасей” живет как бы сама по себе, по своим писанным и неписанным законам, если и происходит “пересечение параллелей”, то только в экстраординарных случаях. Для того чтобы преодолеть это взаимное отчуждение власти и народа, требуется всемерно прививать избирателям чувство гражданственности и побуждать к политической активности, к ответственному политическому выбору, памятуя о том, что при демократии народ заслуживает только то правительство, которое сам же и выбирает. И если в стране господствует ничем не ограниченная свобода в действиях властей, то это есть отражение не только отсутствия какой бы

то ни было свободы у народа, но и верный признак того, что данный народ к свободе пока не готов.

В то же время понимание свободы, равно как и умелое пользование ею, не приходят к народу сами по себе. Их надо развивать. Именно задачу осознания народом свободы и демократии, выработку умения рационально пользоваться присущими им инструментами влияния и контроля над властью призваны решать все участвующие в выборах организованные политические силы. Вся предвыборная агитация в качестве обязательной составляющей должна включать в себя этот образовательный компонент.

Если нет “качества” массы, то есть если нет юридически и политически просвещенного избирателя, то нет и не может быть качества “вождей”.

И вместо демократии, построенной на ответственном и осознанном выборе народом власти, то в лучшем случае в России есть так называемая “управляемая”, “опекунская”, “патерналистская” “демократия”, в рамках которой народ шагу не может ступить без “помощи”, то есть власти. И всегда выбирает тех, кого из без него назначили.

Говоря об особенностях отечественного избирателя, следует также учитывать, что многовековое господство авторитаризма и практически полное отсутствие демократических традиций сформировали в народе сугубо патриархальный (подданнический) тип политической культуры, в рамках которого в качестве доминанта выступает полная индифферентность и безразличие ко всему тому, что происходит в политической сфере.

То, что у нас действительно существует общество, которое предпочитает смотреть, а не участвовать в происходящем в политическом “театре”, наглядно подтвердили события августа 1991 г. и октября 1993 г. В оценках тех и других очень много говори-

лось о пролившейся на улицах столицы крови как о самой трагичной их странице. Однако самая страшная правда состояла в том, что в эти тревожные для страны дни и часы громадное число россиян оставалось совершенно равнодушным и к законно избранному президенту, и к заговорщикам, и к Конституции (август 1991 г.), равно как и к тем, кто защищал и кто штурмовал Белый Дом (октябрь 1993 г.).

При организации любых выборов всегда очень остро стоит вопрос о явке избирателей. Не случайно необходимый порог явки, чтобы выборы были признаны состоявшимися, сегодня в России отменен, так как народ считает выборы вообще лишенными всякого смысла: к власти все равно приходят не те, кто этого достоин, а все те же “начальники”, которые всегда при любой общественной формации были “всем”.

С “политической индифферентностью” тесно связана и такая черта политической культуры россиян, как традиционное недоверие к государственным и общественно-политическим институтам, преобладание в общественном сознании *вождистских ориентаций*, что отечественные психологи называют “вождистским синдромом”.

Легитимность власти в западных странах преимущественно основана на доверии граждан к государству как тиковому и его институтам. В отличие от этого в России эта легитимность всегда была и остается поныне личностной (персональной). Поэтому “политический интерес” основной массы россиян концентрируется не на государственных и партийно-политических учреждениях, а обращен, прежде всего, на конкретного лидера-вождя, его харизму как волевой и сильной личности, способной, если нужно, и “власть употребить”.

Феномен популярности нынешнего президента РФ В.В.Путина – и есть отражение этой всенародной востребованности силь-

ного лидера – “собирателя камней”, которые бездумно разбросал Б.Н.Ельцин. Последний разрушил до основания не только то, что себя изжило и подлежало разрушению, но и многое из того, что не утратило жизненной силы и требовало сохранения и приумножения.

С ориентацией на “сильную руку” соседствует и политико-правовая малограмотность большинства россиян, их способность поддаваться внушению, покупаться на обман. А затем, когда обман обнаружен, воспламеняться любой ненавистью к объектам былой “всенародной любви”.

Очевидно, что на успех в электоральной борьбе могут рассчитывать только те организованные политические силы, которые будут делать ставку не на уже “руливших” политиков, персонально повинных в глазах народа в развале страны и ее массовом обнищании, и не на “застойных” в теоретико-прикладном плане лидеров-“ветеранов”, не способных отрешиться от изживших себя догм и реально предложить народу что-то новое.

Необходимы тщательный поиск и “раскрутка” молодых, в том числе периферийных политических талантов. Политиков, воспринимающих власть не как “ценность в себе”, доступ к которой обеспечивает кратчайший путь к богатству и высоким стандартам потребления. Власть должна рассматриваться ими исключительно как сфера высшего общественного служения, как бремя, тяжесть которого оправдывается лишь историческим честолюбием и желанием записаться на ленту истории в качестве тех, которые служили России и ее народу.

Выше отмеченная специфика российского социального ландшафта предъявляет особые требования к составлению предвыборной программы партии. Эта “декларация о намерени-

ях” должна быть предельно лаконичной и краткой, написанной понятным и доступным народу языком, давать четкие ответы на традиционные для России в периоды смуты вопросы: “Кто виноват?” и “Что делать?”

При ответе на первый из этих вопросов следует избегать простых объяснений, столь любимой многими политическими оппонентами персонализации вины. Ибо, в действительности первопричины наших современных бед и трагедий связаны не только с технократической нелегитимностью правящей элиты, но и уходят своими корнями в “качество” народа, в особую российскую ментальность и привычку жить под “патронажем” государства, не испытывая при этом потребности в собственности и гражданской свободе.

При ответе на вопрос “Что делать?” в равной мере должны отсутствовать упрощенные рецепты, не говоря уже об обещаниях манны небесной, которая сама по себе повалит с неба через “500 дней”.

Между тем, фактор массового обнищания россиян в результате реформ порождает именно соблазн акцентировать основное внимание на предвыборных обещаниях. И предвыборная борьба с неизбежностью принимает форму всероссийского “конкурса” на тему: кто больше этой “манны небесной” народу наобещает. Кто посулит ему самое светлое и безоблачное будущее, не утруждая себя при этом объяснениями того, каким образом будет возводиться это будущее и какие конкретно изменения в жизни социума будут произведены в ближайшей и более дальней перспективе.

Можно напомнить формулу легитимности власти, выведенную в свое время выдающимся английским ученым Б.Расселом. Согласно этой формуле, власть, трактуемая им как “производство намеренных результатов”, функционирует по принципу:

"А" обладает большей властью, чем "Б" в случае, если первый достигнет множества намеченных результатов, а второй останется в сфере благих намерений, то есть эффективность власти предопределяется способностью политика быть верным своему слову.

Политик, который в период предвыборной кампании "наобещал народу с три короба", но придя к власти, не произвел заявленные "намеренные результаты", такой политик рано или поздно отторгается избирателями. И предстает в их глазах технократически нелегитимным политиком, не заслуживающим быть переизбранным на новый срок. Лишается шанса на победу и партия, которую он представляет в качестве лидера.

Если посмотреть на историю нашей страны через эту призму, то нетрудно обнаружить, что каждый вновь пришедший к руководству страны лидер, интенсивно поливая грязью своего предшественника, мало был озабочен проблемой исполнения намерений, озвученных им на стадии борьбы за власть.

Искключение в этом плане составляет, пожалуй, только Сталин. Сегодня можно услышать: Сталин обещал улучшение жизни, и оно наступало, обещал понижение цен, и каждый раз оно было. Для масс было неважно, что все это были мизерные подвижки. В массовом сознании откладывался сам почерк лидера: по конкретным делам обещание выполнялось.

Верность своему слову присуща Президенту России В.В.Путину, что, вне всякого сомнения, является одним из решающих факторов его популярности как национального лидера, который предотвратил "балканизацию" России на "удельные княжества и ханства" и заставил Запад уважать страну. С его именем народ не без основания связывает преодоление кошмара 90-х годов и свои надежды на лучшее будущее.

Если бы не эта популярность, еще неизвестно, какими бы были бы результа-

ты голосования за "Единую Россию" на декабрьских (2007 г.) выборах депутатов Государственной Думы. Ибо на этих выборах победила отнюдь не "Единая Россия" как партия. Победу одержал В.В.Путин как харизматический Президент страны, который, согласившись возглавить федеральный список кандидатов "Единой России", тем самым передал ей во "временное пользование" свой огромный политический капитал, свою репутацию всемирно признанного национального лидера.

Если "Единая Россия" не желает повторить судьбу своей предшественницы – "Наш дом – Россия" (НДР), то ее руководству следует всерьез озабочиться проблемами партийного строительства и как можно скорее заняться тщательной "санацией" собственных рядов. Это надо для того, чтобы избавиться от имиджа бюрократической "партии власти", которая по всем аспектам жизнедеятельности и технологиям работы в масках (не говоря уже о борьбе с политическими противниками), все больше начинает напоминать КПСС.

Но при этом, в отличие от КПСС, не говорит стране, какое конкретно "светлое будущее" (а главное – каким образом) намеревается построить. Отсутствие четкой партийной программы (ключевого признака любой серьезной, а, тем более правящей партии) компенсируется ссылками на "план Путина". А что имеется в виду под этим "планом" – пусть народ сам разбирается и читает (как сказано в предвыборном буклете "Единой России") "восемь посланий Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию РФ".

Говоря о предвыборных обещаниях как важной составляющей избирательной кампании любого кандидата и избирательного объединения, акцент в этих обещаниях следует де-

лать не на глаголе “дать”, а на глаголах “обеспечить”, “гарантировать” и т.д. Выход из того тупика, в котором оказалась страна, только один – “опора на собственные силы”, то есть на организованный созидательный труд всей нации.

Государство не может (не должно) “кормить и одевать народ”. Ключевая, “генетически” программируемая природой государства как политического института функция в данном случае заключается в том, чтобы:

– создавать все необходимые условия для того, чтобы народ это мог де-

лать сам, работая по способностям и получая по труду;

– оградить народ от государственного “рэкета” – грабительских налогов, загоняющих частную инициативу в теневое (криминальное или полукриминальное) пространство;

– свести на нет всевластие и произвол чиновничества, нелегитимное право “служивых людей” на взимание коррупционной “статусной ренты”;

– покончить с криминалитетом и мафиозными структурами;

– жить по законам государства было выгодно.

Следует отказаться в предвыборных платформах от всяких идеологических “измов”, их модифицированных изданий. Сегодня в России требуется только одно – державно ориентированной прагматизм, то есть такая программа общественных преобразований, авторы которой исходили бы не из заранее смоделированных или заимствованных схем и конструкций, а прежде всего, из потребностей реальной жизни и необходимости адекватного реагирования на вызовы времени.

Важно, чтобы все наши претенденты и соискатели властных полномочий представляли злоупотреблять такими затасканными понятиями, как “свобода”, “демократия”, “права человека” и т.д.

Первое, что требуется, так это усвоить один из основных уроков истории развития демократии в западных странах: без экономически суверенной личности (личности, представляющей не верхний слой, а большинство нации), эта форма политического устройства народной жизни невозможна.

Сначала “хлеб”, а уже потом “зрелища” – именно так стоит сегодня вопрос о демократии в России, а его решение (то есть ликвидация нищеты и бедности через ускоренное восстановление и диверсификацию промышленности и сельского хозяйства) – это и есть, говоря словами классика, то “основное звено, ухватившись за которое можно будет вытащить всю цепь”. Этим можно обеспечить все необходимые “формационные”, в том числе политико-правовые и социокультурные, предпосылки и условия для того, чтобы “старая” недемократическая Россия эволюционно и мирно, без глобальных (в масштабах всего социума) потрясений и катастроф переросла в Россию “новую”, демократическую³.

Примечания:

¹ Коммунист. 1990. № 7. С. 28.

² Независимая газета. 2007. 12 ноября.

³ Муштук О.З. Современный столичный житель – групповой портрет // ПУЛЬС. 2004. № 5 (289). С. 7–8

⁴ Муштук О.З. Модернизация России: между “вестернизацией” и поиском собственного пути // Обозреватель–Observer. 2007. № 5.

Геополитический “треугольник” Россия – Китай – США в Евразии

Намик Гейдаров

Резкое изменение геополитической и, как следствие, экономической обстановки в Евразии и в мире в целом привело не только к очевидному упрочению положения оставшейся глобальной державы – США, но и к появлению в ключевых частях современного мира (или к возрождению старых) центров силы – региональных сверхдержав.

В новом мировом раскладе сил Россия с приходом к власти в 2000 г. В.В.Путина сохранила немалое из наследия СССР и начала внимательно обозревать дипломатический горизонт на востоке. Последовало укрепление связей с двумя евразийскими гигантами – Китаем и Индией, с мусульманскими республиками бывшего Союза для укрепления национальной и международной безопасности.

В.В.Путин, выступая на Мюнхенской конференции (2007 г.) по вопросам политической безопасности, заявил: “Мир подошел к тому рубежному моменту, когда человечество должно серьезно задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности”¹. Это не исключает, конечно, и Евразии.

Действительно, не считаясь с негативной позицией НАТО и Евросоюза, Россия поддержала подавление спрово-

цированного исламскими боевиками антиправительственного мятежа в Андиджане и заключила союзнический договор с Узбекистаном после вывода авиабазы США из Карши-Ханабада. Нельзя забывать, что до этих событий Ташкент числился военно-политическим союзником Вашингтона.

Следующим важным этапом в восстановлении позиций геостратегического наступления РФ в Евразии стало создание влиятельной Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с двумя сопредседателями – Россией и Китаем. ШОС выскажалась за прекращение военного присутствия США в Центральной Азии – традиционной сфере российского влияния. После октябрьской (2005 г.) встречи В.Путина с премьер-министрами стран-участниц ШОС аналитики заговорили о формировании в Евразии противовеса НАТО, хотя

впоследствии российское руководство отрицало такую возможность.

Состоявшаяся затем летом 2005 г. во Владивостоке встреча министров иностранных дел России, КНР и Индии стала символом возрождения выдвинутой Е.М.Примаковым (когда он возглавлял правительство России) идеи о тесном сотрудничестве в рамках “евразийского треугольника”, которая, однако, фактически не была одобрена в Пекине и Дели. Тем не менее о “треугольнике” напомнили совместные российско-китайские и российско-индийские маневры (2005 г.). Они носили в основном характер антитеррористических учений, но явились неприятным сюрпризом для администрации Дж.Буша.

Разумеется, было бы политически некорректно рассуждать о создании в Евразии “центра силы”, противостоящего Соединенным Штатам и их западным союзникам.

Во-первых, Россия, Китай и Индия – абсолютно суверенные страны с независимой внешней и внутренней политикой.

Во-вторых, если в начале президентства Буша в 2001 г. Китай рассматривался в качестве стратегического соперника США, то со второго срока (2005 г.) в отношении КНР, напротив, рекомендуется политика включения этой страны в мировые процессы при определенном сдерживании ее возрастающей мощи.

В-третьих, патриарх политики Поднебесной Дэн Сяопин завещал Китаю не вступать ни в какие союзы, как бы не складывалась мировая ситуация.

В-четвертых, индийская элита явственно тяготеет к сближению с США и отходу от традиционных союзников (Россия).

В целом между КНР и Индией, с одной стороны, и США – с другой существует высокий уровень взаимозависимости”.

В 2006 г. товарооборот между США и КНР составил около 250 млрд долл., в то время как с Россией – 21 млрд.

России же приходится преодолевать противоборство с США, ЕС и рядом проамериканских исламских режимов при неуклонном подъеме Китая и Индии и ослаблении Японии на постсоветском евразийском пространстве. Видимо, задачи России в этих условиях – укреплять свои геополитические позиции в регионе по отношению к США и Западу в целом с опорой на Китай и частично на Индию, а также другие влиятельные страны Евразии.

Фактически перед Вашингтоном, считают американские китаеведы, в Евразии возникла альтернатива: либо согласиться на глобальное партнерство с Россией и Китаем и пойти на создание новой “Антаганты” – стратегического союза от Банкувера до Владивостока, утверждая тем самым эти страны в качестве сильнейших на евразийском континенте; либо отступить от подходов доминирования в Евразии².

Так реанимируется идея “геополитического треугольника” Россия – США – Китай и его специфика в более близкой и более отдаленной перспективе.

Известный специалист Д.В.Тренин считает, что “треугольник” Вашингтон – Москва – Пекин сформировался в начале 70-х годов.

Инициатором его появления стало китайское руководство.

Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, опасавшиеся после разрыва с Москвой политического и военного давления со стороны СССР, выразили готовность заключить фактический альянс с США на антисоветской основе³. В этом была своя логика. Лидеры Поднебесной выбирали из двух зол: они пошли на тесное партнерство с Америкой против СССР, с которым их разделяло больше 7 тыс. км неспокойной общей границы. Иными словами, президент Никсон и госсекретарь Киссинджер разыграли двойной сценарий: сохранить

статус-кво между враждовавшими СССР и КНР, не снимая с их отношений тени напряженности, и одновременно установить официальные отношения с Пекином, и строить более деловые и выдержаные отношения с Москвой.

В данном контексте США расширили геополитические маневры в Евразии и доминировали над характером советско-китайских отношений. Не оставляет в этой связи сомнения, что наконечник “треугольника” был направлен против Москвы.

С окончанием “холодной” войны и распадом СССР Соединенные Штаты стали усиленно претендовать на роль единственной сверхдержавы. Для Китая исчезла выдуманная маистами угроза с Севера. “Треугольник” казалось бы ушел в небытие. Хотя, по признанию стойкого приверженца *Realpolitik* Генри Киссинджера, не одним США определять мировой порядок.

По этому поводу он пишет в книге “Дипломатия”: “На уровне отношений между государствами новый порядок, приведший на смену “холодной войне”, будет напоминать европейскую систему государств XVIII–XIX веков. Его составной частью станут, по меньшей мере, Соединенные Штаты, Европа, Китай, Япония, Россия и, возможно, Индия...”⁴.

После исчезновения СССР отношения России с Китаем складывались не просто. Это объяснялось прозападной политикой А.Козырева, включением России в программы партнерства с НАТО. С приходом на Смоленскую площадь Е.Примакова уже в апреле 1996 г. была подписана Совместная российско-китайская декларация о стратегическом партнерстве, которую Киссинджер назвал декларацией независимости России и Китая от Соединенных Штатов, увидев в ней призрак “оси” Москва – Пекин, направленной уже против Вашингтона.

Повышенную чувствительность влиянию фактора США на отношения между РФ и КНР придает то, что они являются отношениями “доверительного партнерства и стратегического взаимодействия”, скрепленными Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. Это вызывает необходимость соразмерять взаимоотношения каждой из двух стран с США, учитывая, что доминирующей чертой внешней политики Вашингтона является стремление к мировому господству.

Вместе с тем, Китай и Россия – это страны с разными культурными и нравственными ценностями, несовпадения, различия и противоречия интересов неизбежны. Поэтому нельзя впасть в эйфорию и уподоблять динамику развития двусторонних отношений езде по скоростному автобану, без препятствий и крутых зигзагов.

Но, как справедливо подчеркивает директор Института Дальнего Востока академик РАН М.Л.Титаренко, “доминирующая тенденция в современных российско-китайских отношениях – тенденция добрососедства, дружбы, сотрудничества и стратегического взаимодействия”⁵.

Тем не менее, как бы в порыве прекраснодушия, известный китаевед С.Ф. Гарнетт делает вывод об ограниченном характере российско-китайского партнерства⁶.

11 сентября 2001 г. внесло заметный вклад в совместные усилия двух стран с их присоединением к созданной Вашингтоном антитеррористической коалиции: Пекин обеспокоен сепаратизмом в Синьцзяне и Тибете, Россия – на Северном Кавказе и отчасти в Центральной Азии (Ферганской долине Узбекистана).

Хотя сегодня для России отношения с Китаем представляют собой важнейший элемент общей стратегии развития и национальной безопасности, между странами в тот период существовало и принципиальное отличие. По мнению

Пекина, после трагических событий в Нью-Йорке, Россия пошла на одностороннее прекращение геополитического и стратегического соперничества с США (результаты российско-американских саммитов), в то время как Китай ожидал все более острой конкуренции с Вашингтоном. Имелось в виду в основном будущее Китая в современном мире и проблема Тайваня, что означало для китайского руководства длительное масштабное соперничество с США.

Вместе с тем очевидно, что тайваньская проблема имеет отчетливо выраженный международный аспект, поскольку ее состояние существенным образом зависит от политики США. Конфликт в Тайваньском проливе способен вызвать серьезную дестабилизацию обстановки в АТР. Исходя из этих соображений, российская сторона, подтверждая в договорном порядке свою позицию относительно Тайваня как неотъемлемой части КНР, внимательно наблюдает за развитием ситуации в Тайваньском проливе и высказывается за решение тайваньской проблемы мирными средствами.

Нынешний китайско-российско-американский треугольник, конечно, несопоставим по значению со структурой, существовавшей в период “холодной” войны. Соединенные Штаты являются центром нынешней международной системы. КНР только выдвигается на позиции “второй державы”, и это выдвижение займет, как минимум, два десятилетия (без учета возможных рисков для внутреннего развития Китая)⁹. Россия впервые за 250 лет встретила начало нового тысячелетия не как традиционная великая держава, а как страна второго эшелона.

Если “треугольник XX века” был американской конструкцией, позволявшей Вашингтону эффективнее противово-

стоять Москве, одновременно контролируя отношения между КНР и СССР, то геополитическая фигура XXI в. – конструкция прежде всего китайская.

Китай с ее помощью не только укрепляет свои позиции в тот момент, когда он бросает долгосрочный вызов доминированию США в международных делах, но и постепенно становится “старшим братом” для России. Для КНР Россия – это в первую очередь стратегический тыл, исключающий возможность окружения Китая союзниками и партнерами США. Наряду с этим Россия рассматривается как источник уникальных ресурсов, необходимых для укрепления и развития экономического, научно-технического и военного потенциала Китая. Наконец, Россия – возможное и даже вероятное (но не приоритетное) направление китайской экономической экспансии.

Стратегия Пекина, на наш взгляд, преследует несколько целей:

Во-первых, используя “великодержавный комплекс” Москвы, максимально долго сохранять противостояние России и США на международной арене и тем самым частично ослабить напряжение в китайско-американских отношениях.

Во-вторых, с помощью Москвы “выдавить” американские базы из Центральной Азии, потенциально угрожающие КНР с запада, и создать благоприятные условия для укрепления экономических и геополитических позиций Китая в бывших советских республиках Евразии.

В-третьих, получить более широкий доступ к природным запасам Сибири, необходимым для дальнейшего интенсивного развития экономики КНР, и к современным российским военным технологиям, позволяющим перевооружить НОАК и создать реальный противовес американским войскам, дислоцированным в Восточной Азии.

Если в 70-е годы инициатором “треугольного строительства” был наиболее слабым центром – Пекин, а наиболее сильным Вашингтон, то на нынешнем этапе инициатива тоже исходила от самой слабой стороны – Москвы, но в максимальном выигрыше может оказаться уже Пекин. Концепция “много-полярного мира”, ставшая популярной в российских политических кругах в середине 90-х, на практике предполагала взаимодействие России с другими “центрами силы”, прежде всего КНР, для уравновешивания США.

Повышение статуса Шанхайской организации сотрудничества с самого начала означала одно – институционализированное присутствие Китая в Центральной Азии (то есть в зоне интересов России). За несколько лет неформальная “шанхайская пятерка” превратилась в международную организацию с собственным секретариатом в Пекине и с китайским дипломатом во главе его. Кроме того, Россия предпринимает активные усилия по ликвидации американского военного присутствия в Центральной Азии (что актуально главным образом для КНР). Наконец, характерно, что российско-китайские военные маневры реально трансформировались в военно-политическую демонстрацию, адресованную не только Вашингтону, но также и (в соответствии с потребностями политики КНР) Тайбэю и Токио.

Вопрос, в действительности, стоит так: какие выгоды Москва рассчитывает извлечь из “треугольных взаимоотношений”, в рамках которых Китай стремится использовать потенциал России для постепенного изменения в свою пользу баланса сил с США?

Необходимость стабильных, добрососедских, взаимовыгодных отношений России с Китаем несомненна. Динамика отношений такова, что Китай уже

сегодня наиболее важная страна для России после США, а в перспективе (вследствие быстрого роста товарооборота, развития научно-технического сотрудничества и реализации крупных энергетических проектов) значение Китая для России может, как минимум, сравняться со значением Соединенных Штатов.

Пекин проявляет такт по отношению к притязаниям Москвы на роль великой державы и конкретно – на “зону особых интересов” на постсоветском пространстве. (Это, правда, не мешает КНР активно внедряться в Центральную Азию). Еще более серьезным обстоятельством является то, что КНР превратилась в крупнейшего (на 1 млрд. долл. в год на протяжении последних 14 лет) покупателя российского оружия и военных технологий.

Очевидно, что, сближаясь с Китаем, Кремль стремится продемонстрировать Белому дому, что у “евразийской державы” есть иные выборы, кроме следования в фарватере единоличной политики США и примыкания к аморфному ЕС.

Кроме того, устойчивые связи с Пекином (и Дели) дают Москве возможность оспаривать право Запада (США + Евросоюз + Япония) выступать от имени всего “международного сообщества”. Дипломатический союз России и КНР в Совете Безопасности ООН существует уже больше 10 лет. По проблемам Косово и Ирака, Ирана и Северной Кореи в настоящее время Пекин и Москва занимают схожие позиции. Российские руководители надеются, что сближение с Китаем и Индией поможет уравновесить международное влияние Запада.

Принимая в Москве премьер-министров стран-членов и наблюдателей ШОС, В.В.Путин заметил, что в этих странах проживают 3 млрд. чел., то есть около половины человечества.

Из этого числа на долю РФ приходится примерно 5%. Тем не менее существует, по-видимому, расчет на то, что в сравнении с Китаем Россия все еще обладает определенными преимуществами, которые отсутствуют во взаимодействии с США и Европой.

Исторические "заделы" в ядерной энергетике, космосе, авиапромышленности, производстве вооружений – областях, где россияне испытывают жесткую конкуренцию Запада, помогают России добиться приемлемого баланса во взаимоотношениях с КНР. Более того, совместные проекты в этих областях, как считают в Москве, способны оживить не только отдельные предприятия, но и целые отрасли российской промышленности и в итоге повысить общую конкурентоспособность страны, укрепить ее позиции по отношению к США и ЕС.

Китай, кроме того, является альтернативным источником финансовых ресурсов. Так, государственная "Роснефть" срочно получила необходимые средства (около 6 млрд. долл.) у китайских госбанков⁷.

Итак, на сегодняшний день "треугольник" объективно в наибольшей степени служит интересам Китая и частично компенсирует трудности политики Москвы на западном направлении. Соединенным Штатам он не выгоден, но Вашингтон пока что не видит причин для особого беспокойства. Основное внимание американцев сосредоточено на перспективах внутренней и внешнеполитической эволюции КНР, фактор России – за исключением ее роли поставщика энергоресурсов – считается незначительным и имеющим долгосрочную тенденцию к понижению. Кроме того, в США не устают подчеркивать наличие глубинных проблем между Россией и Китаем, а также ссылаясь на тревогу части российского общества перед гипотетической китайской экспансий.

После окончания "холодной" войны не только в США, но также и в Европе, в России исторически уникальное

состояние – отсутствие непосредственных причин для серьезных конфликтов между крупными державами стали воспринимать как данность и, более того, проецировать в будущее.

В Азии ситуация иная. Действительно, возвышение КНР идет по иной траектории, чем взлет Германии Бисмарка или рост военной мощи и политического влияния СССР после 1945 г. Тем не менее противоречия между Китаем и Японией, Китаем и США не только не уменьшаются по мере расширения и углубления экономического сотрудничества, но и имеют тенденцию к обострению.

Если Соединенные Штаты как центральный элемент современных международных отношений не сумеют в ближайшие 10–15 лет выстроить систему, включающую всех основных игроков, и в первую очередь Китай, грядущий "многополярный мир" в Азии может стать благоприятной средой для возникновения конфликтов и даже войн⁸. Это обстоятельство необходимо учитывать и творцам российской внешней политики.

Позиция России осложняется тем, что у Москвы очень мало возможностей существенно влиять на взаимоотношения двух гигантов – главным фактором в рамках "треугольника" являются отношения между США и КНР. Более того, в случае кризиса в Тайваньском проливе РФ рискует попасть в сложную ситуацию: Пекин будет ожидать от Москвы политической и материально-технической поддержки, в то время как Вашингтон – прекращения поставок российских вооружений Китаю.

В результате Россия может оказаться перед неразрешимым выбором между Китаем и Америкой.

Разумеется, вероятность такого сценария далеко не стопроцентна. Вашинг-

тон и Пекин будут избегать прямого столкновения друг с другом, “обрабатывая” при этом влиятельные политические силы в Тайбэе, чтобы исключить возможность провоцирующих шагов со стороны Тайваня. Тем не менее у России должна быть наготове линия поведения, безусловно исключающая вовлечение ее в американо-китайский конфликт и способствующая многосторонним (с участием других игроков, прежде всего ЕС) усилиям по его предотвращению или прекращению. В частности, военно-техническое сотрудничество России и КНР (точнее, продажа российских вооружений, техники и технологий) должно оставаться таким, чтобы не провоцировать Китай на опасные шаги, а Вашингтон – на резкие контрмеры.

Аналогичная стратегия должна быть разработана и на случай опасного обострения китайско-японских отношений, которые также имеют “американский аспект”.

В общем плане России следует стремиться к более равновесным, но при этом тесным и дружественным отношениям с Китаем, чтобы избежать излишней односторонней зависимости от него. Направлений здесь несколько:

- развитие экспортной энергетической базы Восточной Сибири и Дальнего Востока для снабжения нефтью и газом – как трубопроводным, так и сжиженным – Китая, Японии, Южной Кореи и Западное побережье США;

- вовлечение Японии и США, наряду с Китаем и Южной Кореей, в развитие Восточного региона России;

- расширение базы партнерских отношений с Индией и развитие трехсторонних отношений между Россией, КНР и Индией (“дружба втроем” как инструмент предсказуемости);

- достижение качественно нового уровня в отношениях с Японией и т. д.

Иными словами, чем эффективнее станет развиваться восточная часть России, чем теснее она будет интегрирована в экономическое пространство Азии и Тихого океана, тем больше гарантий того, что Сибирь и Дальний Восток останутся российскими.

Кроме того, необходимо развивать трехстороннее взаимодействие Российской Федерации, США и КНР там, где интересы трех стран сходятся, в частности, это касается:

- согласованного противодействия дальнейшему распространению оружия массового уничтожения (Северная Корея, Иран);

- обеспечения региональной стабильности в Центральной Азии и борьбы с исламистским терроризмом.

До сих пор Москва, Пекин и Вашингтон были настолько увлечены “малой игрой” в Центральной Азии, что общие угрозы – от афганского наркотрафика до обстановки в Ферганской долине – оказались оттесненными на второй план. Между тем, если допустить повторение андижанских событий в более крупном масштабе (например, в случае одновременно начинаящихся исламистских выступлений в нескольких городах Ферганской долины), у Ташкента и его союзников может элементарно не хватить сил и средств для стабилизации ситуации.

По мнению Д.В.Тренина, говорить о равностороннем геополитическом треугольнике не приходится. Асимметрия между его участниками слишком очевидна.

Приходится учитывать, что американо-китайские отношения имеют важнейшее значение для современных международных отношений в целом.

Подъем Китая, даже мирный, безусловно бросает вызов доминированию Соединенных Штатов. Американцы этот вызов принимают, хотя долгосрочная стратегия ответа на него у Вашингтона пока что отсутствует.

Взаимодействие и с США, и с Китаем более важно для России, чем взаимодействие с Россией для этих стран. Вместе с тем взаимоотношения в треугольнике США – Россия – Китай не являются игрой с нулевой суммой. Плохие отношения между Вашингтоном и Пекином – фактор риска для Москвы, и оказаться между США и Китаем для России крайне опасно.

Сближение России с Китаем, – очевидный факт. Правда, в Вашингтоне по этому поводу пока особенно не беспокоятся. Удивительно, однако, что активное сближение с Китаем воспринимается российской правящей элитой как практически беспроблемное. Создается впечатление, что о Китае решено говорить либо только хорошее, либо ничего. Более того, попытки критически оценить перспективы отношений Российской Федерации с КНР иногда воспринимаются в околовластных кругах как “происки США”.

Это создает иллюзии, неуместные в общении с поднимающейся великой державой, которая уже превзошла Россию по совокупной мощи.

Итак, к середине 2000-х Россия политически отдалась от США и Евросоюза и сблизилась с Китаем (и Индией). Вместе с активной энергетической дипломатией, “монетизацией” российской политики на пространстве СНГ, расширением российской вовлеченности в процессы на Среднем Востоке (Иран) и в некоторых других регионах это означает возвращение России как существенного фактора международных отношений.

Поворотным пунктом в российско-американских отношениях в 2001 г. стало решение В.Путина не препятствовать размещению американских сил на базах в Центральной Азии. Помимо очевидного расчета на то, что военная операция США в Афганистане снимет угрозу безопасности России и странам

СНГ со стороны талибов и их союзников, одним из резонов такого решения было то, что американцы, приедя туда на временной основе, сделают регион недоступным для китайцев и тем самым дадут России выиграть время, сбратиться с силами и занять традиционное для нее место ведущей региональной державы. Поворот 2005 г. прямо противоположен по смыслу: Китай и Россия потребовали ухода американцев с бывших советских баз. Узбекский президент, который принял такое решение, вначале совершил визит в Пекин, а затем лишь в Москву. Правда, спустя несколько месяцев, он заключил двусторонний альянс с Россией. Региональная динамика, таким образом, является точным отражением глобальных перемен.

Интересы России, Китая, Америки неразрывно связаны, и российско-китайско-американский “треугольник” объективно существует, хотя это и не всегда видно при поверхностном взгляде.

Существует взаимная заинтересованность в согласовании национальных интересов у России и Китая, России и Америки, Китая и Америки. Одновременно есть и противоречия интересов. Однако заинтересованность в долгосрочном или стратегическом плане преобладает.

Китайско-американские отношения важны и для обоих партнеров и на региональном, и на глобальном уровнях. Они важны и для России, и для других государств. То же самое можно сказать и о российско-китайских отношениях, и о российско-американских отношениях применительно к другим сторонам “треугольника”.

Каждый из членов “треугольника” – незримый участник двусторонних отношений двух других участников “треугольника”.

Так, в частности, Россия – непременный участник отношений Китая и

Америки, особенно в региональных мировых вопросах, и такое положение сохранится в будущем.

России необходимы нормальные мирные и равноправные отношения с Китаем и с Америкой при сохранении Россией своей полной самостоятельности и независимости. Это исключает союзы с одним из этих партнеров против другого партнера. России необходимо действовать так, чтобы, обеспечивая свои интересы, в то же время быть необходимой и для Китая, и для Америки.

По экспертному мнению Ю.М.Галеновича, добрые отношения с третьими странами – это непременный компонент политики России, когда речь идет о ее отношениях с Китаем и с Америкой. Что же касается роли и места Китая и Америки в будущем, то вполне очевидно, что в XXI в. – это два главных субъекта международных отношений. В нынешнем мире нет проблемы важнее их приспособления друг к другу: такому приспособлению необходимо содействовать.

Столкновения между Китаем и Америкой при их взаимном приспособлении неизбежны. В то же время хотелось бы надеяться, что до широкомасштабной войны дело не дойдет. Тут важно следующее: каждая нация полагает, что при мирном развитии событий она займет достойное место.

В конце прошлого века наступил исторический период непосредственных взаимоотношений Китая и Америки как двух главных субъектов международных отношений на мировой арене. Именно в этой связи китайско-американские отношения приобретают важнейшее значение для России.

В начале XXI в. возникает все больше оснований для того, чтобы говорить о необходимости создания механизма трехстороннего российско – китайско – американского сотрудничес-

ства. Двусторонние встречи руководителей Российской Федерации и КНР, Российской Федерации и США, КНР и США ныне проходят при ощутимом третьем партнере. Например, в случае встречи президента России и председателя КНР, это США.

Со временем нельзя исключать того, что национальные интересы всех трех сторон будут диктовать необходимость проведения трехсторонних встреч для согласования соответствующих национальных интересов России, Китая и Америки.

В новом свете предстают российские интересы в Центральной Азии (ЦА).

Здесь одновременно существуют и противоречия между интересами всех вовлеченных в завязавшийся новый узел борьбы и взаимная заинтересованность друг в друге.

Страны ЦА будут бороться за свое выживание и свои жизненно важные национальные интересы, допуская лишь временное и ограниченное участие других, пусть даже в военном и экономическом отношении более сильных, наций в дела региона.

У США в Центральной Азии возникли свои новые интересы и новые возможности их осуществления. Они понимают, что защита этих интересов требует согласования известных позиций и с Россией. Китайцы понимают, что сохранение какого-либо равновесия в этом регионе также требует учета ее интересов. Отсюда вытекает большая заинтересованность Пекина в России применительно к Центральной Азии.

Представляется, что союзные отношения нового типа, не направленные против какого-либо конкретного государства, но против угрозы и проявлений международного терроризма могли бы объединить Россию, Китай, Америку в их общей, отвечающей интерес-

сам выживания каждого из партнеров и союзников.

Сегодня на переднем плане взаимоотношения трех миров: американского, китайского, мусульманского (в первую очередь, речь идет о политическом исламизме). У каждого из них есть свои сильные и слабые стороны. Каждый по-своему своими методами хотел бы добиться господства в будущем мире⁹.

Междунраодные террористы, то есть воинственные фанатики, политические исламисты, представляют собой угрозу и для России, и для Китая, и для Америки и для других наций, в то время как все мы, в том числе мирные мусульмане, – союзники в борьбе за выживание, сохранение жизни людей на Земле. Существует взаимная заинтересованность друг в друге всех сил: российского мира, американского мира, китайского мира, мусульманского мира и т.д.

Гармония национальных интересов России, Китая, Америки – это, на наш взгляд, объективная необходимость, диктуемая самими этими национальными интересами. Вместе с тем процесс согласования интересов будет длительным. На этом пути будут встречаться значительные трудности.

Китайская сторона в начале нынешнего столетия после событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке подчеркивала, что она сохраняет в своей основе прежний взгляд на ситуацию в мире и предпочитает пока лишь в предварительном порядке по-иному смотреть на мир. Прежде всего, важно, что на первый план для Пекина так и не вышел вопрос о новой всеобщей угрозе для мира, безопасности и выживания человечества, а именно угрозе международного терроризма. Поэтому для КНР и не стоял вопрос о реальном участии во всемирном антитеррористическом фронте.

Пекин по-прежнему предпочитал действовать на мировой арене в одно-

стороннем или, в крайнем случае, в двустороннем порядке. Само понятие международного терроризма оставалось для Пекина еще не ясным, даже в практическом плане. Он пользовался этим термином исключительно применительно к частностям международной жизни.

Для Пекина было важно определить для себя, действительно ли закончилась “холодная” война. Это был для него весьма непростой вопрос.

Тут у Пекина была задача, с одной стороны, исключать противостояние или конфронтацию между КНР и США, а с другой – считать выгодным для себя продолжение существования неких остатков “холодной” войны в отношениях между Россией и Америкой.

Тезис Пекина о “новом порядке” в мире является удобным или предпочтительным, чтобы лишь на словах осуждать некую абстрактную политику США и лишь их отдельные действия или акции, а на деле развивать все возможные в той или иной обстановке связи с Америкой. Это был прием, с помощью которого Пекин, с одной стороны,名义上 продолжал выступать против замыслов и действий США, а с другой – в сфере реальных отношений практически полностью исключал конфронтацию с США.

В условиях сближения Москвы и Вашингтона после 11 сентября Пекин должен был строить свою политику. КНР искала манеру поведения, имея в виду различные перспективы развития российско-американских отношений, с одной стороны, полагая, что эти отношения смогут быть партнерскими, даже дружественными, а с другой – учитывала вероятность того, что эти отношения снова ухудшатся.

В Пекине постоянно возвращались к мысли о том, что соперничество этих двух наций не может не быть вечным, и подчеркивали, что Россия, усилившись, опять обязательно бросит вызов США.

Наконец, для Пекина возникал вопрос о новых отношениях между Россией и КНР. Ставился вопрос о том, что связывает эти две страны, что является общим для них. Можно заметить, что при этом даже почти не упоминали о российско-китайском договоре 2001 г. Складывалось впечатление, что России просто предлагалось самой исходить из того, что она в большей степени зависит от КНР, чем Китай от России. Равноправие интересов тут исключалось. России как бы намекали на то, что она должна идти на уступки Пекину при решении конкретных проблем в двусторонних отношениях.

Президента В.В.Путина одобряли в Пекине за то, что он, сближаясь с Западом, с США, одновременно развивал и отношения с Пекином. Главной положительной чертой политики В.В.Путина называли ее гибкость и эффективность. В Китае проводили мысль о том, что речь идет лишь о разных формах соперничества между Россией и США. При этом все то в политике Москвы, что отвечало защите ее собственных интересов, представляется, как игра с целью побудить США изменить отношение к России.

Без поддержки США и Европы невозможна интеграция России в мировую экономику. В КНР с пониманием относятся к этому и считают, что это отвечает интересам России и будет способствовать развитию экономики и стабильности в целом. Представляется, что в КНР пришли к выводам:

- **во-первых**, Россия способна радикально менять отношения с США, и этому невозможно препятствовать;
- **во-вторых**, нужно приспособливаться к создавшейся ситуации, то есть, не выступая прямо против политики Москвы, постоянно отыскивать трещины в российско-американских отношениях и пытаться углублять их.

Осмысливая ситуацию в отношениях Российской Федерации и США после 11 сентября 2001 г., в Пекине пришли к главному выводу: все это не будет оказывать негативного воздействия на отношения России и КНР и сближению позиций Москвы и Вашингтона по ряду позиций пока помешать невозможно.

Официально КНР приветствует улучшение отношений между Россией и НАТО, между Россией и США. В Пекине не считают, что это некий ход с целью изоляции КНР, и полагают, что необходимо отказаться от концепций периода “холодной” войны – необходимо новое мышление в подходе к проблемам мировой политики.

В КНР полагают, что треугольник Россия – Китай – Америка в том виде, в каком он существовал ранее, ушел в прошлое. Иными словами, сближение любых двух сторон этого треугольника не приводит к противостоянию с третьей стороной. Общая тенденция во взаимоотношениях между любыми двумя сторонами современного треугольника – это поиск пути улучшения отношений. При этом сближение России и США в настоящее время большее, чем в американо-китайских отношениях.

К середине 2002 г. в Пекине пришли к выводу, что можно не выступать против США в тех вопросах, где речь идет о конфронтации американцев с международным терроризмом. В то же время было решено сохранять отношения с возможно большим числом сил в мусульманском мире.

Пекин не только не желает обострять отношения с США и НАТО или находиться в некой оппозиции к ним, но намекает на возможность новых отношений между Пекином и Западом, в том числе и НАТО.

После событий 11 сентября 2001 г. Пекин выработал новую позицию по

отношению к региону Средней Азии и, в частности, к ШОС. Если при создании ШОС для КНР главным представлялось обеспечение своих интересов в среднеазиатском регионе, вынуждая Россию считаться с интересами Пекина, которые далеко не всегда отвечали интересам нашей страны, то теперь Пекину пришлось взглянуть на дело, прежде всего, учитывая интересы США.

Отсюда следовали новые подходы:

- *во-первых*, согласие с тем, чтобы наряду с КНР учитывались интересы США, а далее и России;
- *во-вторых*, чтобы главный акцент в предстоящей деятельности ШОС был

обращен на экономическую сторону отношений;

– *в-третьих*, в Пекине склонялись к мысли о том, что необходимо в будущем строить некий механизм, который состоял бы из двух частей, а именно – с одной стороны, США, а с другой – ШОС, в которой, по мысли Пекина, первую скрипку играла бы КНР.

Это позволяет Пекину развивать отношения с Вашингтоном и сохранять атмосферу в отношениях с нашей страной в расчете на то, что в будущем при весьма вероятных и даже непременных осложнениях Москвы и Вашингтона Пекин сможет выступить как та сила, к которой обратится Россия.

Примечания

- ¹ Выступление В.В.Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политической безопасности. Президент России. Официальный сайт. 2007. 10 февраля.
- ² Американское общество на пороге XXI века. Сб. статей. М., 2000. С. 65.
- ³ Тренин Д. Россия между Китаем и Америкой // Pro et Contra. 2005. ноябрь–декабрь. С. 45.
- ⁴ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 15.
- ⁵ Российско-китайские отношения. Состояние и перспективы. М., 2005. С. 4.
- ⁶ Limited Partnership/ S.W. Garnett (ed.) Wash.: Carnegie Endowment for International Peace, 2000.
- ⁷ Ведомости. 2005. 9 декабря.
- ⁸ Haass R. The Opportunity. N.Y., 2005.
- ⁹ Галенович Ю.М. Россия, Китай, Америка. М., 2006. С. 562.

Перспективы эволюции ОДКБ и ШОС в сфере безопасности

**Нужно ли Западу опасаться формирования
“Восточной НАТО”?**

Юлия Никитина

В настоящее время на постсоветском пространстве действуют несколько региональных объединений с пересекающимся членством и частично совпадающими функциями. В частности, в сфере безопасности речь идет об Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которые одновременно включают Россию, Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан*.

Если ОДКБ представляет собой в чистом виде организацию безопасности, эволюционирующую от военного-политического блока к многофункциональной организации безопасности, то в рамках ШОС, кроме сферы безопасности, активно развивается и экономико-энергетическое измерение.

Обе организации провозглашают одной из своих основных целей борьбу с так называемыми “новыми” вызовами и угрозами, преимущественно в Центрально-азиатском регионе. Деятельность как ОДКБ, так и ШОС на Западе часто сопровождается комментариями о создании “Восточной НАТО”, возрождении Варшавского блока.

Последняя волна критических публикаций была связана с подписанием в октябре 2007 г. Меморандума о взаимопонимании между секретариатами ОДКБ и ШОС, что вызвало опасения о возможном объединении потенциалов двух организаций.

В этой связи рассмотрим вопросы восприятия этих организаций на Западе, их потенциалы реагирования на вызовы и угрозы безопасности, сопоставимы ли они с потенциалом НАТО и возможно ли объединение двух структур в так называемый “Восточный блок НАТО”.

* Помимо названных стран в ОДКБ входят Белоруссия и Армения, в ШОС – Китай.

Развитие потенциала реагирования на вызовы и угрозы безопасности

Организация Договора о коллективной безопасности имеет достаточно высокий потенциал реагирования на вызовы и угрозы безопасности различного типа и планирует его дальнейшее и активное развитие. Особенностью всех коллективных сил ОДКБ является то, что в мирное время эти контингенты находятся на территории своих стран под национальным управлением, объединяясь лишь для проведения учений или совместных операций.

Для отражения военных угроз Договором о коллективной безопасности 1992 г. предусмотрено создание трех региональных группировок войск: Восточноевропейской (Россия – Белоруссия), Кавказской (Россия – Армения), Центральноазиатской (Россия – страны Центральной Азии).

Первые две группировки созданы, регулярно проводятся их учения. На центральноазиатском направлении ОДКБ имеет Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР), решение о создании которых было принято осенью 2000 г., после вторжения исламистских боевиков на территорию Киргизстана и Узбекистана (1999 и 2000 гг.).

Следует отметить, что государства-члены тогда еще просто Договора о коллективной безопасности (ДКБ)* столкнулись с угрозой терроризма и экстремизма задолго до событий 11 сентября 2001 г., после которых борьба с названными угрозами приобрела глобальный масштаб.

Движение “Талибан” захватило власть в Афганистане в 1996 г., однако ситуация начала дестабилизоваться еще раньше – с 1992 г. после падения

режима Наджибуллы. То есть афганская угроза являлась “фоном” для подписания ДКБ. КСБР созданы как сдерживающая сила против экстремистских сил. Считается, что именно создание КСБР привело летом 2001 г. к заметному спаду активности действий бандформирований в отношении центральноазиатских государств-участников ДКБ.

Следует обратить особое внимание на развитие потенциала ОДКБ по урегулированию конфликтов: в настоящее время миротворческая инициатива от активно действовавшего в 90-е годы СНГ постепенно переходит именно к ОДКБ. В октябре 2007 г. на сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ после четырехлетних консультаций и согласований между странами-членами был подписан пакет документов по миротворческой деятельности.

В соответствии с Соглашением о миротворческой деятельности, создаваемый миротворческий контингент сможет участвовать в урегулировании конфликтов не только на постсоветском пространстве, но и за пределами зоны ответственности Организации в рамках операций, проводимых под эгидой ООН.

При этом от имени России и руководства ОДКБ неоднократно делались заявления о том, что создаваемые миротворческие силы ОДКБ не будут вводиться в зоны “замороженных” конфликтов на постсоветском пространстве вместо российских контингентов.

Однако в случае, если Россия все же примет стратегическое решение о допустимости участия миротворческих сил

* Решение о преобразовании Договора о коллективной безопасности в полноценную региональную организацию (ОДКБ) было принято в 2002 г.

ОДКБ в урегулировании “замороженных” конфликтов, следует учитывать возможное нежелание других членов Организации выделять свои контингенты для таких операций. Отказ принять участие в урегулировании “замороженных” конфликтов представляется весьма вероятным, так как само принятие решения о создании миротворческих сил в рамках ОДКБ практически 4 года тормозилось из-за негативного отношения к нему всех членов организации, кроме России.

Подобная ситуация не нова: в рамках СНГ как организации с самого начала бремя миротворчества также практически полностью легло на плечи России. Поскольку коренных изменений в позиции стран ОДКБ по проблеме миротворчества на постсоветском пространстве не произошло, весьма вероятно, что в рамках ОДКБ будет повторение сценария, по которому развивалось миротворческое измерение СНГ.

Таким образом, в случае принятия решения об использовании миротворческих контингентов ОДКБ для урегулирования “замороженных” конфликтов, России придется предпринять дополнительные усилия для того, чтобы в сфере миротворчества на постсоветском пространстве ОДКБ выступала именно как коллективный актор.

Вместе с тем, данный прогноз не касается использования контингентов ОДКБ за пределами постсоветского пространства в операциях под эгидой ООН, которое может оказаться весьма привлекательным для всех членов Организации, так как может серьезно поднять престиж ОДКБ на международной арене и повысить ее “узнаваемость” в международных кругах.

Для оперативного реагирования на экстремистские угрозы планируется сформировать Коллективные региональные антитеррористические силы ОДКБ во всех трех регионах коллек-

тивной безопасности: Восточноевропейском, Кавказском и Центральноазиатском. Кроме этого, в рамках ОДКБ ведется разговор о создании коллективных сил для реагирования на чрезвычайные ситуации и угрозы техногенного характера.

Таким образом, на настоящем этапе ОДКБ уже имеет или планирует создать совместные силы для реагирования на весь спектр угроз региональной безопасности.

Что же касается Шанхайской организации сотрудничества, то в ее рамках не предусмотрено создание совместных контингентов, которые могли бы быть использованы для реагирования на вызовы и угрозы безопасности. Однако стремление создать в ШОС некие коллективные силы для реагирования на угрозы военного характера, а также для урегулирования конфликтов существует в российских политических и, главным образом, военных кругах. Считается, что заделом к созданию такого военного измерения были совместные российско-китайские учения и российско-индийские учения 2005 г., в которых были задействованы тяжелые вооружения и морской флот, а также учения “Мирная миссия-2007”.

Вместе с тем, важно отметить очень осторожную позицию китайской стороны по развитию в рамках ШОС измерения безопасности, вообще, и военного измерения в частности: в 2005 г. учения проводились, в первую очередь, на двусторонней основе; в 2007 г. китайские военные не дали согласия на совмещение учений ШОС и ОДКБ, о чем была достигнута предварительная политическая договоренность в 2006 г.

Ситуацию с учениями двух организаций можно прокомментировать следующим образом: с одной стороны, можно предположить, что Китай не захотел “разменивать” авторитет ШОС

на совместное мероприятие с не очень “узнаваемой” на международной арене организацией; а с другой – и этот вариант представляется более вероятным, – ОДКБ – военно-политическая организация, и совместные учения могли бы дать повод для спекуляций о “военизации” ШОС, чего китайская сторона всячески пытается избежать.

Даже если решение о создании некоторого коллективного воинского контингента в рамках ШОС будет принято, возможности его использования представляются весьма ограниченными, если не ничтожными.

Китай вряд ли обратится за военной помощью для решения внутренних проблем безопасности, а Россия и страны Центральной Азии не отправят свои контингенты для участия в урегулировании потенциального военного конфликта КНР с Тайванем. Отметим, что в документах ШОС признается существование только единого Китая, что хотя и не налагает никаких военных обязательств со стороны членов ШОС, но создает обязательства морально-политического характера. Участие подразделений Народно-освобо-

дительной армии Китая в урегулировании еще одной “цветной” революции в Центральной Азии (ЦА) также представляется весьма маловероятным, так как во время событий в Узбекистане и Киргизии главы этих государств не обратились за помощью даже к ОДКБ, хотя у последней есть специальные Коллективные силы быстрого развертывания для ЦА, которые могли бы быть приведены в боевую готовность уже через несколько часов после принятия соответствующего политического решения. Кроме того, в России и странах ЦА Китай по-прежнему воспринимается как потенциальная угроза, причем не только с точки зрения демографической и экономической экспансии, но и с военной.

Подводя итог, можно отметить, что ограниченные возможности потенциального использования совместного контингента ШОС и нежелание Китая развивать военное измерение и измерения безопасности делают малоцелесообразным создание в рамках ШОС некоторых коллективных сил, к тому же дублирующих уже имеющиеся в ОДКБ силы.

Перспективы взаимодействия ОДКБ и ШОС в сфере безопасности

В октябре 2007 г., после трехлетних согласований был подписан Меморандум о взаимопонимании между ШОС и ОДКБ, что дало повод некоторым западным изданиям говорить о возможно скором объединении потенциалов организаций и создании некоей “восточной НАТО”. Если перспектива слияния двух организаций теоретически может положительно оцениваться Россией (в основном, из-за потенциальной экономии средств), то Китай не заинтересован в таком развитии событий, так как выступает против “военизации” ШОС.

Что касается распределения между ОДКБ и ШОС функций по обеспечению безопасности в свете подписанного Меморандума, возможны следующие сценарии:

Первый сценарий предполагает работу в тандеме: создание двухуровневой системы безопасности, а именно – ШОС борется с социальными проблемами, по китайской терминологии “корнями” трех “зол”, а ОДКБ – с последствиями – “ветвями”.

Если в рамках ШОС основной акцент продолжит смещаться в сторону экономико-энергетического взаимодей-

ствия, а сотрудничество в сфере безопасности не приведет к созданию совместных сил, то для ШОС возникнет реальная необходимость согласования своих действий с ОДКБ, так как ШОС нуждается в безопасности и стабильности в регионе для строительства трубопроводов, транспортной сети, особенно учитывая высокую заинтересованность в данных процессах стран-наблюдателей.

Второй сценарий: в настоящее время ОДКБ пошла по пути усиления взаимодействия с ЕврАзЭС, с которой у нее практически совпадает состав членов (после слияния ОЦАС* и ЕврАзЭС).

Логика процессов здесь схожа с логикой в предыдущем сценарии: создание безопасной среды для экономической интеграции. Учитывая сдержанное отношение России и стран Центральной Азии к созданию зоны свободной торговли с Китаем в рамках ШОС, можно предположить, что в сфере именно эко-

номического взаимодействия приоритет будет отдан интеграционным процессам в рамках ЕврАзЭС, а не ШОС. Соответственно, и обеспечение безопасности экономических процессов в рамках ЕврАзЭС может оказаться более значимым, чем обеспечение безопасности тех же процессов в рамках ШОС. В таком случае Шанхайской организации сотрудничества все-таки придется пойти по пути развития собственного измерения безопасности и дальнейшего дублирования отдельных функций ОДКБ.

В конечном итоге решение о приоритетности углубления отношений ОДКБ с ЕврАзЭС или же ШОС будет зависеть от того, отдаст ли Россия в среднесрочной перспективе приоритет развитию региональной экономической интеграции на постсоветском пространстве или диверсификации энергетического экспорта и развитию энергетического сотрудничества в рамках ШОС.

Отношения с внeregиональными игроками и восприятие организаций на международной арене

Организация Договора о коллективной безопасности – организация не слишком узнаваемая на международной арене, но она при этом стремится активно развивать отношения с другими структурами, занимающимися проблемами безопасности (ООН, ОБСЕ). Наиболее “проблемными” являются для ОДКБ взаимоотношения с НАТО.

Принимая во внимание последние волны расширения НАТО, приблизившие границы альянса вплотную к границам ОДКБ, присутствие баз коалиции в Центральной Азии и контртеррористическую операцию в Афганистане, а также участие всех стран ОДКБ в

программе “Партнерство ради мира”, в рамках Организации возник вопрос о налаживании взаимоотношений ОДКБ с НАТО.

В начале июня 2004 г. перед саммитом НАТО в Стамбуле генеральный секретарь ОДКБ направил генсеку НАТО официальное письмо с предложением о налаживании сотрудничества между организациями, однако ответа не получил.

После неудачной попытки установления прямого контакта на сессии Совета Россия–НАТО (СРН) (Москва, декабрь 2005 г.) прямо предложила наладить взаимодействие между организа-

* ОЦАС – Организация Центральноазиатское сотрудничество.

циями через СРН, перечислив возможные направления сотрудничества (контроль за имеющимися запасами ОМУ и его нераспространением; борьба с международным терроризмом, наркотрафиком, незаконной миграцией; постконфликтное обустройство Афганистана, управление границами¹).

Однако члены альянса, хотя и не отвергли эту инициативу, предложили продолжить взаимодействие на двустороннем уровне между заинтересованными странами².

Спецпредставитель Генсека НАТО по Кавказу и Средней Азии Роберт Симmons тогда же частично объяснил причины отказа, заявив, что “на данном этапе говорить о более глубоком сотрудничестве с этой организацией (ОДКБ), пока ее деятельность не приобрела более оформленный характер, еще рано”³.

То есть члены альянса просто не считают ОДКБ достаточно влиятельной и эффективной региональной организацией безопасности, чтобы налагивать с ней институциализированный диалог. Впрочем, следует отметить, что такая линия поведения полностью вписывается в уже сложившуюся стратегию НАТО: “не замечать” интеграционные объединения на постсоветском пространстве, в частности СНГ, с которым у альянса нет отношений на уровне организаций.

Однако при сохраняющихся попытках наладить взаимодействие с НАТО, периодически от ОДКБ поступают и сигналы иного рода, дающие понять, что мышление времен “холодной” войны все-таки полностью не изжито.

В частности, на заявления Грузии о желании как можно более скором присоединении к НАТО генеральный секретарь ОДКБ Н.Бордюжа отреагировал следующим образом: “По сути, членство Грузии в НАТО – это дальнейшее продвижение военной инфраструктуры альянса к рубежам ОДКБ, повышение уровня военной ак-

тивности непосредственно на внешних границах Организации, что уже само по себе не может не провоцировать усиление нестабильности и непредсказуемости, проектируемых на зону ответственности ОДКБ”².

Другим выражением этого типа мышления является опасение повторения на постсоветском пространстве так называемых “цветных революций”, то есть управляемой извне смены режимов на прозападные.

Так, на заседании Комитета секретарей советов безопасности ОДКБ (июнь 2006 г.) было принято решение о создании механизма противодействия акциям недружественного характера со стороны третьих стран, способным дестабилизировать политическую обстановку в странах-участницах организации⁴. В частности, речь идет о координации внешнеполитических действий по отношению к международным организациям (ОБСЕ, НАТО), совместных политических заявлениях.

В случае военного вмешательства третьих стран страны ОДКБ также могут использовать военную силу.

Также у руководства ОДКБ вызывает опасение тот факт, что “с помощью внерегиональных сил раскручивается проблема “замороженных конфликтов”, муссируются планы их решения силовым путем”⁵.

Таким образом, можно констатировать наличие у ОДКБ двойственной позиции: при преобладающем стремлении налаживать сотрудничество с западными организациями безопасности в случае получения негативной ответной реакции может возобладать линия на возрождение разделительных линий и мышления времен “холодной” войны.

В свою очередь, ШОС не стремится налаживать взаимоотношения с западными структурами, прежде всего с НАТО, и имеет на Западе имидж закрытой и непрозрачной организации,

“клуба диктаторов”: например, ШОС ответила отказом на просьбу США присутствовать на ее саммитах. Широкий резонанс в мире получило заявление ШОС по американским базам в Центральной Азии, сделанное на саммите 2005 г.

Однако следует отметить, что при преобладающем негативном восприятии узнаваемость ШОС в мире на порядок выше, чем у ОДКБ.

Что же касается восприятия Организации самими государствами-участниками, то и они считают членство в ней более значимым, чем участие в ОДКБ (при членстве в обеих структурах).

Свидетельством тому может служить и желание вступить в ШОС члена ОДКБ Белоруссии.

С чем связана такая разница в восприятии, ведь, как мы могли убедиться, возможности ОДКБ реагировать на угрозы безопасности выше, чем у ШОС?

В настоящее время основным “коэффициентом” ШОС Россия и другие страны-члены считают *потенциал влияния* Организации, который образуется при механическом сложении национальных ресурсов.

Цифры, которые озвучиваются на всех форумах и научных конференциях, действительно впечатляют, но напомним, что целое должно быть всегда больше простой суммы составных частей.

В настоящее же время бюджет ШОС покрывает только деятельность Секретариата и Региональной антитеррористической структуры, совместные же мероприятия проводятся главным образом на двусторонней основе.

То есть ШОС, как и СНГ на современном этапе, является удобной площадкой для достижения договоренностей по отдельным вопросам в нужной конфигурации участников. ШОС мож-

но назвать региональной организацией глобального значения лишь за счет участия стран, все действия которых автоматически оцениваются с точки зрения их влияния на мировые процессы (Россия и Китай). Таким образом, опять-таки речь идет о значимости и влиятельности членов Организации, но не ее самой.

Между тем, у ШОС есть ресурс, благодаря которому она может продвигать себя на международной арене именно как консолидированная организация с общими ценностями: основной “скрепой” столь различных направлений сотрудничества в рамках ШОС, как борьба с новыми вызовами и угрозами и энергетическое сотрудничество, является наличие у организации идеологической составляющей.

По мнению государств-членов ШОС, лежащий в основе их взаимоотношений так называемый “шанхайский дух” (взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение многообразия культур, стремление к совместному развитию) “обогатил теорию и практику современных международных отношений, претворяя в жизнь всеобщее стремление мирового сообщества к демократизации международных отношений”⁶.

Согласно официальным декларациям, государства-члены ШОС строят новую, неконфронтационную модель межгосударственных отношений, благодаря которой можно преодолеть мышление времен “холодной” войны. Члены ШОС настаивают на необходимости уважения “многовариантности путей развития” и на том, что “конкретные модели общественного развития не могут становиться предметом экспорта”⁶.

Если описывать эту идеологию в терминах западной политической науки, то речь идет о продвижении на

международной арене “авторитарного капитализма”* в качестве альтернативы американскому проекту неолиберальной глобализации и “нелиберальной демократии”**, в противовес глобальной демократизации по американскому образцу.

Следует отметить, что, хотя страны-члены ШОС и призывают преодолеть идеологические различия, сами предлагаю именно идеологизированный проект, который может найти сторонников среди стран, не в полной мере соответствующих стандартам западной либеральной демократии или недо-

вольных американской политикой в том или ином регионе.

Таким образом, основной потенциал влияния ШОС заключается не столько в сфере борьбы с новыми вызовами и угрозами и даже не в решении энергетических проблем региона, сколько в наличии мощного идеологического измерения, которое может составить реальную конкуренцию как утрачивающему популярность на фоне относительного ослабления США либеральному проекту, так и исламскому проекту, так как часть членов и наблюдателей ШОС являются исламскими странами.

Итак, можно сделать следующий вывод.

Опыт НАТО показывает, что у консолидированной организации должны быть не только общие для всех членов угрозы, которые могут меняться (распад СССР), но и общие ценности и интересы, вокруг которых и строится сотрудничество.

Пока что ОДКБ в большей степени строится вокруг угроз, ШОС же – скорее вокруг интересов и ценностей.

В этой связи восточным аналогом НАТО в определенной степени могут быть названы, несмотря на вероятные протесты их руководства, обе рассматриваемые организации: ОДКБ – благодаря своему достаточно мощному потенциальному реагирования на весь спектр региональных вызовов и угроз, а ШОС – из-за наличия идеологической составляющей, способной составить конкуренцию существующим на международной арене глобальным проектам (американскому, исламскому и т.п.).

Однако, поскольку в среднесрочной и даже долгосрочной перспективе объединение ОДКБ и ШОС весьма маловероятно по причине незаинтересованности в таком развитии событий китайской стороны, до формирования “нового Варшавского пакта”, который бы сочетал идеологический потенциал с военным, все-таки еще далеко.

Примечания

¹ Армения – надежный, проверенный временем партнер в системе союзнических отношений государств-членов ОДКБ // АМИ Новости-Армения. 2007. 18 января.

* Термин “авторитарный капитализм” обычно используется для описания стран Латинской Америки и Азии.

** Термин “нелиберальная демократия” был введен в научный оборот в 1995 г. авторами книги “К нелиберальной демократии в АТР” (Brown D., Jayasuriya K., Jones D.M., Bell D. Towards Illiberal Democracy in Pacific Asia. London: Macmillan, 1995), однако широкое употребление в научных кругах получило только после статьи Фарида Закарии “Подъем нелиберальной демократии” (Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs. 1997. November/December.). Согласно Закарии, в странах нелиберальной демократии при соблюдении принципов демократии – наличии выборов – нарушаются принципы конституционного либерализма: отсутствует правовое государство и не соблюдаются права человека.

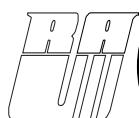
² НАТО И ОДКБ: частичное партнерство // РИА Новости. 2005. 9 декабря.

³ НАТО считает, что пока еще рано говорить о сотрудничестве с ОДКБ // РИА Новости. 2005. 14 декабря.

⁴ Страны ОДКБ создадут механизм противодействия попыткам Запада дестабилизировать в них обстановку // БЕЛТА. 2006. 26 июня.

⁵ Генсек ОДКБ считает, что Афганистан – главная угроза для государств Организации // РИА Новости. 2007. 30 марта.

⁶ Декларация пятилетия Шанхайской организации сотрудничества. Шанхай. 15 июня 2006 г. // <http://www.sectsco.org/html/00952.html>

**ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail:observer@nasled.ru**

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2008 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2008 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

НАТО в миротворческом процессе*

Владимир Штоль,
доктор политических наук, профессор

Край Косово и роль КФОР

Зоной еще одной миротворческой операции сил НАТО стало Косово, когда возник конфликт между воинскими формированиями Сербии и Силами косовских албанцев.

Напряженность в Косово с его преимущественно албанским населением возникла после введения в 1989 г. прямого правления из Белграда и переросла в конце февраля 1998 г. в столкновения между сербскими войсками и полицией и косовскими албанцами.

Международное сообщество, испытывая растущую озабоченность эскалацией конфликта, его гуманитарных последствий и опасности распространения на другие страны, предприняло ряд дипломатических инициатив, направленных на его мирное разрешение. В частности, была достигнута договоренность о том, что Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) учредит Миссию по контролю в Косово (МКК) для наблюдения за выполнением договоренностей в зоне конфликта, а НАТО создаст миссию по

наблюдению с воздуха. Создание обеих миссий было одобрено резолюцией Совета Безопасности ООН.

Кроме того, была сформирована военная тактическая группа НАТО для содействия в эвакуации Миссии по контролю в случае продолжения конфликта.

Несмотря на эти шаги, в начале 1999 г. после ряда провокационных действий с обеих сторон ситуация в Косово вновь обострилась.

Международное сообщество пыталось придать новый импульс поиску мирного разрешения конфликта.

29 января состоялось заседание Контактной группы, созданной в 1992 г. участниками Лондонской конференции по бывшей Югославии, в состав которой входила и Россия. Была достигнута договоренность о проведении срочных переговоров при международном посредничестве между участвующими в конфликте сторонами.

НАТО поддержала действия Контактной группы, выразив свое решение нанести при необходимости авиацион-

* Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2008. № 1.

ные удары, и направила соответствующее предупреждение обеим сторонам конфликта.

Эти согласованные инициативы привели к переговорам, проходившим с 6 по 23 февраля в Рамбуйе вблизи Парижа, а затем, с 15 по 18 марта – в Париже. Однако эти переговоры потерпели неудачу, и в марте 1999 г. сербские войска и полиция активизировали свои действия, направив в этот регион дополнительные подразделения и танки, что было явным нарушением достигнутых соглашений.

Таким образом, по мнению Запада, все дипломатические средства убедить сербов прекратить наступательные действия против косовских албанцев были исчерпаны, и 23 марта 1999 г. руководство НАТО отдало приказ о нанесении авиационных ударов по Югославии, чтобы принудить ее прекратить силовые меры по восстановлению порядка. Таким образом была начата агрессия против союзной Югославии, которая не была санкционирована Советом Безопасности ООН.

В военной операции против Союзной Республики Югославии (СРЮ), продолжавшейся 78 дней, участвовали 19 стран НАТО. Ущерб, нанесенный промышленным, транспортным и гражданским объектам СРЮ в результате почти трехмесячных бомбардировок, по разным оценкам, измеряется суммой от 60 до 100 млрд. долл.

Цели НАТО в связи с конфликтом в Косово были изложены в заявлении, принятом на чрезвычайной сессии Североатлантического союза (12 апреля 1999 г., подтверждены главами государств и правительств в Вашингтоне (23 апреля 1999 г.) и заключались в следующем:

– подлежащее проверке прекращение всех военных действий и немедленное прекращение насилия и преследований;

– вывод из Косово воинских, полицейских и военизованных формирований;

– размещение в Косово международного военного присутствия;

– безоговорочное возвращение всех беженцев и перемещенных лиц в условиях безопасности и беспрепятственный доступ к ним со стороны организаций, оказывающих гуманитарную помощь;

– заключение политического рамочного соглашения по Косово на основе договоренностей в Рамбуйе и в соответствии с международным правом и Уставом ООН.

Меры по обеспечению полной реализации поставленных целей рассматривалось Североатлантическим союзом в качестве якобы предпосылки прекращения насилия и человеческих страданий в Косово, хотя на самом деле все это способствовало в конечном счете усилению сепаратистских настроений и началу фактической реализации взятого косовскими албанцами курса на отделение Края от Сербии.

3 июня Россия и Европейский союз предприняли дипломатические усилия, и 9 июня между НАТО и Федеративной Республикой Югославия было заключено военно-техническое соглашение, в соответствии с которым начался полномасштабный вывод югославских войск из Косово. А 10 июня НАТО объявила о временном прекращении авиационных ударов по Югославии.

20 июня Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1244, в которой приветствовалось принятие Союзной Республикой Югославия принципов политического разрешения кризиса в Косово и было заявлено о направлении туда под эгидой ООН международного и военного присутствия.

С учетом этого Совет Безопасности ООН поручил государствам-членам и соответствующим международным

организациям сформировать и направить в Косово под эгидой ООН международный военный контингент в основном из сил НАТО и под единым натовским командованием, так называемые Силы для Косово (СДК или КФОР).

Первые подразделения КФОР вступили в Косово 12 июня 1999 г. и с этого времени можно считать, что НАТО возглавляет миротворческую операцию в Косово.

При полном КФОР насчитывает 50 тыс. военнослужащих.

В КФОР под единым командованием принимали участие воинские контингенты всех 19 стран НАТО и 20 государств, не входящих в НАТО (среди них войска 16 государств-партнеров, в том числе российский контингент численностью 3200 военнослужащих)*.

В задачи КФОР входило:

- оказание помощи в возвращении или переселении перемещенных лиц и беженцев;
- восстановление и разминирование;
- оказание медицинской помощи;
- обеспечение безопасности и общественного порядка;
- обеспечение безопасности этнических меньшинств; защита памятников старины;
- обеспечение безопасности границ;
- пресечение трансграничной контрабанды оружия;
- реализация в масштабах всего Косово программы амнистии оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ;
- уничтожение оружия;
- поддержка органов гражданской власти, общественного порядка, судебной и пенитенциарной системы, избирательного процесса и других аспектов

политической, экономической и социальной жизни Края.

Как показали дальнейшие события КФОР не всегда справлялись с возложенными на них задачами.

Например, КФОР, участвуя наряду с гражданской полицией ООН в обеспечении порядка и безопасности в Косово, охране остающихся там этнических меньшинств, не справились с этой задачей, так как:

- этническая чистка Края, жертвами которой становится неалбанское население, а также албанцы, обвиняемые Освободительной Армией Косово (ОАК) в “коллаборационизме” с югославскими властями, продолжается;
- гуманитарная ситуация постоянно ухудшается;
- остающиеся в Косово неалбанцы проживают под охраной КФОР в нескольких анклавах;
- доступ сербов к медицинскому обслуживанию и школьному образованию фактически закрыт.

В этой ситуации КФОР, 50% которых (от 20 тыс. чел.) были заняты охраной национальных меньшинств, прибегали к так называемой “гуманитарной эвакуации”: неалбанское население вывозили в Сербию и Черногорию со смутными перспективами на возвращение. По сути, “гуманитарная эвакуация”, осуществляемая КФОР, помогала реализовать планы албанских лидеров по созданию этнически чистого Косово. Однако ни эмблемы ООН, ни конвой НАТО не являлись гарантией безопасности.

Международные наблюдатели отмечали тенденцию к этнической гомогенизации Края и исчезновению национально смешанных общин, а также немногочисленных этнических анклавов.

* В 2003 г. было принято решение о выводе российских миротворцев с Балкан.

Ситуация в сфере безопасности оставалась напряженной. Росла организованная преступность, в частности рэкет под предлогом защиты, контрабанда, вымогательство и азартные игры, торговля людьми, человеческими органами и т.п.

Очень часто военнослужащие КФОР становились орудием албанских преступлений, участвуя в выселении сербов и других неалбанцев из своих домов только на основе устных заявлений албанцев об их праве собственности на них. Отмечались случаи прямого нарушения КФОР своих обязанностей, когда арестовывали протестующих сербов, держали их в заключении по несколько месяцев без предъявления обвинения. Контингент КФОР не позволял вернуться югославским полицейским для охраны исторических, религиозных и культурных памятников, как это было предусмотрено резолюцией № 1244, и не делал этого сам.

В обязанности КФОР также входило обеспечение демилитаризации ОАК. Однако истинный облик этой демилитаризации далек от того, что обычно понимается под этим термином. Первые сомнения в качественности этой демилитаризации возникли еще на конференции в Рамбуйе. Как свидетельствует американский советник албанской делегации по правовым вопросам, представителям НАТО и США удалось уговорить албанцев подписать соглашение, только разъяснив им действительный смысл предполагаемой демилитаризации, которая на практике означала трансформацию ОАК в какуюто иную структуру.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что к контролльному сроку окончания демилитаризации (20 сентября 1999 г.) ОАК сдала 10 тыс. единиц старого стрелкового оружия, хотя во время военных действий у нее на вооружении находилось самое современное

оружие. Тем не менее, это было оценено КФОР как успешное завершение демилитаризации.

После этого была разработана концепция демилитаризации и трансформации ОАК в так называемый “Корпус защиты Косово” (КЗК), который должен был стать гражданским чрезвычайным вспомогательным учреждением, призванным выполнять спасательные и восстановительные работы при возникновении стихийных бедствий; оказывать гуманитарную помощь, особенно в труднодоступных районах; помогать в разминировании территории и тому подобных функций.

При этом КЗК должен был участвовать в политической жизни. Численность Корпуса (3 тыс. чел. персонала на действительной службе и 2 тыс. чел. резерва), как признают международные чиновники, позволяет членам ОАК участвовать в этой гражданской и, как задумано, многоэтнической структуре, поскольку 10% от численности КЗК должны составлять представители национальных меньшинств.

Однако уже сразу после образования КЗК был зафиксирован целый ряд серьезных преступлений, совершенных его потенциальными членами. Это заставляет сомневаться в пользе КЗК для создания многоэтничного Косово. У некоторых из членов КЗК обнаружены крупные запасы оружия, другие берут на себя полицейские функции на местах. Все это подрывает доверие местного неалбанского населения и к данной структуре и международному присутствию как ее патрону.

В целом, отмечалось, что в Косово наблюдалось соперничество между международными силами и контролируемыми ОАК государственными структурами албанской общины в Косово, активно функционировавшими все 90-е годы. И соперничество это – не в пользу международных сил. Особенно

это касается налоговой сферы, в результате чего из-под контроля международных структур в Косово, взявшим на себя все государственные и управлительские функции, уходят большие суммы.

И, наконец, резолюция СБ ООН № 1244 возлагает на КФОР выполнение пограничных функций. Однако на практике это выражалось в осуществлении ими таможенного контроля в четырех пунктах пересечения границы Югославии с Албанией и Македонией примерно двумястами военнослужащими.

Поэтому, учитывая вывод югославских пограничных сил из Края, международные границы СРЮ в районе Косово, особенно в горах, остаются практически открытыми. Упоминавшееся в прессе проникновение на территорию Косово нескольких сотен тысяч албанцев без документов ставит под сомнение способность КФОР качественно выполнять эти функции. При этом НАТО предпочитает сотрудничать с албанскими пограничниками, а не с компетентными югославскими властями, возвращение которых предусмотрено резолюцией Совета Безопасности ООН № 1244.

Руководство НАТО открыто говорит о том, что Североатлантический альянс в виде КФОР пришел в Косово надолго. При этом следует отметить, что основополагающая для деятельности международного сообщества в Косово резолюция Совета Безопасности № 1244 (1999 г.) дает определенную юридическую зацепку для санкционирования фактически бессрочного нахождения сил альянса в Косово. Пункт 19 данной резолюции предусматривает годичное пребывание здесь КФОР с последующим продлением, если только Совет Безопасности ООН не примет иное решение.

Однако до решения вопроса о статусе Косово обязательства Североатлантического союза по поддержанию КФОР вряд ли подвергнутся существенному изменению, ибо необходимыми условиями нормализации выступают меры, позволяющие решить задачи, определенные ООН.

На стамбульском саммите (июнь 2004 г.) главы государств и правительства стран НАТО осудили вспышку актов этнического насилия в марте 2004 г. и вновь подтвердили обязательства НАТО по созданию безопасного, устойчивого и многоэтнического Косово на основе полного выполнения положений резолюции № 1244 Совета Безопасности ООН, в соответствии с которой Косово должно быть администрированным образованием под времененным международным управлением до тех пор, пока не будет найдено решение вопроса о будущем статусе Края.

Однако решения вопроса о статусе Косово весьма затянулось из-за полной непримиримости позиций сторон. Сербы твердо стоят на том, что для них приемлема любая автономия Косово, но без отделения Края от Сербии. Кошовары же отвергают все решения, кроме признания их независимости, грозя в 2008 г. провозгласить независимость Косово от Сербии.

2 февраля 2007 г. посредник ООН на переговорах по статусу Косово Марти Ахтисаари представил в Белграде и Приштине план определения статуса Края. Сделал он это вынужденно, поскольку ни одна из сторон не проявила готовности пойти на компромисс на продолжавшихся несколько месяцев двусторонних (при посредничестве М.Ахтисаари) переговорах в Вене. В плане не упоминается термин “суверенитет” над областью по отношению к Сербии. Он предусматривает лишь создание канцелярии представителя ЕС с широкими полномочиями, а

также достаточно многочисленное присутствие полицейских сил Евросоюза и широкие права автономии сербской общины. Косово предоставляется право заключать международные договоры и обращаться с просьбой о приеме в международные организации, включая ООН, Всемирный банк и МВФ. Подобный правовой статус дает возможность другим государствам в индивидуальном порядке признать независимость Косово.

Согласно плана, Косово будет иметь свои собственные государственные символы, в том числе флаг и гимн, которые не имеют характера этнических символов, но отражают многонациональный состав населения. Официальными языками будут албанский и сербский. Кроме того, предусматривается создание защитных зон вокруг самых ценных сербских культурно-исторических памятников и культовых объектов. Город Косовска Митровица будет разделен на две общины – албанскую и сербскую с общей городской администрацией.

Однако этот план категорически отвергают как Белград, так и радикально настроенная часть косовских албанцев, рассчитывающих на немедленное предоставление Краю полной независимости и суверенитета.

Сkeptически к этому плану относится и Россия, решительно выступающая против одностороннего провозглашения независимости Косово, поддерживая в этом отношении позицию

Сербии, Народная скупщина которой накануне 2008 г. подавляющим большинством голосов приняла резолюцию, осуждающую любые попытки Косово объявить независимость.

При этом Сербия демонстрирует готовность к компромиссу, предлагая предоставить Краю наиболее широкую автономию из всех когда-либо существовавших. Но еще с начала переговоров по этому вопросу США дали понять, что независимость Косово “неизбежна”, и фактически препятствовали любой возможности достижения компромисса.

Мнение Вашингтона по проблеме Косово и сейчас остается прежним. В Белом доме считают, что ее пора решить “полностью и окончательно”, то есть за счет реализации плана Ахтиса-ари, предусматривающего установление на первом этапе так называемой “поднадзорной независимости” Косово. “Надзирать” же будут подразделения ООН. Как они это до сего времени делали, всем известно.

В то же время, несмотря на позицию Белграда, министры иностранных дел НАТО решили “сохранить” численность миротворческого контингента Североатлантического союза в Косово на прежнем уровне, независимо от будущего статуса Края. Командование блока заявило, что может в короткие сроки увеличить свой контингент в Крае, на январь 2008 г. состоящий из 16 тыс. солдат, если ситуация обострится.

NATO в Македонии

Третьей операцией по поддержанию мира в Европе считается участие НАТО в событиях в Македонии для снятия остроты нараставшего в 2001 г. конфликта между правительством и мятежниками албанского происхождения и предотвратить его перерастание в полномасштабную войну.

В июне 2001 г. Североатлантический совет удовлетворил просьбу президента Македонии Б.Трайковского, который обратился к НАТО за содействием в разоружении так называемой Национальной освободительной армии (НОА), представлявшей собой вооруженную группировку из боевиков – эт-

нических албанцев. Под контролем НОА уже находились обширные участки территории в восточной и северной части страны. Под угрозой оказалось само существование Македонии как государства.

В этой связи Североатлантический совет направил в Македонию группу кризисного регулирования для организации между сторонами политического диалога и заключения соглашения о прекращении огня.

Группе НАТО удалось помочь убедить НОА заключить соглашение о прекращении огня и поддержать процесс переговоров, завершившийся 13 августа 2001 г. подписанием **Охридского Рамочного соглашения**, позволившего ввести в страну военнослужащих ОВС НАТО.

В результате НАТО развернула операцию под кодовым названием “*Эссеншиал Харвест*” (“Существенный урожай”) для осуществления надзора за разоружением НОА.

В операции было задействовано около 3500 военнослужащих НАТО и средства тылового обеспечения.

За последовавшие 30 дней они успешно собрали около 3875 единиц стрелкового оружия и 397600 единиц других видов вооружения, включая мины и взрывчатые вещества.

В начале октября задача была выполнена и Национальная армия освобождения как организованная вооруженная группировка перестала существовать.

Однако в сентябре 2001 г. президент Трайковский обратился к НАТО с просьбой направить в страну новое воинское формирование для охраны международных наблюдателей из ЕС и ОБСЕ, контролировавших реализацию плана мирного урегулирования в Македонии. Эта операция была названа “*Эмбер Фокс*” (“Рыжая лиса”) и началась она 27 сентября 2001 г. по трехмесячному мандату, который был впоследствии продлен.

В ней участвовало около 700 военнослужащих под командованием Германии, выделенных государствами-членами НАТО, для подкрепления приблизительно 300 военнослужащих, остававшихся в стране после окончания операции НАТО “*Эссеншиал Харвест*”.

В ответ на просьбу президента Трайковского Североатлантический совет согласился продолжить оказание поддержки Македонии новыми силами и начал с 16 декабря 2002 г. новую операцию под названием “*Эллайд Хармони*” (“Союзная гармония”). Принимая это решение Североатлантический совет отметил, что хотя теперь стало возможным завершить операцию “*Эмбер Фокс*”, необходимость дальнейшего международного присутствия в стране сохраняется, чтобы свести к минимуму опасность дестабилизации.

Эта миссия включала в себя боевые подразделения, обеспечивающие поддержку международным наблюдателям, а также группы советников, помогавших правительству в обеспечении безопасности на всей территории страны.

Операция “*Эллайд Хармони*” под руководством НАТО продолжалась до 31 марта 2003 г., а затем ответственность за нее была передана Европейскому союзу.

Однако впоследствии НАТО продолжала поддерживать свое гражданское и военное присутствие в этой стране, мотивируя это якобы необходимостью оказывать помощь национальным органам власти и консультировать их по вопросам реформы сектора безопасности и участия страны в Плане действий по подготовке к членству в НАТО.

Для этого в Скопье был создан штаб НАТО в составе около 120 военных и гражданских служащих из разных стран под командованием Главного военного представителя НАТО.

Ирак и НАТО

В Ираке деятельность НАТО после американской агрессии лишь весьма условно можно назвать миротворческой, так как блок взял на себя миссию оказания разнообразной помощи этой стране в решении задач переходного периода.

Для этого Североатлантический союз ведет обучение иракских военнослужащих в самом Ираке и за его пределами, поддерживает развитие структур обеспечения безопасности, помогая ему в создании эффективных вооруженных сил, а также координирует действия стран, безвозмездно выделяющих военную технику Ираку и поддерживает Польшу при выполнении командных функций в ее секторе ответственности.

В мае 2003 г. Североатлантический совет принял решение оказать содействие Польше в области разведки, тылового обеспечения, координации перевозок, формирования сил и защиты связи. При этом тогдашний генеральный секретарь НАТО Дж.Робертсон подчеркнул: "Речь идет не о присутствии НАТО в Ираке, а просто-напросто об оказании помощи Польше со стороны НАТО".

В сентябре 2003 г. Польша приняла командование многонациональной дивизией (МНД) "Центр-Юг" в рамках Сил по стабилизации в Ираке. В общем ее деятельность в Ираке пользуется полной поддержкой как со стороны НАТО в целом, так и со стороны ряда стран-членов блока и государств-партнеров на основании двусторонних договоренностей (включая выделение сил и другие виды содействия).

В заявлении, сделанных от имени Североатлантического совета в конце 2003 г. и в начале 2004 г., подчеркивалось, что НАТО оставляет за собой право принимать последующие решения в соответствии с обстановкой без-

опасности в Ираке и будет постоянно рассматривать вопрос о своей роли в усилиях по стабилизации Ирака.

В июне 2004 г. в ответ на просьбу Временного правительства Ирака, а также после единодушного принятия резолюции № 1546 Совета Безопасности ООН с призывом к международным и региональным организациям оказать содействие Многонациональным силам в Ираке, руководители стран НАТО договорились помочь Временному правительству в учебной подготовке его сил безопасности, а в сентябре было решено, что НАТО окажет дополнительное содействие в виде поставок военной техники и оказания технической помощи силам безопасности Ирака.

30 июля 2004 г. Совет НАТО принял решение о создании Миссии учебной подготовки НАТО в составе около 50 военнослужащих для обучения специально отобранных военных и гражданских служащих штабов в Ираке. Цель этой миссии – помочь иракскому Временному правительству в скорейшем создании адекватных структур национальной безопасности для защиты населения Ирака. Безопасность и охрана самой миссии обеспечивается частично Многонациональными силами и частично НАТО.

В сентябре 2004 г. Североатлантический союз объявил о намерении помочь создать в Ираке Центр по учебно-образовательной подготовке и доктрине, который будет работать при поддержке НАТО. Этот центр, расположенный вблизи Багдада, будет обучать командный состав иракских сил безопасности, а также содействовать в координации учебной подготовки, проводимой различными государствами-членами как внутри Ирака, так и за его пределами.

В октябре Совет НАТО одобрил концепцию оказания помощи иракскому Временному правительству в учебной подготовке его сил безопасности,

координации работы различных стран по учебной подготовке и безвозмездному предоставлению военной техники. Эта концепция легла в основу существенного расширения практической помощи в рамках особой миссии НАТО и разработки детального плана операций, одобренного Североатлантическим советом в ноябре 2004 г.

На сессии министров иностранных дел стран НАТО (декабрь 2004 г., Брюссель) НАТО дала официальное согласие на расширение содействия Ираку в учебной подготовке. В резуль-

тате Миссия учебной подготовки НАТО была увеличена приблизительно на 300 преподавателей и вспомогательных сотрудников, что позволило расширить учебную подготовку и консультирование иракских сил безопасности.

Координационный центр по учебной подготовке и военной технике альянса, взаимодействующий с подобным центром в Багдаде, координирует запросы Ирака о дополнительной учебной подготовке в НАТО или других организациях.

Содействие НАТО Африканскому союзу в Дарфуре (Судан)

Африканский союз (26 апреля 2005 г.) обратился к НАТО с просьбой рассмотреть возможность оказания поддержки в сфере материально-технического обеспечения его операции в Дарфуре (Судан), проводившейся с целью прекратить продолжающееся в регионе насилие. НАТО дала согласие в мае-июне 2005 г. помочь Американскому союзу (АС) расширить миротворческую миссию, тем самым Североатлантический блок впервые за всю историю своего существования оказался задействован в Африке.

Просьба о помощи была обращена и к НАТО, и к ЕС, так что они координировали свои усилия под контролем АС.

Координация переброски по воздуху сил НАТО проводилась из Европы

при сотрудничестве с ООН неправительственными организациями (НПО) и отдельными странами.

НАТО начала воздушную переброску миротворцев для Африки в Дарфур в начале июля.

Альянс также подготовил войска АС по вопросам командования, контроля и оперативного планирования, поддерживая работу многонационального штаба и руководя разведкой.

В сентябре НАТО решила предоставить материально-техническую поддержку (до 31 марта 2006 г.), чтобы обеспечить ротацию войск в рамках сил миссии АС в Судане (МАСС) и последующую подготовку повышения квалификации офицерского состава сил АС.

Выводы

1. В конце прошлого столетия НАТО утратила конкретного врага в лице советского блока. Для сохранения альянса необходимо было срочно найти новые сферы применения своего военного потенциала.

Одним из таких направлений было выбрано миротворчество, что и нашло отражение в стратегических концепциях НАТО 1991 и 1999 гг.

НАТО, стремясь играть ключевую роль в системе европейской безопасности, пытается изменить суть миротворческой концепции ООН, узаконить самостоятельную роль в разрешении любых возникающих в мире конфликтов, осуществить

переход к применению силы для наказания непослушной или несговорчивой стороны конфликта.

Известно, что правовым основанием для миротворчества и других подобных операций является Устав ООН.

Стоит отметить, что в Вашингтонском договоре Североатлантического блока (1949 г.) была запись о возможности проведения альянсом миротворческих операций под эгидой или по мандату ООН. Однако до 90-х годов XX в. НАТО о миротворчестве даже не вспоминала, хотя поводов и в то время было достаточно (например, гуманитарные катастрофы в ряде африканских стран, в Индонезии, в Юго-Восточной Азии и т.п.).

2. Проникновение НАТО в систему международных миротворческих организаций и закрепление за ней самостоятельной роли происходило постепенно. Сначала НАТО появилась как элемент миротворческих операций, затем стала действовать как самостоятельный фактор под флагом миротворчества, а потом уже без этого флага и без одобрения ООН.

Опасность такого процесса заключается в том, что возможность использования военных мер при разрешении конфликтов или навязывании своего видения внутренней ситуации в той или иной стране становится нормой европейской политики. А результатом такой политики стала агрессия блока НАТО против Югославии в марте-июне 1999 г.

В начале 90-х годов НАТО была вынуждена адаптироваться к изменившимся политическим реалиям. В ее установках появились новые элементы, например, взаимодействие с европейскими институтами: ОБСЕ, ЕС и ЗЕС.

3. Балканский кризис – это попытка закрепить правовую независимость НАТО от ООН и ОБСЕ. Очевидным было стремление изменить подход к участию НАТО в региональных конфликтах – не как инструмент реализации решений Совета Безопасности ООН и тем более не под его эгидой, а как самостоятельный фактор, подчиняющийся командованию НАТО.

С начала 90-х годов НАТО принимала участие в четырех миротворческих операциях: на территории Югославии (Республика Босния и Герцеговина, край Косово), Афганистана и Ирака.

4. Что можно отнести к успехам натовских миротворческих сил? Пожалуй, только то, что перед угрозой военного потенциала НАТО, многократно превосходящего суммарный потенциал конфликтующих сторон, открытые военные действия прекратились, то есть “принуждение к миру”, вроде бы на лицо. Но причины, вызвавшие конфликты, так и остались.

Так, в Боснии и Герцеговине, по мнению руководства НАТО, обстановка остается потенциально нестабильной.

В Косово деятельность Сил для Косово (КФОР) вызывает нарекание международной общественности и правозащитных организаций, так как вольно или невольно КФОР способствуют национальной гомогенизации Края: идет вытеснение сербов.

В целом, международное присутствие в лице НАТО обеспечивает и охраняет глобальные интересы западных компаний, которые уже сейчас распоряжаются югославской и сербской государственной и общественной собственностью.

Что касается Афганистана, то многие участники ИСАФ признают, что военного решения проблемы там не существует, хотя зона ответственности альянса рас-

пространена на всю территорию страны. Однако военные меры не подкрепляются реальным улучшением социально-экономических условий.

Отсюда нарастание недовольства натовским присутствием, рост влияния талибов. В стране растет производство наркотиков и наркотрафик, средства от реализации которых, как известно, являются одним из основных источников финансирования, в том числе и международного терроризма, именно против которого и была предпринята силовая акция в Афганистане.

В Ираке после завершения военной части операции, о которой весной 2003 г. заявил президент Дж.Буш, продолжается сопротивление: чуть ли не каждый день взрывают нефтепроводы, устраивают засады на военнослужащих и сотрудников международных организаций.

Запад классифицирует сопротивление населения миротворческим силам как террористические акты, но скорее это партизанская война против оккупационных войск.

То, что происходит в Сербии, Афганистане, Ираке действительно оккупация, независимо от того, под каким предлогом она осуществляется.

5. Во всех рассмотренных случаях миротворчества при подмене сил ООН силами НАТО общегуманные цели ушли из планов, а миротворческие силы превратились в инструмент глобальной политики США.

К этому следует добавить, что проведенная реорганизация военной структуры НАТО не ставила своей целью подготовку к проведению миротворческих операций. Это лишь благовидный предлог. Скорее наоборот, военный механизм НАТО стал еще более приспособлен к крупномасштабным операциям по всему миру.

Подписка на 2008 г.

**на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 – на 6 месяцев**

Проблема ограничения вооружений в XXI веке

Николай Извеков,
вице-президент Внешнеполитической
ассоциации

Близится завершение первого десятилетия XXI столетия и наступает пора подведения итогов. Тем более что в США предстоит смена руководства и неизбежны заметные перемены или, по крайней мере, корректизы в политике, в том числе и внешней.

Поэтому важно получить представление о том, какие именно изменения произошли в области ограничения и контроля над вооружениями с наступлением нового века.

Понятие ограничение вооружений появилось во второй половине XX в., когда две сверхдержавы – Советский Союз и Соединенные Штаты после знаменитого Карибского ракетного кризиса, поставившего человечество на грань полномасштабной войны с применением ядерного оружия, осознали крайнюю опасность безудержной и неконтролируемой гонки вооружений, в первую очередь в сфере стратегических наступательных систем.

К начавшемуся тогда диалогу между двумя самыми могущественными державами, подключались и другие государства.

В результате к концу XX столетия сложилась некоторая система сдерживания гонки вооружений.

Она включала в себя двусторонние договоры между СССР и США, в пер-

вую очередь в сфере стратегического или ракетно-ядерного оружия. Кроме них, появились и многосторонние соглашения или конвенции по ряду конкретных направлений, охвативших, в частности, такие опасные средства массового уничтожения как бактериологическое и химическое оружие. В начале 90-х годов эта система пополнилась Договором об обычных вооруженных силах в Европе, который охватил почти все страны континента, а также США и Канаду.

Казалось, что с окончанием “холодной” войны между двумя военно-политическими группировками должны были бы открыться новые, более широкие возможности для достижения прогресса в области ограничения вооружений, или, как тогда было принято говорить, в сфере разоружения.

Однако вопреки ожиданиям многих на рубеже ХХ–ХХI вв. обозначились совершенно иные противоположные тенденции, которые особенно четко проявились с приходом на пост президента США Дж.Буша-младшего. Эти новые моменты американской внешней политики были заявлены Дж.Бушем в Национальном оборонном университете (1 мая 2001 г.).

Президентская речь была воспринята как заявка Вашингтона на формирование новой более активной концепции обеспечения международной безопасности в ХХI в. Ключевым моментом был акцент на усиление глобального американского лидерства. В подтверждение этой радикальной риторики на высшем уровне Вашингтон 13 декабря 2001 г. объявил о выходе США из двустороннего Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) через 6 месяцев, что и было осуществлено на практике в июне 2002 г.

Но это был лишь один шаг, хотя и наиболее существенный, в целой серии односторонних мер, предпринятых руководством США на рубеже ХХ и ХХI вв. в области стратегических наступательных вооружений для уменьшения значимости института международных договоров и соглашений в сфере обеспечения глобальной безопасности.

Выходу США из Договора по ПРО предшествовал ряд других шагов Вашингтона, действующих в русле той же политической логики. Конкретно это вылилось в серию отходов США от уже достигнутых договоренностей, в числе которых можно упомянуть:

– отказ от завершения ратификационного процесса по российско-американскому Договору о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), подписанного 3 января 1993 г.;

– отказ от внесения на ратификацию в конгресс пакета нью-йоркских договоренностей 1997 г. по ПРО, содержащих разграничение стратегических и нестратегических систем противоракетной обороны;

– отказ от ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г.

Все перечисленные шаги Вашингтона тогда выстраивались в совершенно определенную концепцию обретения им “свободы рук” в важнейшей области международной безопасности и стратегической стабильности. Они были направлены на то, чтобы позволить США создавать вооружения и строить вооруженные силы лишь в соответствии с развитием собственного военного потенциала, игнорируя при этом международный аспект и интересы безопасности других стран.

Подобный курс Вашингтона был рассчитан на достижение военно-политического доминирования в современном изменяющемся мире, на создание условий для “управления мировым обществом”.

В этом, видимо, заключается главная geopolитическая цель США в ХХI в. Она, в свою очередь, продиктована опасениями Вашингтона в связи с факторами, действующими в современном глобальном пространстве. Речь идет о последовательных интеграционных процессах в Европе, об интенсивном экономическом развитии Китая и Индии, об овладении Пакистаном и Индией ядерным оружием и ракетными средствами его доставки.

Эти и некоторые другие факторы в совокупности создают для США реальную опасность утраты существующего разрыва в технологическом уровне в промышленной и военно-технической областях между ними и упомянутыми государствами и их союзами. Стремление сохранить этот “технологический

разрыв” побуждает США предпринимать соответствующие шаги для удержания своего политического доминирования в мире.

Принято считать, что Соединенные Штаты Америки продолжают обладать необходимым экономическим и военно-техническим потенциалом для дальнейшего укрепления своей ведущей роли в мире. Однако события самых последних лет, в том числе ситуация, сложившаяся с военными операциями США и НАТО в Ираке и Афганистане, ставят под вопрос такое устаревшее представление о реальном положении дел в мире.

Возвращаясь, однако, к проблематике ограничения вооружений, следует подчеркнуть, что негативистская позиция США проявилась не только в сфере стратегического ракетно-ядерного оружия.

Например, Вашингтон отказался участвовать в подготовке Протокола о контроле к Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсичного оружия и об их уничтожении (1972 г.).

Не приходится сомневаться, что за таким подходом США скрываются интересы могучих американских корпораций, занимающихся разработкой новых продуктов в области биологии и фармакологии. В результате, Конвенция о запрещении одного из опаснейших в современном мире видов оружия массового уничтожения до сих пор остается без механизма проверки ее выполнения. Это обстоятельство в немалой мере снижает эффективность данного документа.

Особо надо сказать о многолетнем блокировании США работы такого международного форума как Конференция по разоружению (КР).

Этот работающий в Женеве межгосударственный орган, существующий уже свыше 40 лет, сыграл ключевую роль в подготовке таких значимых документов как Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО, 1968 г.) и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ, 1996 г.). Этот последний договор пока не действует опять-таки из-за позиции США.

Вашингтон также выступил против рассмотрения на Конференции вопроса о запрещении выводить и размещать в космическом (околоземном) пространстве любого оружия. Проект документа по этому вопросу был внесен на КР Российской и Китаем (2002 г.). Но из-за возражений со стороны США Женевский форум, работающий в последнее время на “холостом ходу”, пока так и не смог приступить к его обсуждению.

Свою позицию по недопущению оружия в космос США пытаются аргументировать тем, что уже есть международно-правовой документ, который предусматривает такое запрещение. Имеется в виду Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, вступивший в силу 10 октября 1967 г.

В нем есть ст. IV, в которой содержится следующее положение: “Государства-участники Договора обязуются не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом.

Луна и другие небесные тела используются всеми государствами-участниками Договора исключительно в мирных целях. Запрещается создание на небесных телах военных баз, сооружений и укреплений, испытание любых видов оружия и проведение военных маневров...”¹.

Может показаться на первый взгляд, что приведенное положение Договора о Луне в принципе решает проблему недопущения оружия в околоземное пространство. Но это только на первый взгляд.

Дело в том, что приведенный в Договоре запрет относится, прежде всего, к ядерному оружию. Но реально существуют и могут появиться боевые ударные системы, которые не подпадают под действие Договора о Луне.

В качестве наглядного примера такого рода можно назвать противоспутниковые системы (ПСС), по которым, в свое время, были проведены широкие исследования. В ведущих космических державах – США и СССР осуществлялись и практические разработки по созданию “противоспутников”.

В Соединенных Штатах первоначально была создана ПСС на основе ракеты-перехватчика наземного стационарного базирования. Затем в 80-х годах появился “противоспутник” ACAT, который базировался на самолете. Он был успешно испытан по реальной цели, но не производился серийно и не поступал на вооружение.

В Советском Союзе в 70-е годы был создан и развернут наземный комплекс ПРО – ИС, находившийся в эксплуатации до 1993 г. Однако, начиная с 1983 г. испытательные запуски космических аппаратов-перехватчиков в нашей стране не проводились.

Из сказанного видно, что уже реально созданы ПСС, которые обладают способностью уничтожать спутники Земли. Последние ныне широко используются для решения множества задач как оборонного, так и экономического назначения. Поэтому ПСС в сложивших современных условиях обладают большим дестабилизирующим потенциалом и способны в буквальном смысле “ослепить” высокоразвитые страны, которые в последние десятилетия привыкли весьма во многом полагаться на разнообразные спутниковые

системы, размещенные в околоземном пространстве.

Помимо ПСС велись также исследования в области разработки космических систем борьбы с баллистическими ракетами.

В США в рамках так называемой “Стратегической оборонной инициативы” (СОИ) в качестве возможного оружия для космических систем ПРО рассматривались несколько видов оружия, использующего самые различные физические свойства. В их числе были такие специфические виды как кинетическое (на основе прямого удара поражающего элемента в боеголовку ракеты), лазерное, пучковое (на основе направленных потоков заряженных частиц), а также электромагнитное оружие.

Несмотря на крупные ассигнования и некоторые технологические достижения, программа СОИ не привела к созданию в США конкретных космических систем противоракетной обороны. Тем не менее, работы по разработке новых систем космической техники в США продолжаются.

Из приведенных материалов вытекает, что на практике актуальность запрета на вывод боевых ударных систем в космическое (околоземное) пространство не только сохраняется, но и возрастает. Спрос на космические технологии в XXI в. увеличивается, а последние, как известно, могут иметь двойное назначение. Поэтому в современных условиях является исключительно важным не допустить при разработке и заключении соответствующего международного договора переноса гонки вооружений в космос (околоземное пространство) и, следовательно, перевода ее на более высокий технологический уровень.

Российская позиция по этому вопросу пользуется поддержкой подавляющего большинства стран международного сообщества.

Такой вывод напрашивается после обсуждения космической тематики на

62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке.

Там рассматривались две важные резолюции по космосу, инициированные Россией совместно с другими странами.

Одна из них была посвящена “Преодолению гонки вооружений в космосе”, другая касалась “Мер по обеспечению транспарентности и усилению доверия в космической деятельности”.

После обсуждения за эти резолюции проголосовали соответственно 170 и 169 государств-членов Организации Объединенных Наций. Примечательно, что США, которые выступили против космических резолюций, остались в одиночестве.

Безусловно, в случае реализации одобренных ООН резолюций по космосу в виде обязывающих межгосударственных соглашений возникла бы возможность не только сдержать гонку вооружений и помешать ее переносу в околоземное пространство, но и обеспечить международному сообществу проверку космической деятельности, осуществляющую рядом государств, не допуская при этом обхода ограничений, которые могут быть установлены в договорной форме.

В последнее время возникло еще одно важное направление в сфере стратегических вооружений, по которому предстоит принимать весьма значимые и неизбежные решения. Дело в том, что в конце декабря 2009 г. завершается срок действия двустороннего Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). В этом документе, подписанным Советским Союзом и Соединенными Штатами 31 июля 1993 г., и вступившем в силу после ратификации его двумя странами в конце 1994 г., предусматривался 15-летний период его действия.

В тексте Договора содержится следующее положение (ст. XVII): “Не позднее, чем за один год до истечения 15-летнего срока Стороны проводят встречу для рассмотрения вопроса о том, будет ли настоящий Договор продлен. Если Стороны примут такое решение, настоящий Договор будет продлен на пятилетний срок, если только он не будет заменен до истечения этого срока последующим соглашением о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений”².

Иными словами для принятия решения по СНВ-1 у России и США остается совсем немного времени.

Выступая на пресс-конференции в Москве (15 декабря 2007 г.) заместитель министра иностранных дел России Сергей Кисляк по этому поводу сказал: “У нас существует поручение президентов России и США рассмотреть возможности продления всего того полезного, что существует в нынешнем контексте соглашений о сокращении стратегических вооружений, а это Договор СНВ, который истекает в конце 2009 г. К сожалению, пока этот диалог тоже не продвинулся далеко, поскольку наши американские друзья, в основном, говорят обо всем, что угодно, но не о продлении элементов собственного Договора СНВ.

Мы по-прежнему считаем, что СНВ – это один из важнейших и действенных документов, которые регулируют предсказуемость в сфере стратегических вооружений. И наша позиция о необходимости работы над механизмами сохранения всего того полезного, что там есть, и, по возможности, развития этого в дальнейшем, сохраняется”³.

Остается надеяться, что российско-американский диалог по проблеме СНВ-1 сможет все-таки привести к конструктивным результатам еще до завершения срока действия Договора, то есть до 31 декабря 2009 г.

Однако для создания более полного представления о нынешних проблемах в области ограничения вооружений необходимо затронуть еще две

темы, которые приобрели в самое последнее время особую актуальность из-за повышенного внимания к ним со стороны общественности стран Европы.

Такая заинтересованность вполне объяснима, поскольку обе они непосредственно затрагивают интересы безопасности Европейского континента.

Первая из них – это вопрос о размещении элементов американской системы противоракетной обороны (ПРО) на территории Польши и Чехии.

Во втором случае речь идет о судьбе Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ).

По этим двум темам в России и за рубежом было опубликовано много материалов и откликов. Поэтому было бы целесообразно обратить основное внимание на аргументы, приведенные на специальной пресс-конференции (15 декабря 2007 г.), которую провели для российских и иностранных журналистов заместитель министра иностранных дел С.Кисляк и начальник Генерального Штаба Вооруженных Сил России, генерал армии Юрий Балуевский.

Говоря о системе ПРО, предлагаемой США для Польши и Чехии, заместитель главы внешнеполитического ведомства России С.Кисляк подчеркнул, что сегодня не существует угроз, которые требовали бы развертывания систем, планируемых для двух стран Центральной Европы.

По его словам, вероятность того, что они появятся завтра – крайне низка. Вместо того, чтобы создавать системы, которые представляют угрозу долгосрочным российским интересам безопасности, можно было бы создать систему совместного мониторинга, для которой мы предложили задействовать серьезные возможности, имеющиеся у РЛС в Габале (Азербайджан) и РЛС в

Армавире (Северный Кавказ), и вместе контролировать развитие ситуации.

Как отметил С.Кисляк, наши идеи в отношении ПРО, предложенные Президентом России, "построены совершенно на ином подходе к проблеме, на подходе по сути кооперативного обеспечения безопасности".

Генерал армии Ю.Балуевский, говоря о планах по развертыванию элементов американской ПРО в Польше и Чехии, обратил особое внимание на весьма опасный, дестабилизирующий аспект, связанный с возможной реализацией этих замыслов. Он привел, при этом, оценку независимых экспертов, в частности, американского физика Теодора Постола, которые считают, что противоракеты США, которые могут быть дислоцированы в Польше, напрямую угрожают российским межконтинентальным баллистическим ракетам.

В специальном докладе "Противоракетная оборона и европейская безопасность", опубликованном в ноябре 2007 г. в Европе, высказывается аналогичная озабоченность по проблеме американских ПРО на европейском континенте.

Ее суть заключается в том, что согласно анализу, приведенному в докладе, пуск противоракеты может быть воспринят как пуск межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) с соответствующими последствиями. Иными словами, речь идет о возможности провоцирования ответного удара из-за ложной классификации пуска противоракеты с учетом того, что как в Соединенных Штатах, так и в России система предупреждения о ракетном нападении функционирует в автоматическом режиме. Отличить запуск противоракеты от пуска МБР в таких условиях практически невозможно.

Следует отметить, что по мере углубления дискуссии вокруг размещения

элементов ПРО США в Европе, международная общественность получает все больше доказательств неэффективности и более того опасности подобных планов. Поэтому растет недовольство в связи с планами размещения ПРО не только среди польской и чешской общественности, но возникают и естественные сомнения в правительственные кругах Варшавы и Праги, особенно после недавних парламентских выборов в Польше.

Пресс-конференция высокопоставленных представителей российских внешнеполитического и оборонного ведомств проходила вскоре после вступления в силу объявленного Россией моратория на выполнение ею обязательств по Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Поэтому генерал армии Балуевский уделил много внимания именно этому вопросу. Начальник Генерального Штаба Вооруженных Сил РФ, прежде всего, отреагировал на “глубокое сожаление” со стороны НАТО в связи с этим шагом России. Он подчеркнул, что для нашей страны – это была объективная необходимость. В подтверждение этого тезиса Балуевский привел два аргумента.

Первое. Договор, который существует в настоящее время, полностью устраивает США и НАТО. Его положения позволяют практически без всяких ограничений реализовывать стратегию продвижения НАТО на Восток, осуществлять так называемую реконфигурацию американского присутствия и еженедельный постоянный мониторинг состава и состояния российской группировки обычных вооруженных сил в Европе. Подтверждение тому – в текущем году (2007 г.) 46 инспекций, которые были проведены на территории Российской Федерации.

Второе. США и НАТО постоянно в течение последних лет пытались актив-

но использовать этот договор в качестве рычага давления на Россию... Уже давно нет российских солдат на территории Грузии, а все звучат какие-то грузинские обязательства...

Из сказанного вытекает очевидный вывод. Западные государства совершенно осознанно превратили режим европейского контроля над вооружениями в инструмент достижения политических целей, не имеющих ничего общего ни с европейской безопасностью, ни с контролем над вооружениями.

Генерал Балуевский также отверг как необоснованные ссылки натовских политиков на то, что некоторые государства-члены альянса, в частности, Норвегия и Турция, категорически возражают против снятия фланговых ограничений для России. При этом он упомянул о том, что от своего коллеги начальника Генеральных Штабов Вооруженных сил Турции не слышал о каких-либо озабоченностях по этому поводу с турецкой стороны.

Иными словами, и здесь наблюдаются какие-то “политические игры” со стороны НАТО для того, чтобы втянуть Россию в затяжные дискуссии вокруг ДОВСЕ. Хотя подобный подход представляется полностью надуманным и неоправданным с любой точки зрения. Это всего лишь сугубо искусственное стремление вернуться к ситуации конца 80-х – начала 90-х годов XX в., которая уже давно является точкой “невозврата”.

Балуевский повторил на пресс-конференции содержание “Шести шагов к восстановлению ДОВСЕ”, которые были выдвинуты российским представителями на переговорах по Договору в 2007 г. Они сводятся к следующим позициям:

1. Ратификация Соглашения об адаптации ДОВСЕ и его применении.
2. Отмена фланговых ограничений.

3. Понижение странами НАТО суммы разрешенных уровней для наличия ограничиваемых Договором вооружений и техники.

4. Возвращение Латвии, Литвы и Эстонии в правовое поле Договора.

5. Определение термина “существенные боевые силы”.

6. Разработка условий для присоединения к ДОВСЕ новых государств-участников.

Реализация перечисленных шагов государствами-членами НАТО позволила бы вернуть Договор об обычных вооруженных силах в Европе в число действующих международно-правовых документов, разумеется, в адаптированном виде.

Таким образом, путь к возрождению ДОВСЕ остается открытым. Но для этого Североатлантическому альянсу необходимо проявить политическую волю и доказать на деле, а не на словах, свою оценку этого Договора как “краеугольного камня” европейской безопасности. Однако быть таким ДОВСЕ сможет лишь при условии обеспечения равной безопасности в отношении всех государств-участников. Именно нежелание со стороны НАТО в необходимой мере принимать во внимание интересы безопасности России побудили нашу страну объявить о введении моратория на выполнение ею Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

Примечания

¹ Действующее международное право. М.: изд. Московского независимого института международного права, 1997. Т. 3. С. 626.

² Там же. Т. 2. С. 563.

³ Материалы пресс-конференции заместителя министра иностранных дел России С.И. Кисляка и начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, генерала армии Ю.Н. Балуевского. 15 декабря 2007 г.

История Службы военных сообщений

Илья Мартыненко,
полковник (ЦУПВОСО МО РФ)

Александр Кириченко,
доктор технических наук,
профессор (Государственная
морская академия им. С.О.Макарова)

Искусное использование путей сообщения в военных целях и достижение войсками высокой подвижности, как показывает военная история России, вносило и вносит значительный вклад в военное искусство. В свою очередь военное искусство всегда настойчиво требовало и требует совершенствования подготовки путей сообщения и транспортных средств, от эффективности которых во многом зависит ход и исход сражений, а то и всей войны.

В связи с возрастанием масштабов и сложности решения задач транспортного обеспечения русской армии в октябре 1708 г. по указанию великого реформатора и государя России Петра I была учреждена вагенмейстерская служба.

Она подчинялась генерал-квартирмейстеру (начальнику штаба) армии и включала: генерал-вагенмейстера армии, его помощника вагенмейстера-лейтенанта, вагенмейстеров полков, армейский и полковые транспорты (обозы).

Вагенмейстерская служба положила начало развитию службы военных сообщений, которая в русской армии создавалась как единая военно-транспортная управлеченческая структура на существовавших в то время видах путей сообщения.

Само понятие “военные сообщения” исходит из понятий “военные водяные сообщения” и “военные дороги”. Они возникли в связи с расширением пространственных размахов театров военных действий и увеличением численности вооруженных сил, а следовательно, и с возросшим значением использования водных и сухопутных путей сообщения в военных целях, необходимостью их специальной подготовки и выполнения все возрастающих объемов перевозок войск и воинских грузов.

На судоходных водных путях специально назначались из числа морских офицеров смотрители водных участков и пристаний, приставы пристаней, команды “флотских служителей”, продовольственные магазины (склады).

На используемых дорогах создавались этапные участки и станции (остановочные пункты) с помещениями для отдыха и обогрева отдельных команд, а также дорожные продовольственные магазины и склады с запасами фуража.

Для "наблюдения" за их бесперебойной деятельностью, организации содержания и охраны дороги, движения и обеспечения колонн войск, команд и транспортов назначались станционные офицеры с карательными командами.

Для руководства работой военных дорог и водных путей в соответствии с вновь принятым в январе 1812 г. "Учреждением для управления большой действующей армией" в составе Главного Штаба была введена должность директора военных сообщений.

Тем самым учреждалась уже сложившаяся структура военных сообщений, соответствующая структуре транспорта того времени и включавшую в себя сухопутные и водные пути сообщения, а также организацию службы военных сообщений.

В 1846 г. вместо "Учреждения для управления большой действующей армией" был введен новый "Устав для управления армиями в мирное и военное время", в соответствии с которым была введена должность инспектора военных сообщений.

В 30-х годах XIX в. была высказана идея создания сети железных дорог в России, которая имела своих противников и вызывала критику как в России, так и в зарубежных странах.

В Англии главными противниками железных дорог были хозяева каналов и дилижансов, боявшихся потерять монополию на перевозку пассажиров и грузов.

В Германии баварская главная медицинская комиссия указывала, что "быстро

движения, несомненно, должна развивать у путешественников болезнь мозга, зрители при виде быстро несущегося локомотива могут получить ту же болезнь мозга. Поэтому необходимо железнодорожное полотно оградить высоким забором"¹.

В России как правительственные чиновники, так и некоторые специалисты Института Корпуса путей сообщения доказывали экономическое преимущество водных перевозок по сравнению с железнодорожными.

В печати того времени отмечалось: "Русские выигрыши сами не потерпят иноземных хитростей, занесут снегом колеи, пожалуй, заморозят и пары. Да и где взять такую тьму топлива, чтобы вечно не угасал огонь под ходунами-самоварами"².

Первые железные дороги общего пользования в Российской империи были построены и сданы в эксплуатацию: Санкт-Петербургско-Царскосельская в 1837 г., Варшавско-Венская в 1848 г., Санкт-Петербургско-Московская в 1851 г.

Вопрос о возможностях использования железных дорог в военных целях впервые был поднят еще в 40-х годах XIX в. крупными специалистами и учеными в области транспорта Н.С.Мордвиновым* и П.А.Языковым**.

Быстрота, надежность и относительно невысокая стоимость перевозок позволила специалистам того времени определить в этом виде транспорта "орудие войны, новый и притом незаменимый род оружия против неприятеля".

Передвижение больших сил, которые участвовали в военных действиях,

* Мордвинов Николай Семенович (1754–1845 гг.), граф – адмирал, член Государственного совета (1810–1838 гг.), морской министр (1802 г.), президент Императорского Вольного экономического общества (1823–1840 гг.), учредитель Первого российского страхового от огня общества (1827 г.).

** Языков Петр Александрович (род. в 1800 г.), инженер путей сообщения, директор департамента железных дорог, генерал-лейтенант.

осуществлялось по подготовленным грунтовым дорогам или водным путям. При этом огромные по количеству обозы обременяли армию и мешали их маневру.

Н.С.Мордвинов, предвидя военное значение железных дорог, писал: "... усиление войска в случае чрезвычайной надобности в нем может удобно вознаграждаемо быть быстрыми переездами по железным дорогам от одного до другого края России из того состава армии, которая признана будет для государства нужна".

Одновременно Н.С.Мордвинов выдвинул идею об уменьшении общей численности армии, которая в случае необходимости может быть увеличена за счет быстрого выдвижения войск к угрожаемым границам русского государства.

Это высказывание Н.С.Мордвинова перекликается с тем, что предложил в том же году П.А.Языков.

В своей работе "О дорогах, составляющих стратегические линии" Языков впервые поднял вопрос об использовании железных дорог не только во время войны, но и в период "предуготовительный начатию военных действий". Он высказал в высшей степени прогрессивную мысль о том, что железные дороги должны служить "для передвижения войск из одного места в другое" на театре военных действий, что означало использование железнодорожных перевозок для осуществления широко задуманного маневра.

А первые массовые перевозки войск по железным дорогам были организованы в 1848 г.

Так, уже в августе из Санкт-Петербурга в Колпино было перевезено целое соединение (1-я гренадерская дивизия).

Всего на этом участке в 1848 г. было перевезено войск численностью до 8 тыс. чел., а в 1849г. уже до 15 тыс. чел.

В том же году были осуществлены крупные перевозки войск по Варшавско-Венской железной дороге (4 пехотные дивизии и 3 артиллерийские бригады)³.

Таким образом, выполнение перевозок в июне 1848 г. положило начало использованию железных дорог в качестве военных сообщений вооруженных сил России.

Организация воинских перевозок по железной дороге осуществлялась под наблюдением специально назначаемых в пункты погрузки войск офицеров Генерального Штаба. Это стало зарождением органов военных сообщений на железнодорожном транспорте.

Организационно специальная служба военных сообщений на железнодорожном транспорте в современной структуре была учреждена приказом Военного министра № 183 от 6 июня 1868 г.

При Главном Штабе, под председательством его начальника и в составе генералов и офицеров Генерального Штаба, членов ведомства путей сообщения и уполномоченных агентов железных дорог и пароходных обществ образовывался Комитет по передвижению войск железными дорогами и водою.

Управляющим делами этого комитета назначался Заведующий передвижениями войск по всем железным дорогам и водным путям империи.

На железных дорогах и пароходных линиях вводились должности постоянных представителей военного ведомства – заведующих передвижением войск, а на крупных железнодорожных станциях, в портах и на пристанях – наблюдающие за прибытием и отправлением войск.

К концу 60-х годов XIX в. вводятся должности заведующих передвижением войск на железнодорожных линиях и водных путях сообщения, а с 1912 г. – комендантов железнодорожных участков.

На должности заведующих передвижением и наблюдающих за отправлением войск назначались офицеры Генерального штаба. Для их подготовки в Академии Генерального штаба в 1868 г. был введен специальный курс и составлен учебник по

изучению военных сообщений и организации воинских перевозок.

Таким образом, организационная структура службы военных сообщений на железных дорогах России, включающая в современном понятии центральный и линейные органы, была учреждена в июне 1868 г., то есть накануне франко-прусской войны.

При образовании военных округов в них также создавались окружные, а в действующей армии – полевые управления военных сообщений. В их состав входили военно-дорожное, этапное и почтово-телефрафное отделения.

Для подготовки и эксплуатации путей сообщения на ТВД формировались военно-дорожные команды, преобразованные в 1870 г. в военные железнодорожные команды.

С возрастанием задач по строительству и восстановлению железных дорог в 1876 г. стали формироваться отдельные железнодорожные батальоны, а в 1886 г. – железнодорожные бригады.

Для централизованного руководства железнодорожными батальонами и бригадами в Управлении военных сообщений Генерального штаба в 1900 г. было образовано специальное (седьмое) отделение по заведованию железнодорожными войсками.

В состав службы военных сообщений к середине июня 1917 г., наряду с ее представительствами при органах управления видами транспорта общего пользования, входили:

- военно-продовольственные пункты на путях сообщений;
- дорожные, транспортные (обозные), этапные, почтово-телефрафные, железнодорожные, автомобильные, охраны путей сообщения войска, части и учреждения.

Общая численность службы военных сообщений к этому времени составляла около 330 тыс. чел.

После Октябрьской революции в связи с необходимостью ведения военных действий на фронтах Гражданской войны остро встал вопрос о системе управления воинскими перевозками. С расформированием бывшей Ставки Верховного Главнокомандования и образованием Высшего военного совета Республики ему (5 марта 1918 г.) было передано Управление военных сообщений, существовавшее при ставке.

Этот день считается днем образования органов военных сообщений Красной Армии.

8 мая 1918 г. приказом № 339 Народного комиссара по военным делам был создан Всероссийский Главный штаб, в составе которого также имелось Управление военных сообщений. Эти два высших органа руководства военными сообщениями Республики существовали параллельно до 2 сентября 1918 г., когда они были объединены при Высшем военном совете Республики в единое Центральное управление военных сообщений (ЦУПВОСО).

Приказом Высшего военного совета Республики № 49 от 7 октября 1918 г. было установлено, что ЦУПВОСО является высшим органом военных сообщений Республики. В составе штабов фронтов, армий, военных округов были созданы управления военных сообщений, а на железных дорогах – линейные органы военных сообщений – управления начальников передвижения войск и военные комендатуры. Центральному управлению военных сообщений были в ту пору подчинены железнодорожные войска, автомобильные, этапно-транспортные и рабочие части, военные учреждения почтовой, телеграфной и телефонной связи.

Объем воинских перевозок по железным дорогам за годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции составил 33454 оперативных поездов (40401 эшело-

нов) и 6679 снабженческих поездов, всего – 40133 поезда, в которых было перевезено 24,5 млн. чел. и 2,5 млн. лошадей.

Удельный вес оперативных перевозок в общем объеме воинских перевозок составил 83,4%, среднее время нахождения в пути воинских поездов составляло 6 суток, а их среднесуточная скорость 250–300 км⁴.

Для питания войск в пути следования использовались военно-продовольственные пункты (ВПП), подразделявшиеся на постоянные и временные.

По пропускной способности ВПП делились на разряды. В экстренных случаях организовывались подвижные ВПП (ПВПП), которые располагались в специально оборудованных поездах. Только за 11 месяцев 1921 г. на 204 ВПП получили довольствие около 40 млн. чел. и был выдан фурраж более, чем на 417 тыс. лошадей⁵.

С введением в РККА института военных комиссаров во всех звеньях Службы ВОСО были учреждены должности военных комиссаров с небольшим аппаратом политработников.

Для проведения агитационно-массовой работы в пути на крупных узловых станциях и в портах создавались агитпункты. На агитпунктах для проезжающих военнослужащих читались лекции, проводились митинги, групповые и индивидуальные беседы, делались доклады, читки газет и занятия по политграмоте.

Органы железнодорожного транспорта и военных сообщений обеспечили Красной Армии проведение широкого маневра войсками. Достаточно сказать, что в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции между фронтами перевозилось до 70% всех сил Красной Армии, при этом некоторые дивизии перевозились до 5 раз.

В годы мирного строительства служба военных сообщений получила дальнейшее развитие.

В августе 1921 г. на ЦУПВОСО штаба РККА были возложены задачи

по подготовке путей сообщения и военных дорог на территории Советского государства, а также по контролю за движением войск и воинских грузов. В декабре 1921 г. приказом Реввоенсовета Республики было объявлено Положение об управлении военных сообщений военного округа. Начальник военных сообщений РККА являлся членом Военного совета.

Кроме того, Советский Союз на протяжении длительного периода оказывал всестороннюю помощь китайскому народу.

Так, в 1924 г., когда возникла опасность английской интервенции против революционного Гуанчжоуского правительства, Советское государство по просьбе Сунь Ятсена направило в Китай своих специалистов, различное вооружение, боеприпасы и оборудование. 8 октября 1924 г. первый советский корабль "Воровский" доставил в Гуанчжоу эти грузы.

Осенью 1929 г. совершались массовые железнодорожные перевозки нескольких общевойсковых соединений Красной Армии, на которые была возложена задача по разгрому китайских милитаристов на советско-маньчжурской границе.

Чтобы сократить сроки доставки материальных средств на Дальний Восток, улучшить контроль за их выполнением и упростить охрану воинских грузов в пути следования, была применена маршрутная перевозка, то есть отправка основных видов материальных средств (боеприпасы, горючее и смазочные материалы, продовольствие и др.) полносоставными поездами со станций отправления на распорядительные станции фронтов. При этом все транспорты с внутренних железных дорог направлялись на две сортировочные станции: Свердловск и Челябинск. На этих станциях формировались прямые поезда на Дальний Восток. Перевод воинских транспортов с внутренних железных дорог на сортировочные станции осуществлялся по специально разработанным планам.

В предвоенный период Службе военных сообщений неоднократно при-

ходилось на практике решать задачи по организации перевозок войск, материальных средств.

Так было при обеспечении боевых действий Красной Армии на Дальнем Востоке (конфликт на КВЖД в 1929 г.), оказании помощи испанскому народу в борьбе против империализма и фашизма (1936–1939 гг.), во время операций Красной Армии у оз. Хасан (1938 г.) и на р. Халхин-Гол (1939 г.).

Значительная работа была проделана органами военных сообщений в период подготовки и проведения компании по освобождению Западной Белоруссии и Западной Украины (1939 г.).

Объем воинских перевозок составил около 6 тыс. эшелонов (свыше 300 тыс. вагонов). Для организации воинских перевозок и управления ими были развернуты отделы военных сообщений фронтов и армий, а также другие полевые органы военных сообщений.

Большого напряжения в работе военных сообщений потребовало обеспечение операции Красной Армии в войне с Финляндией (1939–1940 гг.) в сложных условиях Северо-Западного театра военных действий и суровой зимы. Руководство работой по организации воинских перевозок и управлению ими в полосе действий войск Северо-Западного фронта (Карельский перешеек) осуществлялось отделом военных сообщений фронта, отделами военных сообщений армий, входящих во фронт, и управлением военно-транспортной службы на Октябрьской железной дороге.

Одной из особенностей работы железнодорожного транспорта передвойной являлось составление плана формирования поездов и техническое планирование всей эксплуатационной работы сети, что способствовало улучшению работы узлов, станций, участков и целых направлений, а также ускорению продвижения вагонопотоков.

При этом на основе изучения и обобщения опыта работы военных сообщений в период войны с Финляндией были пересмотрены отдельные вопросы подготовки органов военных сообщений, железнодорожных, дорожных и автомобильных войск.

В январе 1941 г. произведена реорганизация железнодорожных войск с изменением штатов и табелей.

Большую работу по подготовке путей сообщения к работе в военное время про-делали начальники военных сообщений Красной Армии (в период с 1918–1941 гг.) М.М.Аржанов, Э.Ф.Аппога, А.Е.Крюков, Н.И.Трубецкой.

Вероломное нападение фашистской Германии и вынужденный отход наших войск в начальный период войны поставили железнодорожный транспорт в исключительно трудное положение. Пользуясь превосходством в воздухе вражеская авиация непрерывно наносила бомбовые удары по железнодорожным коммуникациям, нарушая их работу. Фашистские самолеты бомбили и обстреливали с воздуха не только железнодорожные узлы, станции, перегоны и мосты, но и отдельные поезда. В летние месяцы 1941 г. под воздействием вражеской авиации оказались одновременно до 22 дорог, в том числе и дороги в глубоком тылу – Горьковская, Пензенская и Куйбышевская.

За 4 года войны на железные дороги было совершено более 19 тыс. налетов авиации противника, в которых участвовало более 60 тыс. самолетов, сброшено на железнодорожные объекты около 250 тыс. фугасных, осколочных и зажигательных авиабомб, повреждено и уничтожено 3175 паровозов, более 66 тыс. вагонов, 375 искусственных сооружений, 5072 служебно-технических здания, более 3 тыс. стрелочных переводов. Было разрушено 49276 км пути, 13 тыс. мостов, 4,1 тыс. станций, 317 паровозных депо...⁶.

Из-за временного отхода войск протяженность железных дорог все время сокращалась и к концу 1941 г. снизилась на 42% от довоенного уровня.

Среднесуточная погрузка войск и материальных средств в первые дни войны составила около 40% общей погрузки на всей сети железных дорог. На контроле органов военных сообщений одновременно находилось до 1,5–1,7 тыс. оперативных эшелонов и до 10–12 тыс. транспортиров только по централизованному плану⁴.

В феврале 1942 г. в составе ГКО был образован Транспортный комитет во главе с И.В.Сталиным, на который возлагались задачи по общему планированию и координации работы всех видов транспорта, а ЦУПВОСО по существу выполняло функции штаба Транспортного комитета.

В первые месяцы войны для более оперативного управления службой приказом НКО № 0370 от 22 октября 1941 г. были изданы Положения о начальниках военных сообщений фронтов и армий, разграниченные функции полевых и линейных органов военных сообщений, а на железных дорогах постановлением ГКО от 14 декабря 1941 г. № 1024 была создана этапная служба с открытием этапных комендатур, которые впоследствии (1942 г.) были переименованы в этапно-заградительные.

С громадными трудностями была сопряжена работа транспорта по осуществлению эвакуационных перевозок. В короткие сроки были перебазированы в тыл целые отрасли промышленности, сотни фабрик и заводов, а также значительное количество транспортных средств, материалов и сырья.

Массовые воинские перевозки в период решающей битвы под Москвой, выполненные в исключительно сложной обстановке как из глубокого тыла, так и в пределах фронтов, явились для органов военных сообщений, железных дорог и железнодорожных войск не только проверкой их возможностей и

способностей, но и источником накопления опыта, приобретения практических навыков, которые были использованы в дальнейшем.

Доставка материальных средств войскам по железной дороге осуществлялась под беспрерывными бомбёжками.

Общий объем воинских железнодорожных перевозок за годы войны составил 442,2 тыс. поездов (19714,5 тыс. вагонов). Военно-санитарными поездами перевезено более 5 млн. раненых и больных⁴.

Эксплуатация фронтовых железных дорог осуществлялась линейными железнодорожными подразделениями и созданными в период Великой Отечественной войны военно-эксплуатационными формированиями НКПС и железнодорожными эксплуатационными полками.

Первые специальные формирования НКПС: Военно-эксплуатационные управление (ВЭУ) и Военно-эксплуатационные отделения (ВЭО) – были созданы в период битвы под Москвой (октябрь 1941 г.).

С ноября 1943 г. на ЦУПВОСО возлагаются функции руководства деятельностью частей противовоздушной обороны, обеспечивающих воинские перевозки.

К началу войны для этих целей было подготовлено 360 зенитно-пулеметных вагонов (ЗПВ), что давало возможность развернуть 12 зенитно-пулеметных рот.

Позднее органы военных сообщений на фронтовых и прифронтовых железных дорогах получили в свое подчинение части ПВО, которые сопровождали поезда с людьми и наиболее важные транспорты.

В 1944 г. их насчитывалось 10 полков (по 40 взводов в каждом) и 14 отдельных дивизионов ПВО (по 20 взводов в каждом).

Частями ПВО воинских поездов было отражено около 6 тыс. атак вражеской

авиации, сбито 132 самолета, истреблено 523 диверсанта и 222 взято в плен⁷.

За годы войны, всеми видами транспорта был выполнен такой объем воинских перевозок, какого до этого не знала история.

Так, железнодорожным транспортом он составил свыше 440 тыс. поездов (около 20 млн. вагонов); водным транспортом было перевезено свыше 4 млн. воинов Красной Армии; 4,5 тыс. танков; 110 тыс. орудий; более 21 млн. т грузов и более 785,5 тыс. раненых и больных. Автомобильными частями – 146 млн. т грузов; воздушным транспортом – около 3 млн. чел. и свыше 300 тыс. т грузов.

Объем перевозок войск на Дальний Восток летом 1945 г. составил 1700 эшелонов⁴.

За исключительную стойкость, инициативу и личную храбрость при выполнении воинских перевозок около 7000 офицеров военных сообщений было награждено орденами и медалями Советского Союза. Многие ответственные задачи по организации и выполнению воинских перевозок в годы войны решал личный состав органов военных сообщений, возглавляемый генералами Н.И.Трубецким, И.В.Ковалевым, А.Г.Черняковым, С.В.Хвощевым, А.В.Добряковым, Е.В.Тулуповым, М.Х.Аунсом, К.А.Рассаловым, П.П.Засориным, С.Н.Кресиком, Г.Г.Молдавановым, Я.И.Щепениковым и многими другими.

Большой вклад в подготовку офицерских кадров внесли руководители Военно-транспортной академии и ее профессорско-преподавательский состав: Г.А.Высотский, Д.И.Танский, С.В.Завадский, чл.-корр. АН СССР В.В.Звонков, Н.П.Востоков и другие.

После окончания Великой Отечественной войны органам военных сообщений и работникам транспорта пришлось решать множество сложных задач: выполнять значительные по

объему перевозки, связанные с демобилизацией, и возвращением в страну различного рода материальных средств, находящихся за границей. Эта работа была проведена организованно и в установленные сроки. Началось восстановление и наращивание мощностей всех видов транспорта.

В 1961 г. была проведена реорганизация службы военных сообщений. Объем и характер работ службы стали более широкими и многогранными, значительно увеличилась сложность решаемых ею задач по подготовке всех видов транспорта в оборонном отношении и использованию их для удовлетворения потребностей Вооруженных Сил в перевозках.

На основе изучения опыта Великой Отечественной войны, результатов военно-научной работы, опыта учений офицеры военных сообщений повышали свои знания и совершенствовали практические навыки в организации перевозок и управлении ими, подготовке путей сообщения в оборонных целях и повышении их живучести.

Совершенствование транспортного обеспечения и технологии перевозок, повышение устойчивости работы транспорта и внедрение новых транспортных средств, улучшение качества управления перевозочным процессом и его всестороннее обеспечение – эти и многие другие задачи находятся в центре внимания личного состава органов военных сообщений.

В послевоенные годы были выполнены перевозки военных специалистов и воинских грузов различными видами транспорта в связи с участием нашей страны в ряде локальных войн и военных конфликтов.

В 1979–1989 гг. органы военных сообщений обеспечивали перевозку войск в Афганистан, а затем их вывод оттуда.

В последующем, в связи с сокращением и выводом войск в сжатые сроки были осуществлены перевозки личного состава, боевой техники и имущества из стран дальнего и ближнего зарубежья.

Например, из Западной группы войск железнодорожным и морским транспортом вывезено 6 армий (22 дивизии, 47 бригад, 42 отдельных полка) общей численностью более 500 тыс. чел., 123629 единиц техники и вооружения, около 3 млн. т материальных средств⁸.

В период с 30 ноября 1994 г. по 1 января 1997 г. ЦУП ВОСО МО РФ совместно с МПС России выполнял задания правительства по организации воинских перевозок в Чеченскую Республику.

Для выгрузки войск и различных материальных средств было подготовлено более 200 железнодорожных станций, в том числе около 30 станций на Северо-Кавказской железной дороге⁹.

Штаб командования Объединенной группировки войск (сил) в Чечне был обеспечен всесторонней информацией о подходе резервов и их местоположении, составе и времени прибытия в пункты назначения.

Весь объем перевозок выполнен в заданные сроки, что обусловлено достижением высоких скоростей на маршрутах перевозок, четким и слаженным взаимодействием органов ВОСО и МПС России на всех уровнях управления.

Опыт переброски войск в Чечню и организация их всестороннего обеспечения еще раз показали, что железнодорожный транспорт является важнейшим при подготовке и в ходе ведения как крупномасштабных боевых действий, так и при выполнении отдельных задач.

Сегодня органы ВОСО и железнодорожники осуществляют на Северном Кавказе воинские перевозки по обеспе-

чению жизнедеятельности войск (сил), ротации личного состава, возвращению в пункты постоянной дислокации соединений и частей, выполнивших поставленные задачи.

Органы военных сообщений, являясь связующим звеном между транспортом и Министерством обороны (его полномочными представителями), еще раз показали эффективность своей деятельности, высокий профессионализм при решении поставленных перед ними задач.

В последние годы Служба военных сообщений Вооруженных Сил РФ решает специфические и важные для боевой готовности Вооруженных Сил задачи мирного и военного времени – обеспечивает транспортные потребности войск (сил флота) и осуществляет контроль за подготовкой путей сообщения в интересах Вооруженных Сил РФ. Надо отметить, что работа эта выполняется в сложное время: экономические реформы вызвали дезинтеграцию промышленного производства, разукрупнение предприятий магистрального транспорта, снижении их производственных возможностей и экономических показателей.

Ныне многие государственные предприятия на транспорте преобразованы в акционерные общества.

Изменились принципы взаимоотношений ВОСО с ними; продолжается также реформирование железнодорожного транспорта.

В создавшихся условиях органы военных сообщений оказываются в общем ряду многочисленной транспортной клиентуры. Воинские перевозки и услуги транспортных предприятий осуществляются на договорной основе, большинство договоров на их выполнение заключаются по итогам конкурсных торгов. Ведется поиск и разработка новых, более эффективных форм и

методов организации воинских перевозок, принимаются меры, способствующее поддержанию возможностей транспорта по обеспечению потребностей Вооруженных Сил.

Задача, которую вынуждены решать органы ВОСО – вписаться в происходящие в отрасли реформы, чтобы изменения на железнодорожном транспорте не повлияли на боевую и мобилизационную готовность Вооруженных Сил, прошли без какого-либо ущерба для их транспортного обеспечения.

Необходимо отметить, что с переходом предприятий и организаций транспортного комплекса к рыночным отношениям работа Службы военных сообщений всех уровней управления усложнилась, ее объемы увеличились.

Главным содержанием в строительстве и совершенствовании службы военных сообщений в условиях военной реформы является приведение ее возможностей в соответствие с задачами войск и организационными изменениями в структуре и дислокации группировок Вооруженных Сил России.

При этом делается все возможное для сохранения имеющегося потенциала органов военных сообщений, использования действующих и разработки новых способов организации перевозок, максимального сохранения структуры Службы и системы управления воинскими перевозками.

Со всеми этими и другими проблемами приходится сталкиваться офицерам органов военных сообщений в своей служебной деятельности и решать их.

Так, проблемы, связанные с возникновением таможенных барьеров и новых государственных границ, решаются заключением двусторонних соглашений по организации межгосударственных перевозок.

В настоящее время органы ВОСО выполняют перевозки в рамках единой межведомственной унифицированной

системы тылового и технического обеспечения в интересах ряда федеральных органов исполнительной власти, где законодательством предусмотрена военная служба; перевозки по призыву в интересах всех министерств и ведомств, имеющих воинские формирования; производят их обеспечение бланками воинских перевозочных документов и осуществляют проверку законности их использования.

Основными направлениями дальнейшего развития службы военных сообщений являются:

- совершенствование системы всестороннего обеспечения войск (сил флота) в транспортном отношении;
- совершенствование боевой готовности, оперативной, боевой и мобилизационной подготовки органов военных сообщений;
- совершенствование системы управления воинскими перевозками с учетом изменений системы управления транспортом;
- исследование и разработка мероприятий по совершенствованию мобилизационно-технической подготовки железнодорожного, морского, внутреннего водного и воздушного транспорта;
- перестройка кадровой политики, системы подготовки и воспитания офицеров службы военных сообщений с учетом современных требований.

В непростых условиях Служба военных сообщений встречает свой юбилей. На транспорте прежде всего – это болезненный переход к новым экономическим отношениям, децентрализация руководства морским, внутренним водным и воздушным транспортом, ослабление внимания к мобилизационной работе, значительное повышение тарифов на воинские перевозки, недостаточное финансирование воинских перевозок в требуемых объемах.

Нестабильность обстановки, а в ряде случаев обострение политических, экономических, национальных и иных противоречий между отдельными государствами ближнего и дальнего зарубежья, а также внутри страны создают дополнительные трудности в работе транспорта и организации воинских перевозок.

В своей деятельности органы военных сообщений решают такие задачи:

- обеспечение войск (сил) Калининградского особого района (выполнение транзита через Литву и Беларусь);
- группировок российских войск в странах ближнего и дальнего зарубежья, в том числе миротворческих сил;
- транспортного обеспечения второго этапа совместного антитеррористического учения стран-участниц ШОС “Мирная миссия – 2007 (9–17 августа 2007 г.);
- в особых условиях выполняются воинские перевозки в Чечне.

Многое делается ВОСО по:

- рациональному использованию транспорта и экономии денежных средств;
- совершенствованию транспортного обеспечения и технологии перевозок;
- повышению устойчивости работы транспорта и внедрению новых транспортных средств;
- улучшению качества управления перевозочным процессом и его всестороннего обеспечения.

Эти и многие другие задачи и далее будут находиться в центре внимания личного состава органов военных сообщений.

Сохраняя и приумножая многолетний опыт службы ВОСО, ее офицеры, генералы и служащие прилагают все свои силы и знания, чтобы удовлетворить потребности Вооруженных Сил России во всех видах воинских перевозок, качественно решать все возложенные на них задачи.

Примечания

¹ Гумилевский Л. История локомотива. М.-Л.: ОНТИ, 1937.

² Мысль русского крестьянина – извозчика о чугунных дорогах и пароходных экипажах между С. Петербургом и Москвой // Общеполезные сведения. 1835. Апрель.

³ В интересах Вооруженных Сил / Под ред. Ю.К.Воронцова. М., 1989. С. 14.

⁴ Военные сообщения за 50 лет / Под ред. С.В.Хвощева и А.В.Добрякова. М., 1967. С. 23.

⁵ Военные Сообщения / Под ред. инженер-полковника А.С.Лемновского. М., 1955. С. 22.

⁶ Тыл Вооруженных Сил в документах / Под ред. генерала армии В.И. Исакова. М.: Воентехлит, 2000. С. 584.

⁷ Транспорт в Великой Отечественной войне / Под ред. генерал-лейтенанта технических войск И.В.Ковалева. М., 1981. С. 109.

⁸ Умножая силу на скорость. Сборник / Под ред. А.В. Кириченко. М.: изд. “Военинформ”, 2003. С. 18.

⁹ Особенности работы органов военных сообщений и транспорта в условиях чрезвычайных ситуаций и вооруженных конфликтов / Под ред. А.В. Кириченко. М.: изд. “НПП Технотрасттрейд”, 2005. С. 134.

Цена политических иллюзий

Игорь Максимычев,
доктор политических наук
(Институт Европы РАН)

В 7-м, 8-м и 9-м номерах журнала за 2007 г. был опубликован подготовленный И.Ф.Максимычевым анализ документов, включенных в сборник “Михаил Горбачев и германский вопрос 1986–1991”, который был выпущен Горбачев-фондом в 2006 г.

Ныне вниманию читателя предлагается аналогичный анализ материалов вышедшего в свет в конце 2007 г. третьего тома мемуаров бывшего канцлера ФРГ Гельмута Коля, освещавшего с западногерманской точки зрения события 1990–1994 гг. Оценки Коля в сопоставлении с одновременно принимавшимися решениями Горбачева представляют несомненный интерес для объективного восприятия итогов тогдашней линии советского руководства.

Поскольку воспоминания Коля захватывают события и ельцинской эры, публикуемый анализ помогает восстановить подлинные детали российско-германских отношений в период завершения вывода Западной группы войск с территории Германии.

От редакции

Взгляд с другой стороны

Объективное исследование причин и последствий событий недавнего прошлого необходимо хотя бы для того, чтобы по возможности не наступать повторно на одни и те же грабли.

В рамках такого исследования продолжает оставаться актуальным анализ обстоятельств провалов внешней политики советского руководства во главе с М.С.Горбачевым и российского руководства во главе с Б.Н.Ельциным, в частности, в сфере германских дел, особенно в переломные 1989–1990 гг., а также в период вывода Западной группы войск с территории Германии.

Именно за те несколько лет была почти непоправимо подорвана основа статуса нашей страны как глобальной державы, которую сейчас с таким трудом приходится восстанавливать.

В развернувшейся в российской общественности дискуссии поражает наивной незамысловатостью линия обороны соавторов горбачевской концепции “нового мышления”. По их утверждению, Горбачев и тогдашний канцлер ФРГ Гельмут Коль достигли взаимопонимания в отношении будущего взаимодействия объединенной Германии и СССР на международной арене, которое обеспечило бы им решающее влияние на европейское и мировое развитие.

Именно об этом говорил бывший помощник генерального секретаря ЦК КПСС, а затем президента СССР по внешней политике А.С.Черняев в своем сообщении, сделанном по приглашению Немецкого исторического института в Москве (4 октября 2007 г.).

Как выразился Черняев, если бы Советский Союз сохранился, “ось Москва-Берлин” стала бы ведущим фактором в Европе и мире, знаменуя движение к новому мировому порядку. Догадка о том, что именно “новое мышление” в его горбачевском варианте стало одной из причин, по которым СССР “не сохранился”, остается, видимо, и сейчас недоступной для него.

Спасение НАТО

П о воле случая почти одновременно с заявлением Черняева в Москве на прилавки германских книжных магазинов лег третий том мемуаров Гельмута Коля, в котором отражены события 1989–1994 гг.¹.

Для нас этот том интересен прежде всего потому, что “канцлер германского единства”, уже не стесняемый требованиями текущей политики, свободно рассказывает о побудительных причинах и целях своих шагов, увенчавшихся, в конечном счете, поглощением ГДР и вытеснением СССР/России на периферию стержневых событий в Европе.

Если оставить в стороне красоты стиля и идеологическое обрамление повествования Коля, то картина стратегических устремлений боннской ФРГ и применявшимися ею тактических схем получается достаточно выпуклой и достоверной. Но она не оставляет места для “предпочтительного партнерства” с горбачевским СССР, о котором говорит Черняев.

Начать с того, что, перечисляя главные направления своей внешней полити-

ки в указанные годы, Коль ставит на первое место Францию, на второе США. Лишь на третьем месте фигурирует СССР, причем в следующей оригинальной формулировке: “О том, как я на международном уровне организовал помочь для Советского Союза и для Горбачева, который внес существенный вклад в успех германского единства, до сих пор общественности известно мало” (S. 12)*. В ряду причин событий 1989 г., которые, как подчеркивает Коль, “значительно приблизили единство нашего отечества”, политика Горбачева называется в одном ряду с политикой правительства Венгрии и Польши. Затем следует фраза, которая звучит так: “Все это развитие было также результатом нашей политики” (S. 20).

По ходу повествования Коль раскрывает содержание этого тезиса. Он подчеркивает: “... Когда мы размышляем об истории достижения германского единства, следует помнить о том, что исходной точкой для этого уникального шанса явилась реализация двойного решения НАТО**. Без этого

* Все ссылки на страницы даны автором по указанному изданию мемуаров Г.Коля.

** “Двойное решение” было принято НАТО в декабре 1979 года и предусматривало размещение в Европе новых американских ракет средней дальности действия с ядерными боеголовками; до начала размещения предлагалось провести переговоры с СССР о демонтаже его ракет средней дальности действия. После прихода Коля к власти в 1982 году бундестаг санкционировал стационарирование ракет США на территории ФРГ (22 ноября 1983 года). Это постановление, значительно обострившее ситуацию в Европе, сопровождалось массовыми демонстрациями протesta, организованными движением сторонников мира в ФРГ. Советский Союз принял ряд ответных мер.

постановления дело тогда вполне могло дойти до эрозии НАТО, а я знаю, не в последнюю очередь от Михаила Горбачева, что стабилизация НАТО явилась решающей предпосылкой для начала перестройки” (S. 393).

Приписывая “авторство” перестройки акту эскалации военной угрозы со стороны НАТО, Коль обнажает основы своего политического мышления. Трудно яснее сформулировать базовое значение, которое Коль придавал организации коллективного давления Запада на Советский Союз. Его рецепт: стоит посильнее надавить на “восточного гиганта”, и тот сдаст свои позиции – сработал в отношении Горбачева и Ельцина, а также членов их команд.

Однако, как явствует из мемуаров, полной уверенности в успехе подобной стратегии поначалу у Коля все же не было.

Экс-канцлер приводит эпизод, который четко передает его опасения по поводу возможного сопротивления Москвы попыткам ускорить поглощение ГДР.

Накануне своего визита в Москву (февраль 1990 г.) он сообщил западно-германской прессе, что вносит на рассмотрение кабинета предложение начать с ГДР переговоры о заключении “валютной унии”. Это был пробный шаг, который должен был прояснить отношение Горбачева к правилам игры, которые Бонн хотел бы навязать своим партнерам при обсуждении германского вопроса. “Валютная уния” означала немедленную замену на всей территории республики валюты ГДР западногерманской маркой.

Это был на практике наиболее быстрый и эффективный способ осуществить присоединение Восточной Германии к ФРГ, не дожидаясь каких-либо международных договоров и урегулирований.

Коль опасался, что Горбачев “может не согласиться с таким предложением, поскольку оно означало ничто иное, как ясное решение в пользу государственного единства Германии” (S. 71), и, видимо, готовил запасные позиции, однако был приятно поражен любезной обходительностью советского лидера, промолчавшего в ответ на инициативу канцлера.

Общая ситуация на континенте на начало 1990 г. характеризуется Колем так: “Распадался послевоенный порядок, навязанный Сталиным народам Европы” (S. 24).

Мимоходом творимое Колем насилие над историей, из которой не вычеркнуть совместных решений участников антигитлеровской коалиции, закрепленных, в частности, в Потсдамском соглашении 1945 г., чрезвычайно характерно для его политического мышления. Для него враг всегда был на Востоке. В этом смысле горизонт политика Коля никак не шире горизонта среднего западногерманского бюргера, который с молоком матери впитал нелюбовь к России и для которого антисоветизм и русофobia по большому счету всегда были идентичными понятиями.

Где уж тут искать площадку для “оси Москва-Берлин”? Максимумом, на что был готов пойти Коль, являлась функция посредника для увеличившейся ФРГ. Он пишет: “По моим представлениям, эта [объединенная] Германия, прочно закрепленная на Западе, станет своего рода «мостом на Восток»” (S. 92).

Но ФРГ и до присоединения ГДР играла роль “моста на Восток” – прежде всего потому, что развивать отношения с ГДР она могла только с согласия СССР. Другими словами, принесение Москвой в жертву важнейшего союзника, каким являлась для нее ГДР, должно было состояться по нулевому тарифу для ФРГ.

Какие же плюсы сулил Коль Советскому Союзу, если горбачевское “новое мышление” обеспечит, с точки зрения ФРГ, “ конструктивное и обращенное в будущее решение германского вопроса”?

Он пишет: “В нашем шансе обрести единство заключался для Советского Союза шанс обеспечить долгосрочное сотрудничество с политически стабильной и экономически мощной страной в центре Европы и – я подчеркиваю это – тот шанс, что немецкий народ и народы Советского Союза окончательно оставят тени прошлого за спиной и пожмут руку друг другу” (S. 28). Мало того, что историческая роль немцев ГДР в налаживании дружественных отношений с народами СССР при этом totally игнорировалась, но “пожимание рук” в канцлерском смысле вовсе не означало самостоятельности объединенной Германии: он исходил из того, что та должна войти в состав НАТО, в огромной степени увеличив наступательный потенциал альянса.

Это было ясно всем, включая на первых порах и Горбачева.

Вопрос о НАТО превратился в главную проблему переговоров на германскую тематику.

Коль всячески пытался убедить Горбачева, что членство “большой Германии” в Атлантическом альянсе соответствует интересам безопасности СССР как “необходимый фактор стабильности”. Но в качестве “компенсации” он соглашался лишь на то, чтобы войска и учреждения НАТО не выдвигались на территорию бывшей ГДР (S. 28).

Последний момент был истолкован руководством СССР как обещание вообще воздержаться от продвижения НАТО на Восток для заполнения оставляемого советскими войсками вакуума в “промежуточной Европе”. Однако Москва не удосужилась ни добиться

ясности по этому пункту от своих западных партнеров, ни зафиксировать данное обязательство в договоре “Два плюс четыре”.

Известно, к чему это привело.

Содержание важнейших бесед с Горбачевым 10 и 11 февраля 1990 г., когда Колю, как об этом писала вся мировая пресса, были без каких-либо условий вручены “ключи от германского единства”, излагается экс-канцлером лишь в выборочном порядке. (Переговоры с Миттераном 15 февраля и с Бушем-старшим 24–25 февраля пересказанны гораздо более подробно).

Практически Коль ограничивается цитатой из совместного сообщения для прессы и выдержкой из своего заявления в бундестаге, где он с торжеством констатировал: “Еще никогда с момента раскола нашей страны, еще никогда с момента провозглашения нашего Основного закона мы не были так близки к нашей цели достижения единства и свободы Германии в условиях свободного самоопределения” (S. 27).

Поддержка Москвой линии Коля на поглощение ГДР коренным образом изменила отношение Западной Европы к перспективе скорого восстановления единой Германии.

Коль сообщает: “Контраст между конференцией в верхах [Европейских сообществ] в Страсбурге в апреле 1990 года и конференцией в верхах в Дублине в декабре 1989 года не мог быть более внушительным. За истекшее время Европейские сообщества и Североатлантический альянс солидарно перешли на нашу сторону”. И добавляет: “За все годы моего пребывания на посту канцлера мне не доводилось бывать на конференциях в верхах Европейских сообществ, на которых мои коллеги занимали бы такую ясную и безоговорочную позицию в пользу германского единства” (S. 96–97).

Это вполне понятно – противиться объединению Германии после решения Горбачева поддержать Коля было бы равнозначно заталкиванию ФРГ в объятия СССР, в то время как единодушное западное требование включить объединенную Германию в состав НАТО несло с собой шанс рассорить Москву и Бонн, сохранив теоретически определенный контроль Запада за политикой немцев.

Канцлер сразу же воспользовался выданным ему Горбачевым “картбланш” в отношении ГДР.

Рассказ о том, к чему это привело, закономерно занимает в мемуарах самое широкое место.

Коль немедленно отказался от данного им в декабре 1989 г. и широко разрекламированного обещания представить ГДР существенную экономическую помощь. Даже определявший политику восточногерманской республики “круглый стол”, где тон задавали оппозиционные партии, настаивал на “солидарном вкладе” ФРГ в экономику ГДР на сумму не менее 15 млрд. марок еще до досрочных выборов в Народную палату, назначенных на 18 марта 1990 г.

Однако после визита в Москву Коль начисто отказался рассматривать эту идею, ограничившись обещанием мелких подачек, да и то на период после выборов, когда, как он ожидал, правительство Ханса Модрова уйдет в отставку. “Солидарный вклад”, который укрепил бы ГДР, он потребовал заменить “валютной унией” и “экономическим сообществом”, переговоры о создании которых надо было начать немедля (S. 32).

У лишенной советской поддержки, остро чувствовавшей свою изоляцию ГДР, которую подрывал нарастающий

при поддержке извне внутренний кризис, не оставалось сил настаивать на уважении своих интересов.

Ускорение фактического поглощения ГДР достигалось параллельно открытым вмешательством политических партий, министров и лично канцлера ФРГ в предвыборную борьбу в республике таким образом, как будто ГДР уже стала провинцией ФРГ.

Под патронажем Коля велась обработка руководства восточногерманского ХДС, сохранившего определенное влияние на население ГДР после демонтажа политической системы во главе с СЕПГ. Во второй половине января 1990 г. (то есть еще до февральской поездки в Москву) Коль провел секретную встречу с новым председателем ХДС (ГДР), заместителем председателя Совета министров восточно-германской республики Лотаром де Мезьером, добиваясь, чтобы его партия выступала на выборах с антисоциалистических позиций и за скорейшее слияние с ФРГ.

Параллельно в правлении боннского ХДС разрабатывалась программа и предвыборная тактика для вновь созданной в ГДР партии Демократическо-социальный союз. Она вместе с еще более мелкими группировками – Демократический старт* и Партия германского форума – должна была вступить в коалицию с ХДС (ГДР), создав “Альянс для Германии”, который был бы в состоянии выиграть выборы. Коль лично выступал на предвыборных митингах в Эрфурте, Берлине, Магдебурге, Ростоке, Котбусе, Хемнице (Карл-Маркс-штадте), Лейпциге (S. 38–42).

Ни у одного ревнителя международного права – ни на Западе, ни на Востоке – не нашлось тогда мужества воз-

* Иногда название этой партии переводится как “Демократический прорыв”.

высить свой голос против странной предвыборной кампании, в рамках которой глава правительства одного государства приезжает в другое государство агитировать его население в пользу отказа от суверенитета.

С мощнейшей поддержкой из ФРГ цель оказалась достигнутой – партии “Альянса за Германию” получили на выборах в ГДР 18 марта большинство голосов (в целом 48%, из них ХДС 40,59%) и сформировали новое коалиционное правительство ГДР вместе с потерпевшими неудачу восточногерманскими социал-демократами, но без реформаторов из ПДС. Это правительство было дееспособным, только пока не вступало в конфликт с руководством ФРГ.

Сказать, что Коль фактически сидел за столом в зале заседаний правительства ГДР, значит не сказать ничего.

Сам состав восточногерманского правительства был определен во время “выездной сессии” ведущих политиков “Альянса за Германию”, состоявшейся в Бонне через три дня после выборов в ГДР. Причем решение завершить создание экономической и валютной унион к 1 июля 1990 г. было принято правительством ФРГ в одностороннем порядке еще до приезда представителей ГДР (S. 51–52). Отныне судьба ГДР решалась не в Берлине, а в Бонне.

В 20-х числах марта Коль информировал Горбачева через советского посла в Бонне Ю.А.Квицинского о своем намерении форсировать процесс присоединения ГДР. Он утверждал, что намеченный им первоначально график объединения (создание основ договорного сообщества ФРГ и ГДР в течение 1990 г., конфедеративных структур в 1991 г. и завершение формирования федерации обоих германских государств в 1992–1993 гг.) потерял актуальность, в то время как состояние экономики ГДР*, а также воля ее населения, выраженная на выборах 18 марта, требуют быстрых действий.

Из того, что сообщает Коль о беседе с послом, складывается впечатление, что Квицинский был единственным советским представителем, который в провальной обстановке пытался отстоять интересы своей страны (неслучайно Коль характеризует этот разговор как “жесткий и откровенный”).

В частности, Квицинский настаивал на том, чтобы для обеспечения безопасности СССР советские войска выводились с германской территории только одновременно с войсками трех западных держав. Возражения Коля (“Советский Союз отступит лишь на 600 километров, а США пришлось бы отступить на 6000 километров”) подтверждали, что несмотря на все пыш-

* “Крах” экономики ГДР был универсальным аргументом в пользу скорейшего присоединения ГДР к ФРГ. Однако этот тезис носил во многом пропагандистский характер. Оглядываясь назад, бывший заместитель директора Института экономики АН ГДР Клаус Штайниц подчеркивал, что нет и не было оснований объявлять ГДР банкротом.

Он писал: “На протяжении всех 80-х годов налицо был прирост производства и увеличение национального дохода. Среднегодовое увеличение национального дохода составляло в 1981–1989 годах 3,9%, в 1986–1989 годах – 3,1%. Хотя прирост производства снижался на протяжении 80-х годов, он составлял еще 2,1% в 1989 году. Ни разу не было падения производства, в то время как в Западной Германии в 80-х годах ВВП дважды сокращался или был нулевым. Ухудшение общехозяйственных показателей и прежде всего сокращение промышленного производства начались в ГДР только в связи с валютной унией, непосредственно перед ней и главным образом после нее” (*Klaus Steinitz. Wirtschaft bankrott? Die DDR-Ökonomie Ende der achtziger Jahre / Stefan Bollinger (Hrsg.). Das letzte Jahr der DDR. Zwischen Revoluton und Selbstaufgabe. Berlin, 2004. S. 95.*)

ные фразы о преодолении конфронтации Запад продолжал руководствоваться категориями “холодной войны” (S. 54–56).

Вместе с экспертами 3-го Европейского отдела МИД, который вел германские дела, Квицинский подготовил послание на имя канцлера, переданное тому 19 апреля, с предостережением в отношении односторонних действий Бонна, нарушающих суверенитет ГДР, и напоминанием о том, что взаимоотношения обоих германских государств регулируются государственным договором между ними*, который продолжает оставаться в силе (S. 91).

В беседе с Колем 23 апреля Квицинский предложил отделить внутренние аспекты объединения от внешних и договариваться об условиях слияния ГДР и ФРГ, оставив вопрос о возможном вхождении будущего единого государства в военно-политические блоки на последующий период. Коль резко отреагировал на предложение посла: “Для меня, – пишет он, – это было совершенно неприемлемо, поскольку в таком случае объединенная Германия была бы на неопределенный срок лишена полного суверенитета”.

Аргумент о “полном суверенитете” Германии Запад широко использовал и в дальнейшем, хотя он противоречил элементарной логике: как раз членство в наднациональных объединениях типа НАТО или Европейских сообществ означало, что суверенитет их участников никак нельзя рассматривать как “полный”. В ответ канцлер предложил подумать о способах сохранить экономические обязательства ГДР перед СССР в случае объединения Германии, а также заключить между объеди-

ненной Германией и Советским Союзом “Большой договор”, который поднимет “отношения между обеими странами на совершенно новый уровень” (S. 92).

Намерение прекрасное, но самые превосходные договоры не содержат гарантий выполнения на все времена. Как видно, Коль хорошо усвоил известное изречение де Голля, который в свое время говорил: договоры подобны девушкам и розам – красота и тех, и других недолговечна.

Скорее всего, лишь присутствием Квицинского объясняется тот факт, что и на беседе Э.А.Шеварнадзе с Колем 4 мая, и на первой встрече министров иностранных дел по формуле “два плюс четыре” в Бонне день спустя заявленные ранее советские позиции не были сданы – авторитет Квицинского был практически непрекращаем.

Правда, экс-канцлер отмечает, что одно из замечаний Шеварнадзе поставило тем не менее под вопрос твердость советского “нет” по вопросу о членстве объединенной Германии в НАТО. Коль пишет: “Он не исключает, добавил Шеварнадзе, что можно поискать и найти компромисс”. Данной ссылки на “неокончательность” позиции Москвы оказалось достаточно для Коля: “Это укрепило мое убеждение в том, что у нас есть хороший шанс все же добиться своего по указанному решающему вопросу. Я был уверен, что наша твердость, в конце концов, оправдает себя и пессимисты будут в очередной раз посрамлены” (S. 102).

Под “пессимистами” Коль подразумевал, прежде всего, часть руководства западногерманских социал-демократов, но не только: о готовности пойти на ус-

* Имелся в виду Договор об основах отношений, подписанный ГДР и ФРГ 21 декабря 1972 г., согласно постановлениям которого оба германских государства обязывались поддерживать между собой добрососедские отношения на основе равноправия.

тупки в том, что касается германского членства в НАТО, размышляли в тот период многие немецкие политики, включая членов нового правительства ГДР.

Показательно, что в состоявшемся в начале мая разговоре с Колем государственный секретарь США Джеймс Беккер выражал беспокойство по поводу колебаний кабинета де Мезьера, в особенности тогдашнего министра иностранных дел ГДР Маркуса Меккеля (социал-демократ), в вопросе о НАТО (S. 100).

Изложенная Шеварнадзе на боннской встрече “2+4” программа действий не исчерпывалась негативным отношением к вхождению Германии в НАТО, которое означало бы, по его словам, “увековечивание” существования этого военного блока (этот прогноз полностью сбылся). Еще раз была подчеркнута неразрывная связь между германским объединением и созданием общеевропейских структур безопасности. Первыми шагами в данном направлении предлагалось сделать институциализацию хельсинкского процесса, включая регулярные совещания министров иностранных дел стран-членов ОБСЕ, образование координационного бюро и учреждение европейского кризисного центра с местопребыванием в Германии. Вновь было предложено отделить внутренние аспекты объединения от внешних и предоставить будущему решение вопроса о вхождении единого германского государства в военно-политические блоки.

В то же время Запад, включая ФРГ, настаивал на том, чтобы вопрос о НАТО был решен заранее.

Какого-либо сближения позиций не наблюдалось.

Выступая перед прессой по окончании встречи министров, Коль подчеркнул необходимость срочно взяться за создание структур безопасности в Ев-

ропе, которые не были бы привязаны к определенным военно-политическим союзам (S. 103–105).

Но подобные декларации с самого начала задумывались лишь как сотрясение воздуха.

Очевидная готовность советского руководства к уступкам делала излишними любые шаги навстречу интересам СССР, хотя, как замечает сам Коль, “эйфория воссоединения, поднявшаяся зимой 1989/90 гг., между тем заметно поостыла в обеих частях Германии, прежде всего на Западе. Путь к единству оказался более крутым и каменистым, чем это представлялось многим” (S. 106).

В ГДР все более сильными становились настроения против “распродажи” в пользу ФРГ. Отношения между Колем и де Мезьером осложнялись. Экс-канцлер называет главу правительства ГДР “трудным партнером по переговорам”. Больших усилий стоило Колю убедить и без того погрязшие в долгах западногерманские земли взять на себя треть расходов на предстоящее объединение (S. 113–114).

Коль ставит себе в заслугу то, что он отговорил президента США Джорджа Буша-старшего, которого он посетил 17 мая 1990 г., от введения санкций против СССР в связи с кризисной обстановкой в Литве, поскольку это могло бы подорвать позиции Горбачева, и подробно описывает это эпизод.

По словам Коля, после его разъяснений президент обещал не отменять намеченного на конец мая визита советского лидера в США и принять его “со всем необходимым уважением, которое «он не только заслужил как индивидуум, но и на которое он вправе рассчитывать как глава Советского Союза»”.

Со своей стороны, Коль постарался рассеять опасения Буша, что “вывод советских войск может быть увязан с

требованием о выводе американских войск”, и подтвердил свою решимость настаивать на членстве Германии в НАТО как на средстве исключить любые подобные увязки (S. 115–117).

Накануне визита Горбачева в Вашингтон Коль позвонил Бушу, чтобы побудить его оставаться твердым в беседах с советским лидером по вопросу о НАТО.

“… Нужно, – передает Коль содержание своего тогдашнего обращения к президенту США, – дать понять Михаилу Горбачеву, что Соединенные Штаты и Федеративная Республика выступают в тесном единении независимо от того, как идут дела. Это находит свое выражение в настояниях на членстве объединенной Германии в НАТО, причем без каких бы то ни было ограничений” (S. 132).

Надо полагать, Буш вряд ли нуждался в понуждениях со стороны Коля:

НАТО была и остается главным инструментом подчинения Западной Европы воле США. Но как бы то там ни было, американская неуступчивость принесла плоды: Горбачев согласился с тем, что в соответствии с Заключительным актом Хельсинки каждая страна вправе сама решать, входить ли ей в какие-либо блоки и в какие именно (S. 135). Это открыло путь к включению всей Германии в НАТО.

Коль мог спокойно принять позу триумфатора, выступая в начале июня перед членами Американского совета по Германии в Нью-Йорке: “Будущая Германия не может и не будет странником между двумя мирами… Мы не хотим нейтралитета или демилитаризации. Мы отвергаем свободу от союзов или блоков” (S. 137).

Это было, по меньшей мере, странное заявление из уст записного поборника свободы во всех ее проявлениях.

Архызская капитуляция

По возвращении из США Коль принял нового советского посла в ФРГ В.П.Терехова, передавшего послание от Горбачева с благодарностью за готовность предоставить правительственные гарантии несвязанному кредиту для СССР в размере 5 млрд. марок и с просьбой рассмотреть возможность дальнейших долгосрочных кредитов “для решения задач, связанных с энергичной реализацией реформ”. Через два дня Коль пообещал провести консультации на эту тему с членами Европейских сообществ и “семерки” развитых стран мира, намекнув, что для их успеха потребуется “гибкость” советской политики в области германских дел. В ответе Горбачева содержалась ссылка на то, что в ходе предстоящего визита Коля в Советский Союз вопрос о принадлежности Германии к Атлантическому альянсу будет рас-

сматриваться “открыто и конструктивно” (S. 143–144).

Радостные ожидания Коля были, однако, омрачены выступлением Шеварнадзе на Берлинской встрече министров “два плюс четыре” 22 июня, где был оглашен советский проект мирного договора с Германией, подготовленный экспертами МИД СССР.

Хотя восстановление единства Германии самым естественным образом было связано с вопросом о мирном договоре с ней, который так и не был заключен после окончания войны, ФРГ категорически возражала против подобного метода урегулирования, поскольку он неизбежно наложил бы ограничения на свободу ее действий. Уже поэтому советские предложения действовали на Бонн, как красная тряпка на быка. К тому же в них помимо всего прочего содержались положения о со-

хранении прав четырех держав-победительниц в отношении Германии на пятилетний переходный период.

Дополнительным раздражителем послужило то, что советская инициатива была поддержанна министром иностранных дел ГДР, который заявил о том, что вполне понимает позицию СССР, опасающегося “проиграть задним числом Вторую мировую войну”.

Меккель вообще предлагал рассматривать объединенную Германию как “буферную зону” между военно-политическими блоками, чем вызвал гнев не только у Коля, но и у американского президента.

Коль сообщает: “Маркус Меккель не только совершенно не дорос до своей должности, он проводил совсем другую [чем я] политику и хотел сохранить самостоятельность ГДР так долго, как это только возможно”.

Постсоциалистическая ГДР тоже не хотела умирать. И снова СССР нанес ей удар в спину: Шеварнадзе поспешил успокоить западных представителей согласием завершить переговоры “два плюс четыре” до намеченной на ноябрь конференции СБСЕ (что было расценено как отказ от требования сохранения прав четырех на переходный период и от самого переходного периода), а также публичным признанием, что внесенные им предложения не являются “истиной в последней инстанции” (S. 145–149).

Изречь “истину в последней инстанции” предстояло Горбачеву во время запланированной на середину июля поездки Коля в Советский Союз. Еще до нее ФРГ создала необратимые факты, осуществив практическое присоединение ГДР.

С 1 июля вступила в силу экономическая, валютная и социальная уния между обоями германскими государствами.

Отпали последние остатки контроля на границе между ними.

Коль пишет: “Отныне немцы в ФРГ и в ГДР вновь неразрывно связаны друг с другом – сначала общей валютой и общими порядками социально-рыночной экономики, а вскоре снова свободным и единым государством” (S. 154).

Однако согласие СССР оставалось необходимым – без него германская гармония могла бы нарушиться.

Несмотря на склонность Горбачева к игре в поддавки, уверенности в успехе переговоров у Коля накануне визита к нему не было. Он указывает: “Мы на Западе исходили из того, что Горбачев не проявит готовности окончательно скрепить германское объединение. Завершение переговоров могло затянуться, захватив большую часть 1991 года. Квадратурой круга мне представлялся, прежде всего, вопрос о принадлежности к Атлантическому альянсу. Только величайшие оптимисты верили в чудо, в исторический поворот” (S. 164). Сам Коль причислял себя к “величайшим оптимистам”.

“Чудо” на самом деле свершилось: Горбачев отступил по всему фронту. Характерен порядок, в каком экс-канцлер перечисляет тех, кому он был обязан этой удачей: “У нас были все основания быть благодарными людям в нашем отечестве, трем союзникам – в особенности нашим американским друзьям, прежде всего президенту Бушу, – комиссии Европейских сообществ во главе с ее президентом Жаком Делором, дальновидности и чувству реальности президента Горбачева и нашим союзникам на Западе и на Востоке, которые с самого начала проявляли по отношению к нам понимание и доверие” (S. 181).

Этот список довольно наглядно характеризует место, которое правительство ФРГ отводило Советскому Союзу в “новой Европе”.

Во время совместного перелета Горбачева и Коля из Москвы в Ставро-

поль между ними состоялся разговор, который заслуживает внимания, поскольку затронутая в нем тема по-разному освещается в воспоминаниях современников.

По версии Коля, Горбачев затронул проблему дальнейшей судьбы восточно-немецких руководителей.

Коль сообщает: “Горбачев спросил меня, что будет с высокопоставленными вождями ГДР. Его особенно интересовало будущее Эриха Хонеккера.

Горбачев не выдвигал требований, хотя он мог бы это сделать с учетом тогда еще не решенных вопросов германского объединения.

Он только спросил меня, причем в почти умоляющем тоне.

Я ответил хозяину Кремля, что лично я не очень заинтересован в инсценировке охотниччьего гона, однако дал понять, что мое влияние как федерального канцлера на судебные решения практически равно нулю.

Я только пообещал ему еще раз подумать над его вопросом, поскольку в

данний момент у меня нет готового решения”.

Коль добавляет, что позже попытался обсудить данный вопрос в беседе с глазу на глаз с председателем СДПГ Гансом-Йохеном Фогелем, но тот в резкой форме “сослался на правила правового государства, которые исключают политическое вмешательство”. На этом обдумывание обращения советского лидера закончилось (S. 320).

“Охотничий гон” с организацией показательных процессов и различными сроками тюремных заключений для руководителей ГДР прошел без помех*.

Едва скрываемое тщеславие сквозит в сопоставлении уступок, сделанных сторонами в Архизе.

Коль пишет: “В то время как я лишь по двум пунктам отступил от своих максимальных требований – в обоих случаях в отношении особого статуса территории ГДР, пообещав не размещать там ни иностранных войск, ни ядерного оружия, – Горбачев сдал множество позиций”.

И далее следует подробный анализ основных моментов советского отступления:

“1. Вместо двойного членства Германии в обоих военно-политических группировках он [Горбачев] заявил о своем согласии с ее вхождением в НАТО.

2. Вместо многолетнего переходного периода Горбачев согласился с отказом от прав четырех держав в момент ратификации договора «Два плюс четыре».

* Что касается Хонеккера, то после операции в берлинской больнице “Шарите” по поводу рака он, все еще не вполне выздоровивший, был выписан в январе 1990 г. “на улицу”, так как семья Хонеккеров не располагала жилплощадью – ее квартира в поселке Вандлиц была ранее отобрана без предоставления новой. Тогда Хонеккера приютил один протестантский пастор в своем доме под Берлином. Затем Хонеккер лечился (и жил) в главном госпитале Западной группы войск в Бебелинте, а 13 марта 1991 года был вывезен советским военно-транспортным самолетом в Москву.

Послу СССР в ФРГ был заявлен протест, поскольку в ноябре 1990 г. прокуратура Берлина вынесла постановление об аресте Хонеккера в связи с расследованием случаев стрельбы у Берлинской стены и на германо-германской границе.

Советская сторона объяснила свои действия плохим состоянием здоровья Хонеккера. Коль был извещен об акции за час до вылета самолета, но никаких действий не предпринимал. Он отмечает: “При всем моем сочувствии к жертвам диктатуры СЕПГ, к страданиям узников тюрьмы в Бауцене и в других местах ГДР у меня не было заинтересованности в большом процессе” (S. 321).

3. Вместо того, чтобы настаивать на одновременном выводе также западных войск с германской территории, Горбачев смирился с односторонним выводом советских войск.

4. Вместо периода вывода советских войск длительностью от пяти до семи лет он обещал вывести их в течение трех-четырех лет.

5. Вместо длительного исключения территории ГДР из структур НАТО Горбачев пошел на интеграцию всей Германии в НАТО через три-четыре года.

6. Вместо настоящий на демилитаризации территории ГДР он дал возможность сразу после объединения ввести туда национальные германские войска.

7. Вместо потолка для германских войск в 300000 солдат или менее бундесвер смог сохранить численность в 370000 солдат.

8. Вместо вывода иностранных войск из Берлина в течение полугода после объединения Горбачев согласился на то, чтобы эти войска выводились на протяжении трех-четырех лет, параллельно выводу советских войск с территории ГДР" (S. 181–182).

С не меньшим удовлетворением констатирует Коль возмущение московских "экспертов по Германии", которые за закрытыми дверями говорили о "политическом мазохизме" Горбачева и "летней распродаже" государственных интересов, о быстрой и легкомысленной сдаче основных позиций многолетней политики СССР в сфере германских дел, о принятии решений без консультаций с союзной ГДР и в отсутствии ее представителей (S. 182).

Канцлер перечисляет полученные им после Архиза поздравления с блестящей дипломатической победой, выделяя комплименты со стороны Буша, подчеркнувшего его "выдающуюся руководящую роль", и приветствие от Маргарет Тэтчер, которая никогда не входила в число друзей Коля (S. 183).

Архыз дал Колю все, чего он добивался. Оставалось лишь собрать "урожай".

Коль подробно рассказывает о том, как ФРГ выкручивала руки правительству де Мезьера, навязывая ГДР свои условия слияния по так называемому Объединительному договору. Результат полностью соответствовал воле Коля.

31 августа договор был подписан; присоединение ГДР к ФРГ было назначено на 3 октября 1990 г., как этого добивался канцлер – отныне этот день должен был стать национальным праздником объединенной Германии.

Теперь надо было поторопить четыре державы с разработкой субSTITuta мирного договора.

По оценке Коля, подготовка к подписанию Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии ("Договор два плюс четыре"), которым был заменен мирный договор, проходила драматично.

Советское руководство попыталось несколько смягчить условия архицкой капитуляции, продлив сроки вывода войск с германской территории до 5–7 лет, а также увеличив сумму германских выплат на строительство жилья для военнослужащих выводимых соединений. Последовавший торг был очень жестким.

Коль сразу отмел армейские озабоченности, хотя для каждого было ясно, что за установленное для вывода Западной группы войск фантастически короткое время не удастся обеспечить

достойных условий ухода полумиллионной ударной группировки*.

Что касается выплат, то Коль попытался сначала сослаться на гуманитарную помочь населению СССР за счет запасов, имевшихся в Западном Берлине и в ГДР. Затем он согласился увеличить сумму выплат с первоначальных 8 до 12 млрд. марок, а потом добавил к ним еще 3 млрд. беспроцентного кредита сроком на 5 лет.

“Горбачев почувствовал заметное облегчение, – сообщает Коль, – он считал такое решение проблемы возможным; германские эксперты должны прибыть в Москву прямо завтра. Он полагал, что тем самым успешно завершен сложный этап [переговоров]. В конце чрезвычайно тяжелого [телефонного] разговора его как будто подменили – он сказал, что жмет мне руку” (S. 214).

Негоция с Горбачевым состоялась 10 сентября, а 11 сентября у немцев случился новый приступ головной боли.

Уже прибывший в Москву для подписания Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии министр иностранных дел Великобритании Дуглас Херд сообщил своим западным коллегам, что не поставит под ним своей подписи, поскольку Лондон считает необходимым обеспечить НАТО возможность проводить

маневры на территории бывшей ГДР после того, как оттуда уйдут советские войска. С большим трудом немцам удалось переубедить Лондон, и 12 сентября договор в согласованном ранее виде был все-таки подписан всеми шестью министрами иностранных дел (S. 214–215).

Одновременно министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер парafировал текст Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между ФРГ и СССР (“Большой договор”) сроком действия 20 лет, который будет подписан в Бонне 9 ноября 1990 г. Горбачевым и Колем уже в качестве канцлера единой Германии.

Коль следующим образом комментирует значение этого документа: “Договор содержит принципы широкого развития сотрудничества во всех областях, включая политику, экономику, науку и культуру, экологию, а также, не в последнюю очередь гуманитарные вопросы.

Он способствовал расширению встреч между людьми и обеспечил укрепление национальной, языковой и культурной идентичности немцев, проживающих в Советском Союзе; он предоставил нам возможность оказывать им помощь” (S. 216).

И здесь намерения придать “особый характер” отношениям с СССР опять-

* Согласно немецкой статистике, за три года (собственно вывод войск начался в конце 1991 г.) с территории ФРГ были выведены 338 000 военнослужащих, 170 000 лиц вольнонаемного состава, 124 000 единиц тяжелого вооружения и 700 000 т боеприпасов. Причем все это выводилось в “чистое поле”.

Но это лишь одна сторона дела.

За 50 лет пребывания на германской земле Группа, помимо своей прямой функции внушительной боевой силы с многочисленными аэродромами, танкодромами, полигонами, складами оружия и боеприпасов, стала также “государством в государстве” в цивильном смысле – по всей ГДР у нее были свои военные городки (по некоторым данным, около 800) с магазинами, детскими садами и школами, концертными залами и музеями, а также госпитали и больницы, подсобные хозяйства и ремонтные мастерские, своя радиостанция “Волга” и ежедневная газета.

В районах дислокации войск непрерывно что-то строилось, приводилось в порядок, обновлялось, реставрировалось. И теперь все это надо было вывести, причем было совершенно неясно куда.

таки не просматривается. Центр тяжести лежит в области обеспечения германских интересов.

По просочившимся в германскую печать сведениям, сразу после подписания “Большого договора” БНД (разведка ФРГ) совместно с ЦРУ начали операцию “Жираф”, состоявшую в спецобработке военнослужащих частей ЗГВ, которым непосредственно предстоял уход из Германии (немцы располагали точным графиком вывода войск).

В результате этой операции в руки секретных служб ФРГ и США попали свыше 500 образцов военной техники (например, приборы ночного видения) и секретных документов (в частности, использовавшиеся в ЗГВ шифры).

Эти “друзья” действовали по принципу: хочешь получить танк, предложи подержанные “Жигули”.

Часть деморализованных, утративших веру в будущее людей поддавались на посулы таких “благодетелей”.

После объединения двух Германий, (3 октября 1990 г.) и особенно после ратификации Верховным Советом СССР Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии (5 марта 1991 г.) советская тема в мемуарах Коля меняет свой характер.

Во-первых, личность Горбачева (и его политическая судьба) все более четко отделяется от участия возглавлявшейся им страны. Коль неоднократно называет Горбачева “человеком, без которого было бы невозможно германское единство” (S. 369), что в переводе на общепонятный язык означало перенос благодарности немцев за поддержку объединения Германии на условиях ФРГ с Советского Союза в целом на Горбачева лично.

Таким было и остается настроение всего политического класса ФРГ: при подчеркнутом восхищении Горбачевым и его личным вкладом в развитие

обстановки в Европе отношение немецких политиков к России никак нельзя назвать теплым.

Во-вторых, отныне от СССР Колю было нужно только одно – спокойное и в установленные минимальные сроки завершение вывода Западной группы войск, которое из-за недостатка времени сталкивалось с целым рядом проблем не только технического порядка.

Во избежание политических осложнений Коль считал нужным вербально поддерживать позитивный настрой горбачевского руководства СССР, не напрягая при этом германский бюджет. Москва продолжала нуждаться в финансовых вливаниях извне, но Коль под благовидными предлогами уклонялся от новых обязательств.

Он пишет: “Еще до ноября 1990 года мне стало совершенно ясно, что помочь советскому президенту только с германской стороны недостаточно” (S. 262). Коль стал предпринимать демонстративные усилия по организации совместной западной поддержки Горбачева, но к второму изданию “плана Маршалла” Запад оказался не готов.

Формально проект повторения “плана Маршалла” сорвала негативная позиция США и Японии: американский конгресс требовал в качестве предварительного условия отделения от СССР Прибалтики, а японцы добивались “возвращения” островов Курильской гряды. Кроме того, у всех преобладала мотивировка насчет того, что экономика СССР – бездонная бочка.

Царило настроение: Горбачев сделал свое дело, он может уходить; у всех свои заботы, и если Советский Союз рухнет, то на Западе никто не заплачет. Конференция семи ведущих индустриальных стран мира (“семерки”) в Лондоне (июль 1991 г.) ограничилась у становлением “особых отношений” СССР с Международным валютным фондом и Всемирным банком, а также обеща-

нием оказать точечную техническую помощь в энергетической и продовольственной сферах, при перепрофилировании ВПК и усилении безопасности советских АЭС (S. 352).

Однако ФРГ опасалась “преждевременной” кончины СССР, то есть его дезинтеграции до завершения вывода ЗГВ.

Коль вспоминает свое тогдашнее настроение: “Кто считает, что настал час уменьшить Советский Союз или, точнее, разрушить его, тот является ослом, потому что в конечном счете останутся одни развалины. Это было бы бесплодное разрушение, которое не служило бы миру.

Например, в таком случае было бы невозможно осуществить разоружение, так как было бы неизвестно, какая республика располагает каким оружием, в частности ядерным, и какие армии налицо. Кто сейчас делает ставку на развал Советского Союза, говорил я, угрожает миру. Это убеждение я одинаково открыто высказывал и в Германии, и в Европейских сообществах, и в американском сенате” (S. 346).

При этом Коль вовсе не был в принципе против раз渲а СССР, но это должно было произойти в “удобный” момент.

Он пишет: “Для меня право народов на самоопределение было высшей заповедью. Вопрос состоял лишь в том, как лучше реализовать его после многолетнего коммунистического господства” (S. 344).

Канцлер как бы намекал: дайте русским организованно уйти из Германии, а потом хоть трава не расти!

Немецкая озабоченность возросла после того, как Ельцин подтвердил в ноябре 1991 г., что находившиеся на пути к независимости Украина и Белоруссия не принимают более на своей территории солдат выводимых из Германии частей ЗГВ (S. 381). Уже тогда

только Российская Федерация выполняла условия соглашений с ФРГ о выводе советских войск.

Горбачев сохранил, видимо, кое-какие иллюзии относительно эффективности личных связей с Колем. 26 сентября 1990 г. президент СССР направил Колю письмо, в котором обратил его внимание на развернувшееся в Восточной Германии преследование бывших сотрудников партийных и государственных органов ГДР. В письме называлась цифра в 8000 чел., которым вменялись в вину “государственная измена”, “преступления против человечества” и “подрывная деятельность в пользу иностранного государства” (под ударом оказались члены руководства не только СЕПГ, но и так называемых “блоковых” партий).

Коль следующим образом излагает содержание обращения Горбачева: “Открытая или скрытая пропаганда антисоветизма и антикоммунизма несовместима с принципами добрососедства, которым мы оба привержены. Поэтому он хочет побудить меня найти средство умерить рвение тех, кто не прочь продлить «холодную войну» на внутригерманском фронте. Великий исторический сдвиг, который мы вместе инициировали, не должен быть омрачен «охотой на ведьм»; он должен быть увенчан гражданским миром также и у меня дома, в Германии”.

Экс-канцлер называет тон письма “необычайно резким” и высказывает предположение, что оно было подготовлено “бетонными головами” из ЦК КПСС – иначе-де нельзя было понять причин “такого вмешательства во внутренние дела” Германии. Коль решил не отвечать на письмо, отложив обсуждение затронутой в нем темы до следующей личной встречи с Горбачевым (S. 229–230).

Такая встреча состоялась в ноябре, когда президент СССР посетил ФРГ,

однако ни он, ни Коль не вспомнили о продолжающихся преследованиях людей, вся вина которых состояла в том, что они выполняли свой гражданский или союзнический долг по отношению к СССР. Зато оба политика перешли на “ты”.

Подводя итоги 1990 г., Коль хвалит прежде всего самого себя: “Когда еще был такой шанс за один единственный легислатурный период совершить дело столетия – германское единство и политическое объединение Европы! Помнить об этом нужно постоянно”.

СССР посвящены две фразы: “... Мы хотели, чтобы начатые президентом Горбачевым реформы в Советском Союзе были успешными. Немцы проявили перед лицом сложного положения в Советском Союзе большую готовность помочь”.

Далее следует упоминание о солидарности немцев с голодающим населением “третьего” мира: это-де также доказывает, что “благосостояние не привело к очерствению наших сердец” (S. 287–289).

Чуть позже, комментируя присуждение ему Советом Европы в апреле 1991 г. премии имени графа Куденхове-Каллерги, Коль вновь возвращается к теме СССР: “У наших исторических и культурных связей с такими проводящими реформы государствами, как Польша, Венгрия или ЧСФР, но также и с многими народами Советского Союза – как, например, прибалтами, – давняя традиция. Один из самых больших вызовов ближайших лет состоял в том, чтобы все больше и больше вовлекать Советский Союз в формирование будущего Европы. Однако путь в это совместное европейской будущее шел через уважение прав человека и право народов на самоопределение” (S. 333).

На практике эти высказывания означают лишь одно – СССР/России

предстоит подлаживаться под требования “победившего” Запада.

Красноречиво сравнение с данной одновременно Колем оценкой роли США: “Без неутомимого напряжения сил Америки и ее президентов от Гарри Трумэна до Джорджа Буша на протяжении более четырех десятилетий Германия не добилась бы вновь своего единства в условиях свободы” (S. 340).

Это полностью проясняет расстановку акцентов.

Коль своевременно сделал практические выводы из неоспоримого факта прогрессирующего процесса дезинтеграции Советского Союза, начавшегося параллельно с объединением Германии.

Уже в ходе бесед с Горбачевым (июль 1991 г.) он поставил вопрос о возможности приглашения в ФРГ его активнейшего внутриполитического оппонента – Б.Н.Ельцина.

По словам Коля, Горбачев “реагировал позитивно и высказал мнение, что это вполне может принести пользу, если при этом моя [Коля] позиция будет четко определена”. Коль обещал сообщить Ельцину свое мнение относительно того, что “у него будет шанс лишь в том случае, если он будет поддерживать перестройку. Кроме того, ситуация в Советском Союзе требует, чтобы Ельцин тесно сотрудничал с Горбачевым” (S. 346–347).

Однако приглашение в ФРГ придавало дополнительный вес и влияние главному гробокопателю СССР.

При известии об образовании в Москве ГКЧП 19 августа 1991 г. Коль немедленно обзвонил президентов США и Франции, а также премьер-министров Великобритании и Канады (одновременно состоялись его телефонные консультации с руководством Венгрии, Австрии и ЧСФР).

В результате от имени “четверки” было опубликовано обращение к “но-

вым руководителям” СССР, в котором содержался призыв (1) выполнять все международные договоры и соглашения, (2) соблюдать права человека и гражданина, (3) продолжить разоружение и контроль за вооружениями. Особое значение имел четвертый пункт обращения: “Мы подчеркиваем, что Советский Союз сможет рассчитывать на дальнейшую западную помощь только в том случае, если он выполнит эти предпосылки и продолжит политику демократизации и реформ”. (Заключительный, пятый пункт касался обеспечения личной безопасности Горбачева). (S. 364–365).

Если это не очевидный случай вмешательства во внутренние дела суверенного государства, да еще сопровождаемого открытым давлением, то придется признать, что слова утратили свой смысл.

“Большая” ФРГ почувствовала вкус к большой политике. Следующим ее шагом станет (декабрь 1991 г.) одностороннее признание независимости Хорватии и Словении, положившее начало разрушению СФРЮ и кровопролитной гражданской войне на Балканах. В свою очередь, военные действия в Югославии использовались для подготовки отказа от действовавшего ранее принципа неучастия ФРГ в конфликтах за пределами “зоны ответственности НАТО”.

Коль сообщает: “Много месяцев мы вели дискуссии о возросшей внешнеполитической ответственности Федеративной Республики”, и только в конце марта 1993 года канцлеру, наконец, удалось добиться решения своего коалиционного правительства участвовать в вооруженных акциях НАТО на территории бывшей Югославии (S. 564–565).

Примечание

¹ Helmut Kohl. Erinnerungen. 1990–1994. München, 2007.

“Демократическое мессианство” США на Ближнем Востоке

Александр Вавилов,
доктор исторических наук, профессор

От редакции. В статье проф. А.И.Вавилова рассматривается одна из профирирующих составляющих современной американской внешнеполитической доктрины, оказывающая далеко не однозначное влияние не только на обстановку в таком невралгическом узле мировой политики, как ближневосточный регион, но и на ситуацию в мире в целом. Учитывая актуальность данной проблемы, редакция публикует результаты ее исследования в двух номерах журнала.

Стремление США к доминированию на Ближнем Востоке, заметно усилившееся после распада Советского Союза, в новых условиях складывающейся многополярности на мировой арене потребовало соответствующей идеологической маскировки и благопристойной упаковки.

В этих целях использовался испытанный временем рычаг оказания странам региона безвозмездной финансово-экономической, военной и иной помощи.

Ее общий объем (без Ирака) в 2002–2006 гг. составил около 30,6 млрд. долл.; на 2007 г. было запланировано выделение еще около 5,3 млрд. Ираку на реализацию различных гражданских и военных проектов в 2003–2006 гг. было ассигновано около 29 млрд. долл., а в 2007 г. – еще порядка 1 млрд. долл.

Львиную долю помощи с конца 70-х годов прошлого века получали Израиль и Египет. Они, по замыслу Вашингтона, наряду с традиционными союзниками из зоны Персидского залива должны были стать сторонниками и проводниками военно-стратегического и политического курса США в регионе, гарантами его стабильности и безопасности и не в последнюю очередь – доступа к его богатейшим нефтегазовым ресурсам.

Остальные арабские страны пользовались американской щедростью на правах бедных родственников: в 2006 г. им было выделено 134,3 млн., а в 2007 г. было запланировано и того меньше – 102,3 млн.¹.

Однако в первом десятилетии нового века рычаги помощи нередко не срабатывают, страны-получатели все более отчетливо заявляют о своих собственных национальных интересах, часто расходящихся с интересами американцев.

В этом неблагоприятном контексте Вашингтону понадобился новый пропагандистско-доктринальный инструмент – образ “светлого будущего”, которое якобы грядет на Ближнем Востоке после его реконструкции по американским рецептам.

Военные операции в Ираке объявляются лишь первым этапом американской программы по перестройке всего региона на основе демократических реформ и экономической либерализации.

К прежним целям под новыми знамёнами

В 2002 г., в преддверии вторжения в Ирак, предвидя его негативный резонанс в арабском мире и стремясь его смягчировать, Вашингтон выступил с односторонней “инициативой ближневосточного партнерства”.

В 2003 г. началось создание соответствующей административной структуры: в ОАЭ и Тунисе были открыты субрегиональные центры соответственно для Ближнего Востока и Северной Африки.

В штаты посольств США в этих странах были введены дополнительные сотрудники, которые принялись за дело.

Главным предназначением центров, как показала практика, стало налаживание гуманитарных контактов, организация различных курсов и выставок, поездок журналистов и представителей общественности в США для изучения опыта демократии на месте.

На эти цели в 2006 г. было выделено 92 млн., а в 2007 г. – уже 120 млн. долл.².

Все бы хорошо, да силовые действия американцев и их союзников в регионе перечеркивали велеречивые построения их политиков и дипломатов, которые на поверку практикой оказывались пресловутыми “потемкинскими деревнями”.

Поэтому в региональной политике США к середине первого десятилетия нашего века форсированно зазвучал новый мотив – мотив “демократического мессианства” (ведь американская демократия – образец и пример для подражания всему миру), который активно перепевается в политической риторике и материалах СМИ.

Демократизация рассматривается Вашингтоном как эффективная форма противодействия террористической угрозе, так как, по мнению хозяина Белого дома, “в демократических странах не может быть предпосылок для проявления такого позорного явления нашего времени как терроризм”².

В качестве “эталона демократии” для арабских стран и Ирака в Белом доме мыслили пример Израиля, что лишний раз свидетельствовало о значительной схоластической оторванности американских стратегов и политиков от ближневосточных реалий.

Об их, по меньшей мере, странных логических построениях весьма четко можно судить по выступлению президента Дж.Буша перед преподавателями и слушателями Военно-морского колледжа в Ньюпорте (конец июня 2007 г.): “В Израиле на протяжении многих лет террористы-смертники убивают невинных людей, однако там построено демократическое общество. И это (!) является хорошим индикатором успеха, которого мы хотим добиться в Ираке³.

Как отмечала израильская “Гаарец”, которую трудно заподозрить в антипатиях к американцам, главный порок примитивной стратегии неоконсерваторов из Вашингтона по “демократизации” региона состоял в наивном убеждении, что после свержения авторитарного режима, будь то в Ираке или в любой другой стране, туда автоматически придет демократия⁴.

Политическая практика развеяла эти простенькие построения на песке

незнания конкретной действительности.

Впервые о реконструкции Ближнего Востока на американский манер речь зашла в выступлении президента в ноябре 2003 г. в Национальном фонде демократии. В ежегодном обращении к нации 20 января 2004 г. под влиянием обстановки в Ираке он развивает “демократический посыл”, делая его более адресным и воинственным.

“До тех пор, – сказал он, – пока Ближний Восток останется во власти тирании, отчаяния и злобы, он будет порождать людей и движения, угрожающие безопасности Америки и наших друзей. Поэтому Америка будет осуществлять стратегию свободы на Ближнем Востоке. Мы бросим вызов врагам реформы”⁵.

Вызов бросить оказалось не так-то просто.

Уже через месяц администрация США делает “географическое открытие”, сообщая миру о существовании такого немаленького ареала, как Большой Ближний Восток, который якобы простирается от берегов Атлантики до Пакистана, прихватывая попутно на севере постсоветскую Среднюю Азию. При этом Америка как бастион демократии вместе со своими европейскими союзниками и НАТО “естественно” должна помочь странам и народам этого обширного и весьма эклектично-умозрительного, изобретенного в Вашингтоне образования прийти к демократии, разумеется, по американским меркам.

Игры в географию, как показал последующий исторический опыт, преследовали две далеко идущие цели:

1. Поставить сконструированный обширный геостратегический массив, по сути совпавший с пресловутой “дугой нестабильности” З.Бжезинского, под американский контроль, покончить где силой, а где блокадой и “демократизацией” с режимами-“возму-

тителями спокойствия”, обеспечив, таким образом, безопасность американских, а с ними и израильских интересов.

2. Упрочить американские позиции в крупнейшей в мире кладовой энергоресурсов.

Что же конкретно предлагали США своим союзникам по реформированию такого обширного и разнородного образования?

Весьма расплывчатые и трудно решаемые задачи. Вместо конкретного участия в искоренении бедности, угнетения и бесправия как одних из главных причин, порождающих терроризм, американцы считали необходимым:

1. Техническое содействие проведению свободных выборов (комиссии по наблюдению и проч.).

2. Создание образовательных центров для женщин, желающих участвовать в выборах или в работе неправительственных организаций (НПО).

3. Оказание поддержки НПО.

4. Сокращение к 2010 г. вдвое доли неграмотных, подготовка к 2008 г. 100 тыс. учителей, расширение доступа населения к компьютерам, рассылка учебников в школы.

5. Высвобождение потенциала частного сектора за счет предоставления микрофинансирования (до 400 долл. в одни руки).

6. Создание Банка развития ББВ.

В Москве без труда смогли распознать главный порок “демократизации по-американски” – попытки Вашингтона “не мытьем, так катанием” навязать свое видение нового мироустройства с доминированием США, “научить” другие страны жить по чужим рецептам.

“Мне не очень понятно, – отмечал в феврале 2007 г. в беседе с журналистами популярного общеарабского телеканала “Аль-Джазира” Президент В.В.Путин, – почему некоторые наши партнеры возвращаются к ситуации,

при которой они считают себя умнее, цивилизованнее, считают себя вправе навязывать свои стандарты в чем-то... А ведь стандарты, которые навязывают со стороны, в том числе и в регионе

Ближнего Востока, если они навязываются извне, а не вызваны естественным развитием самого общества изнутри, приводят только к трагедии. Лучший пример тому – Ирак”⁶.

Настороженность “демократизируемых”

Новость о ББВ* застала автора в Тунисе, дипломатические круги которого встретили ее с явным недоумением, а некоторые и с усмешкой. Да и сами американцы-арабисты, работавшие в то время в посольстве США, давали маловразумительные толкования этого нововведения. Реакция в других арабских странах на намерения американских учителей демократии поделиться своим опытом была, по меньшей мере, настороженной.

В столицах “вновь образованного региона” с недоумением отметили, что, выдвигая свою инициативу, Вашингтон (по своему обыкновению) даже не удосужился предварительно проконсультироваться или хотя бы поставить в известность тех, кого она непосредственно “благодетельствовала”. О каком “партнерстве” при таком великолепно-державном подходе могла идти речь?

Большинство арабских стран вполне естественно расценило американскую благотворительность как вмешательство во внутренние дела региона. Лишь Израиль выступил в ее поддержку.

Во время визита в Саудовскую Аравию (конец февраля 2004 г.) президент Египта Х.Мубарак публично выразил обоснованные опасения, что “навязывание реформ, несовместимых с особенностями населения региона может привести к хаосу, наподобие иракского”.

А Генсек ЛАГ А.Муса подчеркнул, что американская инициатива обходит сторо-

ной “главные региональные досье – Палестину и Ирак, что может отрицательно сказаться на стабильности в регионе”.

Разделяя эти опасения, руководители Египта и Саудовской Аравии в коммюнике по итогам переговоров Х.Мубарака в Эр-Рияде записали, что “не приемлют каких-либо реформ, навязываемых извне арабским и мусульманским странам”.

Такая позиция была зафиксирована после обстоятельных предварительных консультаций египетского президента с руководителями Турции, Йемена и стран Персидского залива.

Отражая общеарабский настрой, участники встречи в саудовской столице напомнили (в который раз!) о “необходимости найти справедливые решения проблемам арабов и исламской нации и, прежде всего, палестинской”.

Таким образом, все акценты и приоритеты положения в регионе были возвращены на свои исторически обоснованные места. В формулировках саудо-египетского коммюнике сквозили опасения руководителей ведущих арабских стран относительно склонности США решать все проблемы региона по собственному произволу, на иракский манер.

Египетская газета “Аль-Ахрам” высказалась еще определеннее без дипломатического флерса, осудив “новый колониализм, который подобно прежнему говорит о своем желании научить нас демократии и прогрессу...по проекту, нацеленному на

* В нашей литературе встречается еще более громоздкая аббревиатура – РБВСА – “Расширенный Ближний Восток и Северная Африка”.

навязывание региону американо-британского мандата".

Аналогичную оценку американская заявя с Большим Ближним Востоком получила в саудовской газете "Аль-Джазира", которая охарактеризовала ее, как "абсолютно далекую от специфики арабских обществ и их культуры". По ее мнению, несмотря на красивые слова, вроде "демократии", "прав человека", "речь может

идти лишь о варианте и хитроумном способе реализовать неоколониализм, стремление единолично господствовать в мире и увековечить монополярность⁷.

Для большей доходчивости президент Йемена А.А.Салех, комментируя идею ББВ на пресс-конференции в Сане, прибег к фольклорно-образной формуле: "Нам следует обриться наголо, прежде чем они (американцы) станут нас причесывать"⁵.

Осторожная реакция в мире

Реакция европейцев на новшества из Вашингтона также не отличалась энтузиазмом.

В кругах ЕС его заподозрили в стремлении переложить на Евросоюз и НАТО тяготы американской политики на Ближнем Востоке (тем более, что свои финансовые обязательства по реализации идеи реформирования ББВ ее инициаторы определять не спешили) и разделить с ним и Североатлантическим пактом ответственность за ее провалы.

В прохладном и скептическом отношении европейцев, особенно французов, также прослеживались их традиционные опасения конкуренции американцев в Восточном и Южном Средиземноморье, со странами которого у них расширялись отношения в рамках договоренностей, достигнутых в Барселоне в 1995 г. (так называемый Барселонский процесс).

Политические обозреватели и аналитики в Европе, оценивая идею ББВ, отмечали предстоявшие трудности в ее реализации, поскольку "в одну повозку впрячь не можно коня и трепетную лань", и предрекали неудачу намерению американских стратегов построить "демократию под ключ" по одному проекту для таких разнородных стран, включенных в ББВ, как Мавритания и Афганистан⁸.

Несмотря на отмеченные оговорки и прямое несогласие многих влиятель-

ных государств региона (Кувейт, Саудовская Аравия, Египет, Тунис и ряд других ближневосточных стран воздержались от участия) концепция реформирования ББВ была принята в июне 2004 г. на саммите "большой восьмерки" в Си-Айленде (США) к реализации документа "Партнерство во имя прогресса и общего будущего с регионом Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки", а также подробного "Плана поддержки реформ", отражающего в основном перечисленные выше американские инициативы.

Для постоянного диалога и консультаций было решено периодически созывать "Форум для будущего" на уровне министров иностранных дел, экономики и других министерств.

Следует отметить, что, по настоянию арабских и европейских стран, в том числе и России, в главный документ был внесен важный пункт о том, что помочь "большой восьмерки" в проведении реформ на Ближнем Востоке должна оказываться параллельно с ее содействием мирному урегулированию арабо-израильского конфликта на основе резолюций Совета Безопасности ООН №№ 242, 338, 425 и "дорожной карты". Таким образом, первонаучальный американский план был существенно дополнен и актуализирован.

Коллективный характер партнерства в рамках "восьмерки" несколько

ослабил настороженность арабских стран к этой первоначально американской инициативе.

Однако их опасения относительно нежелательного внешнего воздействия на непростой процесс внутренних реформ полностью сняты не были.

Показательно, что большинство арабских государств отказалось поддержать принятую Форумом на сессии в Манаме (ноябрь 2005 г.) “Бахрейнскую декларацию”, предусматривавшую, в частности, оказание финансовой помощи неправительственным организациям, из опасений возможного вмешательства в свои внутренние дела.

Отметим, что позиция арабов в отношении иностранного финансирования НПО была во многом созвучна российской.

Видимо, с учетом такой болезненной реакции при обсуждении тематики ББВ (РБВСА) на саммите “восьмерки” в Санкт-Петербурге (июнь 2006 г.) акцент был сделан на том, что основой сотрудничества со странами региона является “равноправный диалог в духе взаимного уважения культурных и религиозных особенностей, социального уклада, традиций”⁹.

Продвижение партнерства на основе коллективных усилий стран “восьмерки” стало одним из приоритетов современной российской политики на Ближнем Востоке.

Как заявил (ноябрь 2006 г.) министр иностранных дел РФ С.В.Лавров, выступая в качестве сопредседателя третьей сессии “Форума для будущего” в Аммане, “цель заключается в том, чтобы помочь в создании благоприятных условий для устойчивого развития стран Ближнего Востока и Северной Африки по всем направлениям:

- в экономике, включая энергетику;
- в социальной сфере;
- в области образования;

– в укреплении демократии.

При этом крайне важно учитывать объективную реальность: универсальные демократические принципы реализуются в каждой стране по-своему, исходя из ее традиций, исторического опыта, национальных особенностей. Только в таком случае внешнее воздействие может реально способствовать устойчивому развитию, продвижению диалога конфессий и культур, формированию межцивилизационного согласия, снижению все еще крайне высокого потенциала конфликтности”¹⁰.

Практика партнерства по-американски показала, что эти акценты в реализации программы содействия странам РБВСА были отнюдь не лишними.

Как отмечает российский исследователь Е.С.Мелкумян, члены “восьмерки”, принимая данную программу осознавали, что в ней не шла речь о структурных сдвигах в экономике изобретенного американцами региона и что “изменения в РБВСА произойдут только после прихода к власти следующего поколения, которое будет разделять общечеловеческие ценности и воспринимать себя как часть мирового общества”¹¹.

Американская практика в странах РБВСА отнюдь не способствовала формированию такого “нового мышления” у молодого поколения местных лидеров. Скорее наоборот, она вела к их отчуждению от Запада и упрочению чувства “осажденной крепости под нацистским новым крестоносцем”, согласно популярной риторике исламистских радикалов.

Действующие же руководители арабских стран сочли целесообразным на саммите ЛАГ в Тунисе (май 2004 г.) откликнуться на американскую инициативу своим документом “Путь развития, обновления и реформ”, в котором затвердили главную и весьма реалистичную позицию – при осуществлении

реформ необходимо руководствоваться общемировым опытом, но не сбрасывать со счетов традиции арабского общества (выделено – Авт.).

Одновременно в качестве непременного условия успеха преобразований была выдвинута задача скорейшего достижения справедливого и долгосрочного урегулирования ближневосточной и других региональных проблем.

Таким образом, члены ЛАГ заняли весьма гибкую и взвешенную позицию: соглашаясь с консенсусом “восьмерки” о необходимости реформ, они выразили готовность проводить их с опорой на собственный опыт и с учетом своей специфики.

Как видно, российский взвешенный подход к партнерству “восьмерки” с РБВСА перекликался с арабским и был акцентирован официальным представителем МИД РФ М.Л.Камынином (ноябрь 2006 г.): “Процесс преобразований в регионе Ближнего Востока и Северной Африки должен проходить с учетом приоритетов самих стран и их народов, на сугубо добровольной основе и в духе диалога цивилизаций.

Успех процесса реформирования и модернизации, а также экономическое благополучие и процветание стран РБВСА во многом зависит от того, будут ли прилагаться последовательные усилия для разрешения региональных конфликтов, в центре которых – арабоизраильское противостояние”¹².

Выступая на закрытии министерского заседания “Форума для будущего” в Аммане, С.В.Лавров выделил главные проблемы с реформированием региона: “Практика последних лет наглядно показала, что без продвижения

в решении тяжелейших проблем, связанных с неурегулированностью арабоизраильского конфликта, без выправления ситуации на палестинских территориях, в Ливане, Ираке, Афганистане демократические процессы будут носить ущербный и однобокий характер. Дополнительный дестабилизирующий фактор – все более реальная опасность распространения ОМУ на Ближнем и Среднем Востоке, продолжающиеся всплески экстремизма, использования террористических методов”.

Американская же политика в регионе вела не к устраниению, а к нагромождению подобных опасных препятствий на пути реформ.

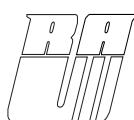
“Отсюда главный вывод, – подытожил министр, – мир в регионе должен носить всеобъемлющий характер, гарантировать всем вовлеченым сторонам справедливое долговременное решение, основывающееся на прочном правовом фундаменте и обеспечении общепринятых гуманитарных и иных норм, без каких либо двойных стандартов. Иначе ближневосточные конфликты будут разгораться все сильнее, что ставит под сомнение саму идею модернизации и проведения реформ”¹⁰.

Такая реалистичная и взвешенная позиция России, накопившей за столетия огромный опыт мирного, взаимоуважительного и плодотворного общения со странами региона, да и сама логика развития обстановки побудила США и других членов “восьмерки” несколько модифицировать свои подходы к “партнерству”, отказаться, хотя бы на словах, от навязывания странам РБВСА своих моделей и рецептов реформирования их политической, социальной и экономической жизни.

Примечания

¹ Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (29 января – 4 февраля 2007 г.) // www.iimes.ru

- ² Цит. по: *Волович А.А.* О планах демократизации Ближнего Востока // www.iimes.ru
- ³ ИТАР-ТАСС. 2007. 29 июня.
- ⁴ Haaretz. 2007. 14 июня.
- ⁵ Le Monde. 2004. 27 февраля.
- ⁶ www.kremlin.ru.10.02.07
- ⁷ Косач Г.Г. Визит российского президента: первые комментарии саудовской прессы. 2007. Февраль // www.iimes.ru
- ⁸ Цит.по: *Волович А.А.* О планах демократизации Ближнего Востока // www.iimes.ru
- ⁹ Цит. по: *Подщероб А.Б.* Арабский мир – способен ли он реформироваться? // www.iimes.ru
- ¹⁰ www.mid.ru. 2006. 01 декабря.
- ¹¹ МЭ и МО. 2006. № 10. С. 89.
- ¹² www.mid.ru. 2006. 27 ноября.

БОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail:observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2008 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2008 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Национально-государственные модели психологического управления конфликтами

Андрей Манойло,
кандидат физико-математических наук

В настоящее время в мире одновременно возникает, проходит все ступени эскалации и угасает достаточно большое количество самых разнообразных политических конфликтов, внутренних и внешних, различных по своим масштабам и охватывающих различные территории, этносы, социальные и политические страты, политические системы.

С каждым новым конфликтом, перешедшим в институциональную стадию в результате политической деятельности по его урегулированию, накапливается опыт воздействия на современные конфликты для недопущения их перехода в разрушительную для общества стадию.

В настоящее время различные страны объединяют свои усилия по урегулированию международных конфликтов, действуют различные международные институты, играющие в разрешении конфликтов роль третьей стороны.

Однако, несмотря на достаточно большой накопленный опыт, количество современных конфликтов не снижается, а даже, по некоторым данным, растет с той скоростью, с которой динамично развивается и одновременно усложняется система социально-политических отношений современного общества.

Существующие сегодня модели, способы и методы воздействия на конфликтные ситуации имеют достаточно четко выраженные национальные и государственные особенности.

Считается, что государственные отличия в технологиях урегулирования современных конфликтов связаны с типом политической системы государства, вовлеченного в конфликт, которая диктует определенную тактику политического реагирования на конфликтную ситуацию.

Национальные отличия связаны, в первую очередь, с основанном на менталитете политическом мировоззрении наций и этнических групп, составляющих население страны, с принятыми и укоренившимися в рамках этнических групп правилами социально-политического поведения, с национальными социально-культурными традициями урегулирования конфликтов, закрепленными в глубинных пси-

хологических архетипах, с историческим опытом взаимодействия (в том числе – конфликтного), с иными этническими общностями.

Рассмотрим не отличия вообще, а только те из них, которые возникают при применении субъектами международных отношений технологий информационно-психологического воздействия на конфликтную ситуацию.

При анализе различных моделей воздействия на конфликтную ситуацию наиболее просто выделить **межгосударственные отличия**.

Указывая на различные межгосударственные подходы к управлению и урегулированию современных конфликтов, исследователи в основном опираются на *положения социальной конфликтологии*, в разработку которых внесли значительный вклад Г.Зиммель, Р.Дарендорф, Л.Козер.

Этот классический подход, основанный на разделении государственных систем на системы “открытого” (демократического) и “закрытого” (тоталитарного, авторитарного) типа, широко используется и в настоящее время, несмотря на то, что это деление условно и в современном мире уже нет ни четко выраженных государств “закрытого” типа, ни абсолютно демократических “открытых” политических систем.

Л. Козер указывает, что позитивная или негативная роль конфликта сопряжена как с предметом противоборства, так и с типом социальной структуры¹.

Типы конфликтов и типы социальных структур взаимосвязаны.

Социальные системы, отличающиеся тесными внутренними взаимосвязями, значительной частотой интеракций и высоким уровнем личной ответственности, имеют тенденцию к подавлению конфликтов. Однако, если в такой системе конфликт все же возникает, он протекает особенно остро и зачастую имеет разрушительные последствия.

В социальных системах с частичным индивидуальным участием вероятность разрушительного действия конфликта уменьшается. Для социальных

систем такого рода характерна множественность конфликтных ситуаций. Энергия индивидов оказывается распыленной в самых разных направлениях, что мешает ее концентрации на уровне одной взрывоопасной ситуации, чреватой расколом всей системы.

В зависимости от типа социально-политической структуры можно выделить два важнейших механизма обеспечения стабильности (сохранения структуры социальной системы от разрушительного влияния конфликтов):

- подавление конфликтного потенциала в структурах “жесткого” типа (“закрытых” обществах);
- приспособление к конфликтам и использование их в качестве сигнальной системы в обществах “открытого” типа.

“Супероткрытые” Соединенные Штаты, активно экспортирующие демократию в различные страны мира, гибко сочетают грубую военную силу (Сомали, Югославия², Афганистан, Ирак, шантаж Ирана и т.д.) с мягким воздействием политических технологий (например, так называемые бархатные революции).

Политическим кругам США не чужд и откровенно имперский подход: как заявил Уильям Кристол, главный редактор журнала *“The Weekly Standard”*: “Если люди хотят считать нас империей – пожалуйста”³.

В силу этих причин данный подход можно рассматривать лишь как первое приближение в классификации межгосударственных отличий воздействия на современные конфликты.

Межгосударственные различия в моделях и способах воздействия на конфликтную ситуацию лежат, в первую очередь, в *политическом курсе*, ко-

торый государство последовательно проводит в отношениях с другими субъектами внешней политики, особенно – в его относительной миролюбивости или агрессивности. Политический курс государства формирует правящая элита. При этом сам курс может не только не совпадать с декларируемыми демократическим обществом гуманистическими принципами, но и существенно идти вразрез с ними: в США администрация Дж.Буша-мл. последовательно ведет агрессивный курс, направленный на безусловное силовое подчинение США других государств и их союзов, несмотря на то, что абсолютное большинство населения страны его не одобряет.

Таким образом, в современных условиях “открытое” государство может проводить на международной арене жесткую силовую линию на подавление конфликтов и любых протестных движений вообще, а традиционно считавшиеся “закрытыми” общества (например, так называемые “страны-изгои”) могут демонстрировать способность достаточно гибко менять свой политический кус, приспосабливаясь к условиям конфликта.

Второй важнейший фактор, имеющий отношение именно к межгосударственным особенностям информационно-психологического воздействия на конфликт, – это *уровень развития национальных информационно-психологических технологий*, способность государств самостоятельно разрабатывать эти технологии и апробировать в реальных международных конфликтах, используя современные конфликты как полигон в технологической цепочке производства, тестирования и совершенствования таких дорогостоящих продуктов, которыми являются современные технологии информационно-психологического воздействия на массовое и индивидуальное сознание.

Рассматривая первый критерий (политический курс), можно утверждать, что, в целом, множество тактических комбинаций, наблюдавшихся в реагировании государств на конфликтные ситуации, возможно сгруппировать в три основные группы:

- политические комбинации, применяемые к конфликтам государствами, ведущими активную внешнюю экспансионистскую политику;
- политические комбинации, применяемые к конфликтам государствами, стремящимися поддерживать существующий баланс сил, допуская его незначительные колебания относительно положения равновесия;
- политические комбинации, применяемые в отношении конфликтов государствами, политическое положение которых на международной арене изменяется не в лучшую сторону в результате нарушения существующего баланса сил государством-агрессором.

В этот перечень не включены государства, политический курс которых лежит в кильватере одного из мировых лидеров (например, США), так как в этом случае между ними межгосударственных отличий в реагировании на конфликтную ситуацию практически быть не может.

В первом случае государство-агрессор независимо от того, насколько оно тоталитарно или демократично, применяет следующую модель поведения:

- в сфере geopolитических интересов государства-агрессора происходит инициация множества мелких политических и этнических конфликтов, которые создают политический хаос, расшатывают, дискредитируют или понижают роль политических институтов, поддерживающих политическую стабильность, дробя и поляризуя разнонаправленные политические силы, вов-

лекают в свою сферу сторонних участников;

– государство-агрессор приходит в образовавшийся политический вакuum в роли единственного арбитра, используя технологии информационно-психологического воздействия для управления полем политических конфликтов.

Примером такой модели поведения может служить роль США в Югославском конфликте, в результате которого возник очаг нестабильности в самом центре Европы (причем возник надолго), а Европейский союз, только образовавшись, сразу оказался втянутым в искусственно инициированный острый этнополитический конфликт.

Здесь стоит выделить несколько особенностей:

– государство-агрессор не заинтересовано в урегулировании всех возникающих политических конфликтов: многие конфликты просто не представляют для него прямой угрозы, а любые другие рассматриваются как объект политического управления и инструмент политического воздействия как на конкурентов, так и на союзников;

– концепция управления конфликтами перестает эффективно работать, если нет множественности: единичные конфликты даже в случае эскалации не обладают потенциалом, достаточным для политической дезорганизации; кроме того, чем больше конфликтов, тем больше инструментов политического воздействия;

– политические конфликты удобны для маскировки применения технологий информационно-психологической войны.

В отношении роли и места технологий информационно-психологического воздействия в моделях реагирования государства-агрессора на конфликтную ситуацию, можно отметить следующее:

– как технологии управления конфликтами, в основе которых лежит за-

падная идеология “*Crisis management*”, так и технологии создания управляемого политического хаоса основаны на использовании комплексных технологий информационно-психологического воздействия на массовое и индивидуальное сознание населения в зонах конфликтов, однако, преимущественная цель их применения – урегулирование конфликта на условиях агрессора;

– на практике технологии информационно-психологического воздействия для урегулирования конфликтов применяются агрессором только в том случае, когда либо цели агрессии достигнуты, либо конфликт как инструмент политического управления полностью выработался и утратил свою практическую ценность.

В о втором случае государство, стремящееся поддержать существующий политический баланс, в целом, придерживается следующей модели поведения:

– превратить политический конфликт и протекающие в нем деструктивные процессы в институализированный политический процесс, то есть встроить преобразованный конфликт в политическую систему региона, в котором он возник, таким образом, как если бы этот конфликтный процесс присутствовал в ней изначально (в регионах с нестабильной обстановкой политическая система непрерывно меняется, и то, что еще вчера было причиной конфликта, завтра может стать обычной особенностью политической организации общества);

– увязать политический конфликт с другими процессами в регионе, относительно политически стабильными, обеспечив таким образом взаимоисогласованное их изменение со скоростью, не превышающей скорость протекания стабильных политических процессов;

– ввести в поле конфликта соблюдаемые всеми сторонами конфликта правила политической игры, исключив скатывание к политическому хаосу, пусть даже – управляемому;

– поставить конфликт под контроль международных организаций, превратив их в официальных посредников в урегулировании конфликта и избежав тем самым прямого конфликта с интересами агрессора или иного доминанта в регионе.

Все эти цели невозможно решить военным путем особенно в условиях, если конфликт еще не перешел в стадию открытого вооруженного столкновения, но близок к этому. Да это и политически нецелесообразно, особенно для государств, не обладающих сокрушительной военной мощью.

Однако именно эта категория государств является основным субъектом международной политики, отдающим приоритет использованию информационно-психологических технологий для воздействия на конфликтную ситуацию, в том числе для урегулирования политических конфликтов.

Для того, чтобы изменить направление эволюции конфликта, необходимо провести психологическую коррекцию сознания населения в зонах конфликтов, вычистив или заместив в нем внедренные ранее манипулятивные стереотипы, идеологические установки, “якорные” ассоциации, обеспечивающие добровольное подчинение экстремистским силам.

Все это возможно только с помощью технологий информационно-психологического воздействия на массовое и индивидуальное сознание, на способность обеспечить коммуникативную цепочку и донесение до сознания каждого участника конфликта ценостной информации как через каналы медиавещания, так и через выстраиваемую цепочку межличностной, внутригрупп-

повой, межстратовой сетевой коммуникации.

В основном этот эффект достигается за счет создания в сознании населения определенного образа конфликта, отличного от того, который формирует официальная идеология экстремистов, развязавших конфликт. Образ конфликта может заметно отличаться от реального положения дел, но формируемая им в сознании мотивация и порождает ту политическую активность населения, которая может выйти из под контроля экстремистов и создать условия для стабилизации ситуации.

Примером такой тактики можно рассматривать политику России на Балканах; операции, проводимые спецслужбами стран ЕС в Косово (Бельгией, Францией, Норвегией); позицию Франции и Германии при вторжении США в Ирак и др.

Главной особенностью государственной политики рассматриваемой категории стран в отношении моделей психологического воздействия на конфликтную ситуацию является то, что информационно-психологические технологии применяются данной группой государств именно для урегулирования политических конфликтов в отличие от государств первой группы, ведущих активную экспансионистскую политику.

В третьем случае государства, политическое положение которых нестабильно, в том числе в результате возникновения конфликта на их территории или вблизи границ, в целом ведут себя следующим образом:

– возникновение конфликта и связанный с этим дефицит времени и материальных средств приводит к тому, что основные усилия бывают направлены на прямое противодействие конфликту и оказание сопротивления попыткам его разрастания, об управлении конфликтом в этих условиях, как правило, речи быть не может;

– из технологий информационно-психологического воздействия используются, как правило, наиболее простые и не требующие долгой предварительной подготовки методы: в основном, это политическая пропаганда, слухи, дезинформация;

– выбросы информации осуществляются не на все категории населения, а только на лидеров мнений и их окружение, то есть точечно (на массированную обработку не хватает ресурсов);

– тонкие многоходовые комбинации с применением технологий психологического воздействия строятся только в отношении потенциальных союзников, их населения и руководства международных организаций, способных выполнять посреднические функции;

– при прямой угрозе вооруженной агрессии возможно применение принципов информационного сдерживания, от демонстрации различных угрожающих действий до применения психологических приемов государственного шантажа (например, КНДР, угроза применения ядерного оружия).

Что касается второго фактора – способности государств самостоятельно разрабатывать технологии информационно-психологического воздействия и апробировать их в реальных

международных конфликтах, – то здесь можно отметить, что сегодня в условиях формирования рынка технологий психологического воздействия выстраивается следующая цепочка: ведущие страны-разработчики (такие как США, КНР) создают психологические технологии (поскольку обладают достаточным объемом средств и интеллектуальным потенциалом для их производства), апробируют их в реальных конфликтах (которые сами же инициируют) и затем как коммерческий продукт продают третьим странам.

Многократная тиражируемость современных технологий информационно-психологического воздействия обеспечивает их относительную дешевизну и гарантированный сбыт странам, стремящимся иметь возможность дать асимметричный ответ на притязания соседей. Страны, которые не в состоянии разрабатывать или приобретать такие технологии, вынуждены в психологическом воздействии на конфликтные ситуации обходиться вообще без технологического уровня организации, ограничиваясь отдельными способами и приемами информационно-психологического воздействия. Вероятно, технологический отрыв стран-разработчиков от потребителей этой продукции со временем будет только возрастать.

Примечания

¹ Козер Л.А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А.Назаровой; Под общ. ред. Л.Г.Ионина. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 34–39, 52–60.

² Штолль В.В. Роль и место НАТО в системе европейской и международной безопасности в условиях глобализации. М.:Научная книга, 2006. С. 17–32.

³ Най Дж. После Ирака: мощь и стратегия США // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. Июль – Сентябрь. www.globalaffairs.ru

Китайская дипломатия: стратегия или тактика?

Александр Задохин,
доктор политических наук, профессор

В текущем году есть смысл проанализировать на системном уровне итоги провозглашенного руководством Китая на декабрьском 1978 г. пленуме ЦК КПК нового курса национального развития страны в области внутренней и внешней политики.

За три десятилетия его реализации своими успехами и растущим международным авторитетом Китай не только привлекал внимание специалистов-международников и российских политиков, но и косвенно поощрял к использованию китайского опыта.

Очевидно, что в условиях напряженных отношений со странами Запада, Китай и в целом страны Востока в современном российском национальном сознании предстают в образе “антитезы Западу”. Более того, высказываются, подобно некоторым русским мыслителям XIX в. предложения использовать Китай, как соратника в противостоянии Западу.

Существуют в российской политологической и исторической научной среде и противоположные точки зрения.

В этой связи можно порекомендовать для прочтения монографию науч-

ного сотрудника Дипломатической академии МИД России А.А.Волоховой “Основы китайской дипломатии”, посвященную китайской дипломатии новейшего времени, которая может помочь понять стратегию и тактику внешней политики современного Китая.

Политические официальные декларации, следуя традициям дипломатического протокола, полны оптимизма. Несколько сдержанную, а то и противоположную позицию, занимают специалисты по Китаю. Очевидно, у них есть для этого основания. Тем не менее, со своей стороны, не будем подвергать сомнению официальное российско-китайское “стратегическое партнерство”, очевидно, что речь лишь идет о тактике дипломатии в поддержании стратегического баланса интересов. И здесь можно было бы обратиться к китайскому опыту.

Как представляется, известный ориенталист – тонкий специалист по истории и современной внешней политике Китая А.А.Волохова написала весьма удачную монографию, в которой описывает основы и эволюцию китайской дипломатии новейшего времени.

Автор монографии, не втягиваясь в дискуссию политиков и исследователей, сосредотачивается на анализе “генеральной линии” внешней политики нашего соседа. Небольшой объем публикации и избранная концепция изложения дают благоприятную возможность проследить эволюцию известной концепции “пяти принципов мирного сосуществования”, которая и по сей день считается основой стратегии и дипломатии Китая. При всех колебаниях внутреннего курса и смене руководства наблюдалась последовательная приверженность избранной концепции.

Безусловно, “пять принципов мирного сосуществования” дополнялись и претерпевали свое развитие, но суть оставалась – мирное сосуществование. Правда, в 90-е годы, как пишет автор, “китайские политологи предлагали дополнить «пять принципов мирного сосуществования» «принципами борьбы с гегемонизмом»”. Но эти попытки не нашли поддержки на официальном уровне (С. 136).

Очевидно, это объясняет тот факт, почему в монографии практически не затрагиваются американская или российская темы. Хотя, безусловно, отношения с этими двумя великими державами имели важное значение для национальной безопасности Китая.

Но это не упущение автора.

Дело в том, что, как можно судить из текста монографии, современное китайское государство по-прежнему ощущает себя Срединной империей. И в этом контексте geopolитические фигуры не имеют стратегического значения для Большой китайской Дипломатии.

Это можно оспаривать фактологическими деталями и уточнениями, но важен результат последовательного внешнеполитического национального курса: отношения Китая с другими странами в целом только улучшались, каких-либо особых провалов не было,

если не считать “культурно-революционных истерик”.

Можно утверждать и то, что вряд ли кто сейчас скажет, что Китай проиграл “холодную” войну.

При всех изменениях международного климата “китайский караван” шел своей мерной поступью. И не США или какое-то другое государство улучшало отношение с Китаем, а он допускал это улучшение. В этом проявляется уверенность Китая в своей са-модостаточности.

А.А.Волохова обращает наше внимание на то, что это позволяет китайским политологам, с одной стороны, претендовать на утверждение, что “пять принципов мирного сосуществования” могут стать основой международного порядка, а то и “нормой для всех наций” после окончания “холодной” войны, а с другой – китайские элиты убеждены, что роль Китая изменилась в мировой экономической и политической системе – он стал действительно великой державой. Соответственно, и вполне логично, чтобы великая держава формировала и будущие теоретические, идеологические основы окружающего мира.

В монографии отмечается, что новые внешнеполитические концепции и подходы китайской дипломатии политологи нередко склонны рассматривать как развитие и дополнение к “пяти принципам мирного сосуществования”, сердцевиной которых являются взаимное доверие, взаимная выгода, равенство и сотрудничество. Речь идет и о концепции глобального управления или глобального соуправления. И здесь имеется в виду не только популярная среди российских политиков и ученых идея “многополярного мира”, а нечто большее.

В монографии также отмечается, что в Китае есть те, кто считает, что, “глобальное самоуправление должно

строиться на основе многостороннего сотрудничества, в рамках которого власть, ранее монополизируемая государствами, может все в большей мере переходить к “гармоническому обществу” (С. 135).

Более того, говоря об эволюции внешнеполитического мировоззрения китайских политических элит на рубеже веков, А.А.Волохова цитирует экс-посла КНР в Польше и Индии Пэй Юаньин, который считает, что в отдельных случаях суверенитет может быть передан соответствующим международным организациям, но только на добровольных началах и на основе взаимной выгоды. По мнению Пэй Юаньин, “передача суверенитета не означает ущемления суверенитета, это путь, идя по которому страны могут использовать свой суверенитет” (С. 136).

Другими словами, став великой экономической державой, Китай настолько уверенно чувствует себя в международных структурах, что готов принимать условия ВТО, а, являясь еще и великой политической державой, готов участвовать и в глобальном самоуправлении даже не являясь “суверенной демократией”.

Как представляется, экономика Китая и теоретические изыскания национальных политологов свидетельствуют о том, что Поднебесная, демонстрируя своими успехами еще одну модель модернизации, претендует и на альтернативную Западу модель развития мира и его международного порядка. И эта мысль возникает при прочтении монографии автора, особенно последней главы и заключения.

Известно, в России много сторонников китайской модели не только, например, среди руководства КПРФ, но и в некоторых других партиях и региональных элит. Очевидно, есть соблазн пойти по китайскому пути. В этом слу-

чае есть опасность, что речь пойдет опять о «догоняющем» развитии. Но пока не ясны перспективы развития самого Китая и его будущей роли в мировой политике. А главное – нет той, погашенной стратегическим соперничеством двух сверхдержав соревновательности цивилизационных концепций развития человечества, которая давала возможность в прошлом задуматься о выборе.

Как отмечает А.А.Волохова, не могут не настораживать взгляды некоторых китайских ученых относительно преимуществ “восточной, в частности, китайской культуры перед западной”.

Действительно, такие утверждения вряд ли могут найти однозначное подтверждение в истории и современности. По большому счету, как Запад, так и Восток полон человеческих пороков и сомнительных идеологий.

Так, в самом китайском обществе, как пишет А.А.Волохова, признают, что “сегодня в определенных кругах Китая, включая студентов, культивируется гегемонистские настроения”.

Безусловно, “головокружение от успехов” переживали не только китайцы. Другое дело, опять сошлемся на автора монографии, “традиционные факторы, в том числе во внешнеполитической сфере, представляют собой обширный пласт общественно-политического сознания современных китайцев, определяя наряду с pragматическими интересами и потребностями, их поведение, их действия. С этими традиционными факторами, в том числе с получающим все большее распространение великодержавием, придется считаться другим странам и народам мира” (С. 142).

Монография же заканчивается пожеланиями к российским политологам внимательно присмотреться к теоретическим разработкам коллег восточного соседа. А именно – вспомнить “ленин-

ское наследие” и “вновь обратиться к концепции мирного сосуществования, объективно проанализировав ее содержание и роль в прошлом, а также оценить возможность включения ее в арсенал российской внешней политики и российских концептуальных подходов к системе международных отношений” (С. 144–145).

Стоит прислушаться к такому пожеланию, коль сейчас в кругах российских ученых-международников ставится вопрос о создании отечественной школы теории международных отно-

шений. Концепция мирного сосуществования могла бы пригодиться и практикам, ибо способствовала бы им сосредоточиться на главной задаче – на развитии экономики России и создала бы благоприятные условия экономической экспансии по примеру Китая.

Волохова А.А. Основы китайской дипломатии (Эволюция пяти принципов мирного сосуществования в 1949–2006 годах): Монография. М., “Научная книга”, 2007. – 151 с.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer”

Статьи представляются на диске в программе Word вместе с распечаткой.

Распечатка статьи дается Кг. 14 через 1,5 интервала.

Общий объем статьи не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Текст статьи должен быть структурирован.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, причем они должны быть привязаны к тексту с указанием выходных данных и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию на русском языке, отражающую основные идеи материала.

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или TIF.

При пересылке материала по E-mail требования по форме представления материала сохраняются.

В сопроводительном письме в редакцию необходимо указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, другие звания, должность и контактные телефоны.

Редакция не ведет переписку с авторами.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписной индекс **47653** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>
Подписано в печать 12.02.2008. Формат 70x100 $\frac{1}{16}$. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО “Джей Ти Принт”. Заказ № 120.